

Люминис Сантори Конъюгаты: Два

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67266848

SelfPub; 2022

Аннотация

Ученик поневоле, учитель, которому трудно принимать своё существо, его жена, не принадлежащая к подобному, и девушка, подчиненная собственной силе. Продолжение истории "Конъюгаты".

Содержит нецензурную брань.

Люминис Сантори

Конъюгаты: Два

Глава 1

Далила сидела у окошка и наблюдала те звезды, которые были видны, так как с этой стороны дом Кирсановых расположился так, что общее ночное освещение не мешало данному занятию.

Это не был кабинет Хрисанфа, где супруги нередко обитали, и где вместо потолка был доступ к небу: напрямик, либо чаще прозрачный купол, поскольку жена была мерзлява. Там находиться она предпочитала с ним вдовоем. Теперь дети спали, и хотя уже был второй час ночи, Далила решила дожидаться мужа во что бы то ни стало. Просто прихоть.

Он не обнаружил её в их спальне, пускай это могло быть для него предсказуемо, Агний, всё же, хотел привыкнуть к обычности: ведь в обычности любящие друг друга люди встают вместе и засыпают вместе. Он инстинктивно побрел к правому крылу и нашёл её дремавшую в глубоком мягком кресле, которое недавно обшил матерей, напоминавшей по-месь бархата с чем-то уютным и естественным, но в то же время прочным и лёгким в уходе.

– Такая соня. Может, поставить сюда диванчик?

Она проснулась от его тихих рассуждений и потянула к нему руки и тело в фланелевой пижаме с весёлыми рисунками из зверят и звёзд.

– Не уходи.

– Я только что пришёл.

– Вижу.

Хрисанф усадил её к себе и осторожно покачивал, потому что она, всё-таки полуспала и скорее всего ему так и придётся просидеть восемь часов, чтобы не потревожить её лёгкие невесомые сны.

– Малышка.

– Не говори так.

– Спи-спи.

– Обратись ко мне как к равной.

– Как можно. Ну ничего.

– Что вы делали?

– Тестировали того нового персонажа в той новой игре Калиты.

– Придурки.

– А ты умеешь сравнивать нас за долю секунды.

– Было весело?

– Да. Прости.

Далила оторвалась от сонливости и поцеловала его.

– Что лучше: я, или когда меня нет?

Хрисанф не удержался и запустив руки ей в подмышки, прижал к себе и вдохнул в себя запах её волос и сонного тела.

– Конечно, ты! Что за глупый вопрос.

Она почесала кончик его носа и попыталась укрыть обоих вязанным пледом.

– Все говорят, что брак убивает любовь.

– Опять идиотизм. Моя любовь с каждым нашим совместным днем только крепнет.

– Скажешь тоже. Хотя заболтать ты всегда умел здоровски.

Агний отвернулся к окну и нарочито стал игнорировать её ласки.

– Я обиделся.

– Что?

– Не что, а почему.

– Почему?

– Потому что я не умею обижаться, особенно на тебя. Ах, если б я умел, я сейчас надулся бы как индюк, бросал

бы двусмысленные взгляды в твою сторону, а потом устроил бы скандал, в завершении которого ты бы ползала у моих ног, просила прощения и сварила бы мне малиновое варенье, ягоды бы до этого сама собрала, обжигая пальцы в колючках. Так бы я хотел.

– Акаары быылах.

– Ну, конечно. Ведь ползал бы я, а не ты.

– Дабл бакайарошка.

Далила окончательно проснулась, немного заставила себя, и через несколько минут бережно коснулась его подбородка и аккуратно повернула голову мужа лицом к себе.

– Ну, хорошо, я поползаю.

Хрисанф не смог сдержаться и расплылся в улыбке до ушей хоть завязочки пришей.

– Мы, конечно, актёры погорелого театра, но я не могу просто. Прости, что такой простоватый и лох в общем.

Он обнял её и они долго целовались, как будто не виделись несколько месяцев. Далила не стерпела и первая начала растегивать его одежды.

– Это всё потому что ты старый гребаный романтик.

– Не обзывай меня так. Иначе...

– Что? Опять накуксишься?

– Нет (помогает ей себя раздеть).

– Уйдёшь играть в свои гребаные игрушки?

– Нет.

– Ну, Агний!

– Завтра не выпущу тебя из спальни, никуда. Тогда ты скажешь, что я совсем не романтичный.

– Ну, хорошо, сдаюсь. Я просто люблю тебя.

– А я люблю-люблю-люблю!

– Опять попался.

– Ну, хорошо, сдаюсь! Я старый гребаный романтик.

Глава 2

Хрисанф не хотел будить Далилу с утра пораньше, поэтому задержался дома, точнее, в спальне до восьми часов. Потом, всё же, осторожными поцелуями дал времечко, чтобы она постепенно стала потягиваться, зевать и заодно бурчать.

– Можешь убираться. Можешь проскользнуть мимо, как вор, и оставить меня одну с детьми наружу и детьми внутри.

– Нам надо поговорить, дорогая.

– Нет, это мне надо поговорить с тобой, дорогой.

Поскольку женщина опять была беременна, Агний в настоящем был предельно осторожен в постели, то есть, в основном, большинство удовольствия и внимания теперь должно было доставаться ему, а ей стоило просто быть спокойнее и быть просто рядом. Это всё что от неё требовалось.

– Здорово. Значит, мы снова на одной волне.

– Не думаю.

Хрисанф бережно прислонил голову к её животу, чтобы она перестала его в чем-то укорять, хотя поддевки и укоры с её стороны были для него также приятны, как и просто молчание. Всё её существо, существование, манеры, характер, капризы, норы – всё его устраивало до такой степени, что он сам не мог описать, как такое вообще с ним могло произойти.

– Нежность моя, ты вчера так старалась. Что с тобой? Или уже гормоны (из вопроса жене чуть было не перешёл в рассуждение с самим собой, что с ним бывало постоянно ввиду слишком долгого одиночества).

– Вовсе нет.

– Я же вижу.

– А потом скажешь, что я всегда доска доской и ноль инициативы.

– Ты не доска.

Далила несильно потянула его за отросшие волосы. К зиме они посветлели, а потом и вовсе стали чуть ли не прозрачно-белыми как ночной снег. Хрисанф испытывал комплекс и по этому поводу. Так было не ежегодно и не регулярно, но

порой внешность Агния немного менялась соответственно погоде. Или настроению. На работе и в людях окружающие думали на разный лад: либо у него генетическая предрасположенность к ранней седине в целом при здоровых густых волосах, либо, что вероятнее, Кирсанов из тех, кто тщательно ухаживает за собой. Далиле это было смешно, но он даже действительно перекрашивался в невызывающего неприметного брюнета, или каштан, чтобы не шокировать публику своими светящимися патлами. С другой стороны, возможность покрасоваться перед Далилой также – очередная череда терзаний и мучений. Дилемма: быть так желаемым собой простолюдином, или быть самым желанным для неё. Хоть плачь.

Далила угорает. Потому что для неё: хорош хоть как.

– Хочешь сказать, что я жирдяйка и свинтус?!

– Ну а чё. Ты же знаешь, что мне нравится всё плотненькое и мягонькое. И жирненькое. Как раз мой вкус!

Далила цокнула языком от возмущения и стала его отталкивать от себя, применяя всю свою физическую силу, но он не отодвинулся ни на сантиметр, а после и вовсе укатился с ней к большому изголовью кровати, свернув себя и её вместе с одеялом в трубочку.

Она промычала в тесном пространстве.

– Добавь "рыхленькое" и я тебя по стенке размажу.

Он засмеялся и обратно выкатил обоих на волю.

– Такая капризная, не могу!

– Агний!

– Да.

Далила, придумывая ответ, прикусывала губы, и всё ещё отталкивала его мягкие сильные руки от себя.

– Тогда я...

– Что?

– Я не буду!

– Что не будешь?

– Больше не буду стараться, чтобы порадовать тебя!

Хрисанф мигом оказался сверху, еле сдерживая свои отцовские страховки.

– Только попробуй!

– Именно! Ничего не буду больше пробовать!

– Ах, ты дерзкая, капризная, своенравная девчонка!

Они отвлеклась от основной нити намечающейся беседы и пропали друг в друге на некоторое время.

– Хорошо?

– Ага.

– Вот и ладно. Всегда старайся для меня. Только осторожнее.

– Хорошо.

– Опять играешь хорошую девочку.

– Да.

– И не отрицает, молодчинка.

Далила, постепенно приходящая в нормальную температуру и влажность, заплела уже довольно приличной длины косу мужу.

– Если быть честной, все мои "потуги и телодвижения" связаны с головноймойкой, которую я хочу устроить.

Агний потянулся за халатом, чтобы сбежать в ванную, но она погладила его по плечам, заставив расслабиться напрягшиеся было члены. Ей не нравилось, когда его тело каменело от чего бы то ни было: очень сложно было потом сделать так, чтоб он отпустил то, что привело его в такое состояние.

– А ты ведёшь себя как нормальный безответственный ублюдок.

– Далила.

– Это был комплимент. Раньше ты мог устроить сеанс психотерапии и научную рефлексию на три часа и прочую бурю в стакане.

– Родная.

– Арсен сообщил мне, что ты хочешь удочерить Ингу.

Опять и в бровь и в глаз апперкотами. Хрисанф поспешил бы ретироваться, но она нынче, видимо, приготовилась и держала его всего в своих руках.

– Сплехи вы.

– Только через мой труп, дорогой. Итак я стала мачехой поневоле твоим возрастным спиногрызам. Ещё одну слева я не потерплю.

Агний вздохнул, вспомнив о дочерях, домашних работницах, и присел, чтобы повести серьёзный разговор. Он не отпускал её руки и смотрел прямо в глаза. Она же, всё же, бежала от его взгляда, так как, когда взор мужа был столь пронизывающим, боялась и предугадывала, что вновь проиграет. Потому что не умеет ни спорить, ни ссориться.

Он это знает. Поэтому я опять заплачу.

– Любимая моя, не знаю, что тебе наговорил этот маленький засранец, но.

– Никаких "но", Агний. У меня есть предел возможностей. И ты знаешь, этот предел у меня ниже и уже, чем у остальных.

Хрисанф вспыхнул.

– Но ты её даже не будешь видеть! Хочешь, она будет жить в другом доме. Все материальные заботы возьму на себя. Я не могу её оставить.

Ну вот. Он не хочет сдаваться.

– Агний, ты что, хочешь приютить всех сироток и сумасшедших планеты? Так не бывает.

– Это у тебя не бывает! С твоими пределами и рамками. И у твоего космического близнеца, Арсушки-душки!

Он моментально пожалел о сказанном.

Ну почему я такой идиот? Тем более, в её положении. Гребаный эгоист! Ты ещё кинь в неё чем-нибудь! Или ударь! Или ещё навали кучу неприятностей! Опять захотел искупаться в её слезах?!

– Арсушка не так уж и туп, как ты бываешь порой. Но я тебя понимаю. Такой уж ты. Так устроен. Не как я и обыкновенские простенькие людишки.

Теперь заплакать захотелось и ему. 1:0, Далила Птеровна. Жестокая моя.

– Ладно. Хватит на этом. Я что-нибудь придумаю, чтобы

всем было удобно.

– Агний, ты никогда не станешь отцом для Инги. У неё есть родители. Она никогда их не забудет. Это природа.

Милый мой, почему я так жестока? Видеть, как наливаются кровью твои красивые непокорные глаза, становясь ещё более одинокими и отдаленными, когда вот так сидим рядом. Думаю, что мы – единое целое, мгновение – и между нами сотня тысяч вселенных. Сухарь. Черствая душа, вот кто я.

Хрисанф помолчал, думая о чем-то таком, что ему самому было непонятно, но далее не хотел более расстраивать жену и затягивать никому ненужную войну.

Он судорожно притянул её к себе и крепко прижал к своей груди.

– Прости меня. Я что-нибудь придумаю. Как-нибудь... Справлюсь.

Далиле тоже больше не хотелось ничего такого, что бы причиняло ему боль.

– Хорошо, придумай. И ты прости меня. Зато, что я такая неудачная женщина. И никудышный человек.

Глава 3

Арсен в глубокой задумчивости готовил рыбный пирог на

своей маленькой кухне, тестируя новенькую с иглочки духовку, подарок Аэлиты.

Аэл любит что-нибудь основательное, а сейчас холодно, калории надо поддерживать, но рыба, думаю, внесёт разнообразие между говядиной и курицей. Вот я изобретательный!

Он посмеялся собственной шутке, но проклятый Хрисандель опять занял львиную долю его мыслей. Вчера босс написал ему на электронную почту, что весьма плох во всём, что касается сарафанного радио и тем, что слухами полнится. Что никакое конъюгатство не поможет ни ему, никому другому вытравить из человека склонность к сплетням и предательству. И так далее и тому подобное: текст, претендующий на приличный рассказ на тему морали и нравственности.

Арс стукнул о выходках Агния уже давно, но походу Далила созрела перед самым решением вопроса о дальнейшем проживании девочки в людском обществе.

Разумеется, он поделился с увиденным и услышанным и с Аэлиткой, но оказалось, этих двоих достаточно, чтобы прослыть звездой ябед и сплетников мирового уровня.

Хрисанф в письме намекал на такую разочарованность тем, кому подал руку помощи в минуту, "когда и скучно и грустно". Что он-де души в нем не чаял, что полюбил его, как брата, коего у него никогда не было, как сына, и хотя у него есть дети, он мало ими занимался, поэтому берег, как сокровищницу то, что создалось между ними.

В общем, муть и до того противно, что хоть выкидывай свежую рыбу через окно, а воздушное ароматное тесто залепи на голову вместо шлема от этого потока изводящих слов и букв.

Да, тяжело, наверное, приходится сеньорите. Хотя чиполлинка утверждает, что всё у них на мази да в шоколаде. Что это я вообще не то горожу.

А что Аэлитка? Эту не проймешь. Выслушал меня мой драгоценный лучок, что твоя Василиса премудрая, и только головкой кивнула, мол, я на твоей стороне, чувак, а сама никого судить и рядить не собирается. Говорит, что с тех пор, как стала жить со мной, умнеет не по дням, а по часам. На фоне идиота – конечно. Я так считаю, я ни при чем. Волшебная кровь полубожественных отенкаев. Чудесный пупенкай и всё тут.

И что это я на самом деле? Петерсон уже и без меня пре-

восходно начал обгонять программу. Хрисанф назначил общее расписание по математике для целого класса по 10, 15 и 30 человек в 6, 7 и 9. Веду. Ничего так. Но после того случая в лесу, босс уже не тот. Держит дистанцию. Хотя оно и понятно. Ведь именно для этого, они и хотели расширения, чтобы и другие дела успевать и семье время уделять. Пучком. Но как-то стрёмно...

Да-аа... Он что? Друг мне или товарищ? Сам же обозначил, что такому никакого доверия. И тем не менее влез в их бизнес и жизнь. Тоска. Жаль, что Аэл так много работает, теперь перед новым годом совсем аврал. Отнесу вот этот пирог и ещё маленькие толстые пиццы: пусть все угощаются. Ещё, может, посмотреть рецепт имбирных пряников в интернете...

Арсушка-инквизитор. Палач. Может, моё предназначение – осуждать налево и направо, не имея на то права, знаний и доброго сердца ни-в-чём-неповинных граждан планеты?

В самом деле, какая мне до этого феня? Ну, хочет человек много детей. И что с того? Стеснительный и закомплексованный на пустом месте, что и дедушка Фрейд не разберётся. Ну, любит чувак свою жену как помешанный. Любовь же есть помешательство, в хорошем смысле этого слова. Я сам – паж моей веснушки-зеленоглазки. Что теперь делать-то?

Почему я взъелся на бедного старика? За что?

Ладно, ясно-понятно, что он тот ещё фрукт, подозрительный гад и вообще лучше с ним не связываться. Но, вроде, лично мне и моей девушке ничего такого худого не делал. Кроме того, что ввёл в их компанию.

Эх, но что теперь делать? Поклоны бить? Послать ответное письмо с извинениями. Опять через Далилу пройти? Или Аэлиту с Калиткой попросить подсобить, уму-разуму научить?

Так, Арсен бился более двух часов, а затем в ожидании остывания пирогов и прочих хлебобулочных изделий собственного приготовления, решил отвлечься от мрачной совести и засасывающей ложечки и посмотреть фильм, который они с Аэл хотели позырить намеренно, но она, как всегда, была экстремально занята, а он, хоть тоже местами и временами занят, но всегда умеет выкроить время для глубоких копок в себя и не в себя.

Видео остановилось, потому что затренькал входящий звонок, заставивший парня сначала поморщиться от недовольства вмешательством внешнего мира, потом насупиться, так как номер был неизвестный, затем настороженно, но вполне прохладно ответить.

– Да.

– Извинения приняты, бро. Гоу, погоняем! Я жду уже внизу. Ты на углозубе, я на 26, новая версия, хочу проверить шины и зимнюю скорость.

– Дурак, здесь в такую погоду на байке не носятся.

– Я ношусь! Что хочу, то и делаю, как цитирует Далила прекрасная!

– Гребаный попугай.

– Возвращение! Может, у нас всё наоборот? Может, это я в позиции сынка? Куттуубун игин, в лучших традициях семейных ценностей, ха-ха!

– Хорош старпер.

– Спускайся, сынок! Я скучал!

Глава 4

Монолог Далилы

Агний, конечно, великолепный человек. Но вот он сбежал к своему новому, и, может, единственному другу (не считая Калиты, но Калита больше – коллега и товарищ по интересам). И теперь я опять по ту сторону океана. А Хрисанф – по другую.

Вот, например, история с обеденным столом. Со временем его поверхность шеркается, тускнеет, покрывается ранами от ножей, вилок и других кухонных предметов. В деревне мы накрываем его клеенкой. Так удобнее: и мыть, и выти-

рать, и смывать остатки еды, жира, пасты от ручки, кетчуп, вино, крошки хлеба, лужицы супа, пюре и так далее. Люди побогаче или сноровистее используют матерчатую скатерть. Современные – выбирают современные моющиеся столешницы.

Но всё равно, и там и сям, используются салфетки, подставки, доски, губки, тряпки и прочее.

Старый обнажившийся голый круглый стол, сбитый из настоящих деревянных досок – мы его не видим под полиэтиленовыми цветастыми покрытиями. И только в редкие минуты уборки, выставки, или когда решишь отправить старье в мусор, открываешь эту древность, чувствуешь на ощупь лёгкий пахучий древесный массив. Ножки его и бока уже давно обшарпанные: здесь поработали и человеческие ноги, и обувь, и гости, и шалости детей, когти домашних животных, переезды, пинки, потопы, солнце, уличные башмаки и так далее.

Ты выбираешь фанеру, клей, опилки, поливинилхлорид, потому что мода меняется, сезоны сменяются, мебель тоже стареет.

Так и с людьми. Они как будто покрыты рабочей засаленной клеенкой со штампованным, однако приятным рисунком. Иначе нельзя. Иначе твоя кожа покроется рубцами, кровью, мясом, солью и уксусом. Даже красивая изящная узорная скатерть скрывает маленькие ожоги, дырки, прорехи, пятновыводитель и отбеливатель, следы утюга и тёплых

рук.

Внутри – что-то основательное, корень, история семьи, народа, общества, если хотите, целый лес, целый металлургический завод и химическая фабрика. Что-то, в общем-то, добротное. Пускай это пластиковый столик, который разложится на свалке за три года. Его делали люди. Пусть с помощью машин. Это чья-то зарплата: в 500 рублей в день, может, больше. Чей-то пот, ссадины, думы, планы, гнев, радость и другие эмоции.

Там под клеенкой первобытный человек с большим удобным плоским камнем, там дворянин с цельным дубовым столом, возможно, там даже будущий хомо со скатертью-самобранкой.

Так и с Хрисанфом. Он тоже носит на себе эту хохломскую китайскую клеенку. Зачем я об этом рассказала? Потому что изображения на моём столе тоже такие, какие должны быть у всех живых существ. Инстинктивно мы знаем, сколько нам положено, из чего мы состоим, на что способны. Но кроме этого врожденного компаса, есть наша служба, где мы добровольно подставляем свое лицо кому-то стирать и скоблить, позволяем готовить из нас разнообразные интересные блюда и разрешаем себе вести себя скромнее, чем мы есть на самом деле.

Много праздников проходит через нас, но также много наша поверхность слышит ссор, упрёков, обид, сплетен, молчания и даже драк и преступлений.

Агний любит по утрам пить чай, кофе и другие напитки в одиночестве, и в его столовых всегда бывает хотя бы один большой стол натурального происхождения, не покрытый ничем. Чтоб о него можно было аккуратно постукивать ножом для масла, старинной мельхиоровой вилкой или серебряным кувшинчиком.

Разумеется, это ничего не меняет в системе мироздания. Ничего не меняется и в нас. Окружающие могут просто подумать, что он богат, и может позволить себе отдельно и кухню, отдельно место, где просто едят, а не готовят.

Прежде чем отправиться в мусорник, выгребную яму жизни, он хочет, хотя бы иногда, стараться ощущать вещи, понятия и создания такими, какие они есть: открытыми, простыми, сильными, мириадолетними и, что важно, свободными.

Отличие между нами. Одно из многомиллионных, хотя он утверждает, что мы удивительно похожи: он, всё-таки может себе позволить хоть какое-то вольнодумие и вольнодействие. Пусть неосознанно, неуловимо, инстинктивно. У меня же моя так называемая тотальная свобода всегда сморщена, как старый испортившийся жухлый целлофан.

Конечно, я должна стараться предоставлять ему делать всё, что угодно. Ведь для иных – это непозволительная роскошь.

Температура достигала примерно – 38 градусов по Цельсию. Хрисанф снял зимний шлем и вдохнул прохладный чистый воздух совсем недалеко от замерзшего термокарстового озера. Клубы пара летали возле их разгоряченных поездкой лиц. Босс, как был с виду в лёгком комбинезоне с непокрытой головой повалился на глубокий снег и, стянув перчатки, стал пробовать холодные сугробы своими ладонями.

– Обожаю жить в странах с подобной метрической системой! Знаешь, было бы довольно проблематично взвешиваться на весах, где показывает в два раза больше, и градусник в июле показывает 60 и выше: Далила бы взорвалась!

Арсен в спешке надел утепленную летнюю куртку и штаны изнутри подбитые заячьим мехом (ещё с сундуков прабабки).

– Слушай, как-то опасновато ездить на мотоцикле в такую погоду в такой одежде.

Кирсанов рассмеялся и стал делать снежного ангела.

– Вы с Далилой действительно ворчуны! Это материал, созданный Калитой. Лёгкий и комфортный, до и – 75. Ты разве не слышал? Уже в ноябре мы запустили продажу и в местных магазинах.

Арс помялся, надёжнее завязывая шнурки на своей ушанке из собольего меха.

– Так ты уши отморозишь.

Хрисанф поднялся и покорно натянул серебристо-зеленый капюшон с светоотталкивающими полосками.

– Ты прав. Далиле не понравится, если вернусь с раскрасневшимися щеками и обветренными губами. Заставит принять горячую ванну. А я не люблю горячую воду в декабре.

– Почему?

– Люблю. Но где-нибудь на источниках, а не дома в узком пространстве. Зима даётся для свежести и бодрости, а мы как будто только и делаем, что отталкиваем её блага.

– Ну, не все такие холодостойкие. И все хотят жить долго и счастливо, и иметь детей.

Агний опять залился хохотом (почему-то с этим чувачком ему нередко приспичивало без притворства посмеяться).

– Ты действуешь на меня благотворно-исцеляюще! Разумеется, за исключением моментов, когда ты просто абсолютный засранец!

Иванов уже знал, что его наставник завсегда угрожает с него, что с клоуна или ходячей комедии, хотя он вообще ни о чем таком и не думал, и в планах развлекать Хрисанделя у него не было никакого мотива. Он, как всегда, неуклюже ссутулился и натянул рабочие рукавицы из драпа, ватина и фланели.

– Как поживает сеньорита?.. Далила Птеровна.

Хрисанф улыбнулся и, вытащив из рюкзака тонкий высокий термос с горячим мясным бульоном, протянул другу. Себе из другого кармана достал брикет мороженого и уселся на снежную глыбу, образовавшуюся вокруг большой кочки.

– Женой моей интересуешься?! Так я и знал! Хорошо поживает, лучше всех! Настоящая избалованная принцесса на горошине! Поэтому я и сбежал с тобой сюда. Когда женишься, брат, поймёшь. Нужен перерывчик.

Босс откусил добрую половину сливочного кирпича и зажмурил глаза от удовольствия. Арс осторожно отпил глоток крепкого наваристого бульона, успев хмыкнуть.

– Так итак женат.

Хрисанф одобрительно кивнул.

– Дело молодое! Поживите с нас, и тоже будешь голым в морозы наяривать, или, как Калитка, очки в Антарктической толще искать.

Он снова засмеялся и в один присест прикончил остатки мороженого.

– Аэлита – хорошая девушка.

– В курсе.

– Моя Далила – очень счастливая женщина. Наверное, поэтому мы встретились. Чтобы жизнь мёдом не казалась. Она делает, что хочет. Вяжет из меня макраме и фенечки. А я, дурак, рад-радехонек! Её свобода начинается со всего и не заканчивается нигде. Никто ей ни судья, ни рамка, ни авторитет, ни правило. Скажет – как отрежет. Ни-ни! Вот сегодня например.

Арсен понял, что сейчас опять войдёт в роль кума-жилетки-рубahi-парня. Хотя он и не возражал. Собственно говоря, почему? Как будто много у него было собеседников хоть на какую тему.

– Что-то мне подсказывает, она об этом другого мнения.

– Ой, её послушаешь, просто агнец божий! Коза отпущения! Я сегодня трижды спустился в ад, пока она меня отчитывала насчёт Инги.

– Кстати, как там?

Агний аккуратно убрал бумажную упаковку в рюкзак и выудил оттуда ледяную колу.

– Бумаги почти готовы. Жду решения суда. Всё оказалось так, как я и предполагал. И года не прошло. Они от неё откажутся. Дело дошло до судебного разбирательства, так как у неё есть кое-какие права по наследованию. Хотят обнулить. Я бы выкупил всё. Но такие случаи зачастую вызывают огласку, поэтому решил дождаться естественного хода событий. Как только девочку переведут в какой-либо пункт передержки, я оглашу желание об удочерении, а там уже подключу и связи и средства, если потребуются.

Арс тихонько пил содержимое из термоса и начал думать о том, не переместиться ли им в тёплого углозуба.

– А Далила?

– Конечно, против. И спасибо тебе за это (не без сарказма). Видимо, придётся снять для неё отдельное жильё. Я хотел бы, чтобы вся семья жила вместе. Но так, похоже, бывает только в сказках.

Арсен решил спросить без обиняков (частично, из-за особенностей погоды, хотя днём вышло солнышко, и кусочек голубого неба, частично из-за вменяемой ему "излишней лю-

бознатальности".

– Ты имеешь какие-то виды на девчонку? Помнится, упоминал об её некоторых особенностях.

Хрисанф прикончил литровую колу и многозначительно посмотрел на приспешника.

– Как ты справедливо подозреваешь: я всегда на всё имею виды. Я – не я и зовут меня никак без этих самых видов. Да, она меня заинтересовала, не без этого. Но, честно говоря, все эти особенности у меня уже давно стоят поперёк горла. Вот где. И я, и ты, признайся, мы больше её пожалели, чем что-либо другое. Она же ребёнок.

Арс кивнул и побрел в сторону машины.

– Ну, окей. Она кого угодно разжалобит. Но ведь эта ученица сама этого не понимает. И разве тебе не жалко самого дорогого для тебя человека...

Агний последовал за приятелем. Внутри ПУ он немного изменился, исчезло шутовство. Он молча принял пустой термос и бережно спрятал его в рюкзак. Спустя какое-то время, сидя, отвернувшись от собеседника, он произнёс.

– Не только ты под мушкой. Я всю жизнь под колпаком. Наши с Далилой дети очень маленькие, тогда как мы – родители в возрасте. Нелегко это. Отставать от природы. Ей в особенности. Ведь у неё всё впервые. И как она сама отмечает, многое ей не по силам. Теперь моя жена снова беременна. И если что, я вас услышал. Понятно, что мы с ней попали в плодотворный поток, но к сожалению придётся умерить свой пыл (он вздохнул).

Арсен оказался в какой-то пустой полутемной комнате, откуда в него потекли мысли Хрисанфа.

– Мои сыновья, внезапно обрушившиеся в нашу мирную гавань, они, как сказать, сами с бородой. Их не перевоспитаешь и не повоспитаешь. Всё как об стенку горох. Такая стадия развития: сами с усами. А малыши, что зверятки, им пока подавай молоко и ручки. А Инга и другие дети, которых бы я хотел приютить, она в самом пике, когда ребятки такие славные. С ними можно поговорить обо всём, они ещё не стали подростками и не покрылись первыми мрачными осенними листьями. Может, это помогло бы нам с Далилой более с амортизатором вступить в нашу новую семейную должность. Я так думал.

Гребаный Хрисандель хуже чеканутой малявки. У него всегда какие-то грандиозные идеи, которые другим и в голо-

ву не придут.

– Разрешите вручить вам премию мира. С чего ты вдруг решил, что Далила одобрит твое сумасбродство?

– Она и не одобряет. Да и кто одобрит. Пока не попробует. Это тебе трудно понять, но теперь, когда у нас наконец получилось, нам придётся от этого отказаться. После мы уже не будем заводить собственных детей. Наши крохи и те, которых ждёт жена, они как Атлантида для маньяка отныне. Нет никакой гарантии. Их у нас могут просто-напросто отобрать. Просто потому что есть в мире ещё дураки, верящие во всякие непотребные вещи.

Агний конъюгировал в Арсена информацию, подслушанную у Лито и Талона. Тот, приняв её, увидел в боссе чуть ли не Ингу с косичками за партой.

Ну, почему этот проклятый шеф вечно чем-нибудь меня проймает.

– Дело даже не в них. Нам же отпущено время. Почему не провести его хорошо? Чтобы всем было хорошо.

– То, что роза для тебя, для другого – кака. Вот почему.

Как по щелчку они вылетели из замкнутого пространства, и Арс почувствовал холодный ветер, залетающий через при-

открытую дверь.

– Вы с Далилой – шикарно избалованные люди. Просто на чистом сливочном. Конечно, как на арабском с вами.

Внезапно Хрисанф обернулся и сверкнул зубами.

– Но, надеюсь, любовь победит!

Ох, уж этот странный-престранный босс.

Глава 6

Хрисанф на обратном пути хотел намылиться в гости к Арсену, но тот намекнул, что будет тусоваться со своей девушкой, то есть женой. В таких делах босс уважительно умывает руки и не лезет вообще.

Получилось. Агний проводил Арса и не без сумятицы стал поглядывать в сторону своего дома. Надо задобрить Далилу, иначе нынче ночевать одному в кабинете под издевательством нависающих зимних облаков.

Аэлита сегодня возвращалась с работы самостоятельно, впрочем, так оно было зачастую. Даже, если место джоба было далеко, предпочитала хорошенький марш-бросок, нежели побескоить своего славного парня.

Пролетая мимо одной витрины, Аэл ойкнула и помчалась к ступенькам крыльца, уже разукрашенного мерцающими разноцветными гирляндами.

Надо купить что-нибудь Арсену! Сладкое! Недавно он отправил по мессенджеру свою выпечку, но то было больше по части мяса, чем сахарной ваты и карамельных тросточек.

Точно-точно, здесь должны быть те розовые длинные тянучки и такие маленькие разноцветные драже с жевательным мармеладом внутри, у которых разнообразнейшие вкусы!

В кондитерской вкусно пахло свежими булочками, газировкой и немного облигатным какао.

Поскольку время было вечернее, перед ужином, Золотарева попала в час-пик продаж. Пристроившись к хвосту очереди, она в веренице заметила высокого мужчину, стоявшего к ней спиной, в кислотно зелёном серебряном комбинезоне. Он выделялся среди остальных, что твоя рождественская ёлочка в дровяном сарае.

– Дядюшка Хрисанфий!

Агний тотчас обернулся и увидел Аэлилу, зажавшую рот руками в красных варежках с белыми снежинками.

– Ой! Простите!

Кирсанов добродушно улыбнулся знакомой и движением руки устроил её впереди себя, не обращая внимания не то что на косые, сколь любопытные взгляды.

– Это ты, Аэлита. Ничего. Тебе одной в этом мире разрешаю к себе так обращаться. Странно, что с твоих уст это меня не обижает.

Хрисанф видел, как молодые люди и некоторые пожилые мужики просят у продавца молочный шоколад. У кого-то намечается свиданка! Моя молочный не жалуется. Покупаешь тёмный или горький, как будто кто-то собирается готовить глазурь для торта. Наверное, мало кто подумает, что эти плитки для слабого пола.

– Мне, пожалуйста, два маленьких тёмных батончика, одну плитку горького, без орехов, отдельно по кусочку торта. Какие виды у Вас есть? Аа, со всех по одному. Только шоколадные не давайте. Да, как всегда, упакуйте в коробку. Ещё мне кофе с собой, холодный, без сахара и молока. И... Кулёк тех драже с жевательным мармеладом, у которых всевозможные начинки. Вы знаете, которые из них противные? Нет? Ну, хорошо, спасибо, посчитайте юную леди и меня вместе.

Аэл взяла пару круассанов, зелёные тянучки со вкусом дюшес и бутылку сидро. О драже она совершенно забыла и вспомнила только тогда, когда Агний попросил их у стойки.

– Дядюшка!

– Ну чего тебе, старушка.

Девушка рассмеялась и протянула коньюгату бумажный пакетик с горячими круассанами.

– Возьмите в благодарность!

– Зачем они мне?

Они прошли к стоянке, где Хрисанф оставил свой 26.

– Ну, возьми-и! Тетушке понравится! Лил любит всякие вкусняшки! Я вот купила, не подумав! Впрочем, как всегда. Ведь Арсен приготовил рыбный пирог и пиццу, и тут я с французскими хлебобулками. Не кстати. И так же есть.

Агний покорился и стал засовывать внезапный подарок в глубину рюкзака, по ходу закатив глаза и выкатив язык.

Аэл опять звонко рассмеялась.

– Дядюшка, вот так вы и не очень дядюшка! Нормально!

Она слегка смутилась от собственной фамильярности и теплее укуталась шарфом.

Ну до чего же я глупая. Это же начальник моего Арсушки. Командир их команды. Муж обожаемой ею Сарданки Птеровны. Друг её любимого деда. Арсен всегда дичится его. Почему? Дядюшка вон какой простой дядька. Конечно, он словно ходячая картина из галереи искусств. Но в магазинчике его даже особенно не замечали. Он умеет включать ту меланхолию, которая настраивает всех на равнодушный лад. Хрисанфий выглядел таким грустным и одиноким. Кто выше? Мой кухаренок, или дядюшка? У него такой непонятный рост. Хотя походу все выше меня! Все женщины мира должны были бы повалиться оземь, влюбившись в него с первого взгляда и на всю жизнь! А он тут ходит один, как "одинокий ветер у причала"... Жаль его.

– Аэлита!

Встрепенулась от собственных мыслей.

– А?

Агний собирался отъезжать.

– Смотри, не влюбись в меня! Арсушка будет плакать как

сублик!

– Ещё чего! Фу!!!

Хрисанфа пробрал смех, он ловко поймал девчонку за маленький белый подбородок и повернул её отвернувшееся было личико к себе. Он изучал её глазами, как препарат под микроскопом.

– Так-так. Дедушкины глаза с зеленью. Бледная кожа от мамы... Или от отца. В целом, от Калиты у тебя вроде совсем капельку. Да и сама ты, как капелька. Конечно, честь для меня вот так общаться с отенкаем. Я должен тебя бояться и вести себя предусмотрительно. Но ты же теперь моя родственница, раз я твой дядюшка (смех)! К тому же, крестная наших ребяток. Странные вы конъюгаты, дети мои.

Аэл стала как меловая бумага с рисунками веснушек и тонкими веками.

– Мы – не конъюгаты. То есть Арсен – да. Я – нет. И ещё, дядюшка, у меня уже есть вторая половинка. Почему вы так странно шутите? Лучше моего парня нет никого на белом свете.

Хрисанф рассмеялся, отпустил её голову и потрепал по щеке, чтобы увидеть румянец, которого не было.

– Арс тоже не совсем, как я, или не как другие наши. Со-
всем другой компот. А лучше его действительно нет никого
на этой бренной земле. Так что береги его. И не ходи с чу-
жими дядями по магазинам. Как теперь я ему покажусь? Он
же меня побьёт!

Аэлита потерла лицо ладонью: пальцы Хрисанфа ощути-
мо щипнули её кожу.

– Дядюшка, в следующий раз не старайтесь. У меня такое
расстройство: краснеть не умею. И ничего не говорите Ар-
сену. Вдруг, действительно!

Агний растроган её поведением.

Чисто, дитя! Но не надо поддаваться влиянию отенкая,
служителю человечества. Этого ещё мне не хватало. До чего
стеснился мир!

– Ну, тогда старушка, кру-гом! И марш домой! Никуда не
отвлекаться, никому не зубоскальничать! А то всё доложу
твоему бойфренду!

Аэл, смеясь, поспешно убежала, расталкивая прохожих
пешеходов.

Хрисанф со спокойной душой поехал домой.

Благотворное влияние отенкая. Как гора с плеч! Я бы в такую влюбился. Но дороже далиловских ежовых рукавиц и натуры ежовой лучше нет ничего на этом белом свете! Истину глаголите, госпожа Аэлита Вячеславовна!

Глава 7

Аэлита шумно вторглась в квартиру Арсена. По дороге к нему она бросала на пол свой пуховик, шапку, шарфик, рукавицы, наплечную сумку и пакет с покупками.

Арс пристроился к ней по пятам и собирал раскиданные вещи: беспорядок порой его несколько раздражал, но не от его личного сорта чиполлинки.

– Я видела дядюшку Хрисанфия!

Арс стал накрывать на стол. На большом круглом подносе в маленькие пиалы он поместил разные соусы, полдливки и закуски, кетчуп, майонез, горчицу, хрен и прочее. Сбоку пристроил стеклянный кувшин с брусничным морсом. Посередине расположился вытянутый плетёный рыбный пирог, украшенный зеленью, оливками и рябиной (нашёл днём во время их трипа), который по внешней окружности окаймляли маленькие толстые пиццы на деревянных досочках. И между всем этим съестным – Аэлкины фигурки от киндера и

другие небольшие няшные игрушки в виде зверьков, аниме, героев из сказки и так далее.

Девушка охнула от восторга и моментально вернулась, быстренько помыв руки, вооружилась десертной ложкой и принялась до того скоро кушать, что довольно увесистые блюда стали исчезать прямо на глазах.

Арсен давно привык к её колоссальному аппетиту, поэтому неспешно уплетал свою пиццу с колбасой, сыром и помидорами, намазывая её временами васаби и аджикой.

– И где это?

– Што? (с набитым ртом).

– Ну, где дедушку Хрисанделя повидала?

Почему-то, его особо не волновали контакты его жены с его боссом. Просто настораживало, как и всего его самого, но значительно успокаивал тот факт, что он и сам неоднократно был свидетелем Аэлиткиной странной неприкосновенности и абсолютной защиты. Всё злое, преступное, опасное превращалось рядом с ней в рядовое, обыденное, доброе, может быть, шумное, хаотичное, но вполне безобидное.

Конечно, с этим гребаным конъюгатом следовало быть на чеку, но сегодня стоит расслабиться. Айка. Зачем видеть во

всём только плохое.

Аэл наивно выдала.

– В магазине! В той кондитерской, где я часто бываю, здесь неподалёку!

– Аа, это он после нашей встречи возвращался Наверное.

Она улыбнулась, подскочила к нему с куском кулебяки и стала взъерошивать ему волосы, посекундно от удовольствия покусывая его плечи, уши и лицо.

– Так вы помирились, дети мои!

Она вспомнила слова Агния и ещё пуще закатилась смехом.

Арс отобрал у неё выпечку, чтобы ненароком не подавилась, и легонько похлопал по спинке.

– И чего это ты с чужими мужьями тусуешься? (чтобы пришла в себя наконец).

Аэлита возмущённо и даже немного отчаянно захлопала глазами.

– Я... Не этого! Ты чё?!

– Ну, конечно, не этого. Да и кто такого дурашкаватого. Это же просто лучок, помидоры, огурцы, укроп.

Чтобы она всерьёз не забеспокоилась по поводу своего поведения, он притянул девушку к себе и поцеловал.

– Этот пупенкай только для меня созданный.

Аэл выронила ложку, которой хотела на него замахнуться и огреть как следует за недоверие, потому что тотчас растаяла, как сливочное масло под горячим солнцем.

– Ох, Арсен! Это правда! Так оно и есть.

Они немного помиловались друг другом, потом она вернулась к трапезе, но ежеминутно смотрела на него и то чмокала в щеку, то гладила по волосам, приговаривая.

– Только мой любимый и единственный.

После ужина Аэлита поведала об их совместном шопинге с Хрисанфом, но, всё же, вырезала момент с шуткой Агния про любовь.

У дядюшки неловко с юмором порой оказывается. Ну, правильно! Он же дядюшка! А дядюшек надо подбадривать!

И Колобочек и муж Далилки. Со всеми надо осторожнее, что ли. А то мой сахарный цыпленок разочаруется во мне. Дядюшка просто местами некультурный и невоспитанный. Что поделаешь, они с дедушкой уже слишком старые, чтобы манер придерживаться. И Лил не стоит знать об этой выходке. Тётушка феноменально ревнива.

Они с Арсеном уже лежали в его постели и собирались посмотреть всё тот же фильм, когда парень поправил ей сбившуюся прядь и натянул ободок на её непослушные волосы.

– Смотри, не слишком с ним фамильярничай. Он потрясающе ревнивый. Далила то, Далила сё. Как банный лист прилипнет, если кто что скажет о его дражайшей супруге. Если она кому-то симпатична, он просто агрессивно начинает симпатизировать того бедолагу. Жуть да и только. Не хватало, чтобы он тут у нас зависал семь дней в неделю.

Аэл устроила на твёрдой диванной подушке побольше вкусняшек и кивнула.

– Да, то-то, он так тебя полюбил.

– Не говори так.

– Сам же сказал.

– Это всё из-за его теории, что я – странный коньюгат, как

он выразился. Я просто для него диковинный жучок. Он же биолог, учёный, как твои родители.

Арс не вытерпел натиск её сейчас темно-зеленых глаз с коричневыми крапинками, критично смотрящих на него сверху вниз и снизу вверх.

– Ты сама временами похожа на этого гребаного Хрисанделя! Я вам что, бабочка-аполлон?

Аэлита потупила взор, затем не утерпела и вновь впиалась в него влюбленными глазами.

– Не бабочка, а просто красивущий и восхитительный аполлон, которого я боюсь назвать своим, настолько он хороший и замечательный.

Глава 8

Хрисанф вошёл в дом, почему-то вспомнив, что сыновья улетели с Калитой глубоко на север. Айнар совершенно не хотел из одной глухомани в глухомань похлеще, но оставаться здесь на виду отца, один без брата, тоже не горел особым желанием. Ключица давно зажила, но в памяти осталась воспоминание о ярости Агния, что предостаточно умерило его наглость в присутствии того, кого он не очень-то любил. Зато Айтал радовался как ребёнок, что поедет с симпатичным

ему другом папы в дальние края, где воочию увидит и повоюет с животными, о которых всегда мечтал. Путешествие намечалось весьма концентрированное: минимум времени на максимум покрываемой территории, так что он даже не сильно расстроился предстоящей разлуке с как бы новоиспеченными родителями.

Сейчас бы можно было бы увильнуть в гостевую и поболтать с Айталом. Уж ему всё всегда интересно. Можно в лаборатории микропрепараты делать, вещества разные синтезировать, хоть для парфюма, хоть лекарства. Можно погонять на любом транспорте: вот кто не боится скорости! А на охоте на лосей и изюбров ему равных нет: копытные – его тема. Правда, с ним добычу осматриваешь, убеждаешься, что всё в порядке и обратно выпускаешь на волю. Экологичный парень с головы до пят. Но всё равно приятно.

В это время Айнар с нескрываемой злостью тащится позади буксиром, ворчит и огрызается без остановки, курит, пьёт, закидывается разными якобы полезными пилюлями, исчезает в самый ответственный момент к своим потаскунским выходкам. И вообще, устаёшь от него. Чисто как будто выжатый лимон.

Кровиночка моя. Весь в меня, убогий. Айталики не такой. Боги посмеялись надо мной этим сыном. Чтоб видел, каким на самом деле должен быть нормальный человек.

Его досужую меланхолию прервал голос женщины, заглянувшей в холл прихожей.

– Шура, ты пришёл! Идём кушать!

Хрисанфа чуть кондратий не хватил от неожиданности. Он мигом отряхнул от себя лишние мысли и хаотично стал стягивать комбинезон и зимние ботинки, чтобы молнией проникнуть в ванную и выйти оттуда молниеносно в приличном состоянии, пробежать в гардеробную и появиться перед родственниками Далилы при всём параде.

Ну, Сарданка обратилась к тяжёлой артиллерии, чтобы вправили мозги её пройдохе-мужу! Далила Птеровна, вы просто зажигает нынче!

Дальше думать было некогда, от волнения Агний запутался в ремешках и чуть было не свалился на плитку пола, но в это время жена появилась, как черт из табакерки, под самым его боком, и дёрнула вниз молнию, куда попал и застрял несчастный шнурок.

– Добрый вечер, любимый!

– Здравствуй, солнышко!

– Что это за ужасный цвет? Ты что, так и наяривал по

предновогоднему городу?

– Ну, да. У Калиты были три версии: красный, белый и зелёный. Синий он сам взял в поездку на север.

– Наверное, люди посчитали тебя за фрика.

– Я фрик и есть. Давно приехали твои родные?

– Два часа назад. Я пожаловалась маме, подругам и остальным близким, и они мне сказали, чтобы я приготовила что-нибудь вкусненькое. "Ведь твой муженёк любит пожрать, с ним просто на самом деле, а ты тупишь". И я решила приготовить харта, но не знала как.

Хрисанф внутри занял колобком.

Я не нравлюсь её семье. Они, наверное, сто раз уговаривали Далилу развестись со мной. И они имеют сильное влияние на мою голубку. Что делать? Я в обморочном состоянии.

Вообще-то, родственники и друзья наоборот нарадоваться не могли на её законного супруга. Умный, красивый, богатый, здоровый, в самом расцвете сил! Доктор и профессор, инноватор, меценат, мастер на все руки, носит жену на руках, а теперь ещё решилась их извечная проблема бесплодия и они стали многодетными. Что ещё надо?! Наоборот, боялись, что треснут розовые очки Кирсанова и он бросит их незадачливую, строптивую, ленивую старую деву. Поэтому готовы были, чуть что, низко стелиться, чтобы Александр и дальше оставался их драгоценным зятем.

– Агний.

– Далила...

– Прости.

– За что?

– Я опять не спросилась у тебя и заставляю тебя нервничать.

– Я люблю твоих близких.

– Знаю. Но я опять, как ребёнок, да? Бегу от ответственности. Ты же знаешь, что мне не по душе ссориться. Вдруг ты действительно поешь хорошую природную еду и перестанешь сердиться на меня...

– Господи, но я не сержусь на тебя! (осекся) Я... Сержусь на себя.

– Я тоже.

– Милая!

Он обнял её и наконец, так сказать, пришёл в себя. Она проводила его в ванную и ущипнула за ягодицы и щеки.

– Опять на морозе гонял? (погрозила пальцем).

– Совсем чуть-чуть (показывает пальцами малость, тянет за собой в боковую комнату и на мгновение забывает о гостях и обо всём на свете).

– Я так скучал!

– Аэлита написала мне, что вы помирились с Арсеном.

– Ох уж эти аьа5ас айахтар, просто гнездовье бла-бла-бла-шок!

– Я рада.

– Крестная прислала тебе круассаны, силком вручила просто, мы случайно встретились в "Плюшечках-Ватрушечках".

– Как она?

– С работы шла и закупить вкусняшек.

– Надеюсь, ты мимоходом не подразнил девочку?

– В таком костюме я выглядел придурковатее её, так что пришлось соответствовать.

Смех.

– Но, если быть честным, Аэлита мне здорово помогла сегодня. Я был немного не в духе, и думаю, наше противостояние могло быть дольше. У невероятная аура!

– Смотри, не влюбись.

В полутьме он поймал её губы и руками обвил её, что твой дикий плющ.

– Может, и влюбился бы миллион лет до нашей эры. Но у меня своя история любви. Каждому своё.

Далила уже днём устала наезжать на него, поэтому забила и осталась с мужем в той комнате на час, также забыв, что

где-то их ждут.

Глава 9

– Сачик, завтра можешь к нам на дачу подъехать?! Надо разобраться с новой баней.

– Я бы с радостью, но завтра работаю, у нас сейчас дедлайн на дедлайне.

– Суббота же! Ты бы здорово подсобил нам, ведь у тебя глаз-алмаз! Да и руки золотые!

– Конечно, я вас не кину, ребята! Отправлю бригаду.

– Нет, так не пойдёт! Мы и сами бригада. (в сторону). Отдохнуть тебе надо: от баб, от детей. Ну! (показывают разные интересные знаки).

– Ну, хорошо! Возьму отгул! Чтоб к девяти все были на лобном месте!

Мужики шумно потолкались у парадных дверей, одобрительно похлопывая друг друга, обменялись рукопожатиями, и потом, разумеется, не смогли убежать от хрисанфовских великодушных объятий: уж если на этого нашло – гуляй ивановская!

– Сасконай!

– Да?

Далила знала, как примерно всё будет. Сначала Агний

действительно решит отдохнуть от неё, и ночью будет обдумывать, какой алкоголь взять с собой. Потом в пункте назначения "набухается" фастфудом и нефастфудом (нормальной стряпней жён работничков) и других склонит "нажраться" в буквальном смысле этого слова, между делом устраивая громкие публичные пляски и песнопения для всех соседей в округе, и втягивая всех, кто под руку попался, в эти индейские игрища. Затем, ближе к обеду, покроется муками совести, и заставит уже излишне расслабившихся и переевших людей гнуть спины до седьмого пота (для чего ради сюда приехали?!), так что план будет перевыполнен, а во время коротких перерывов будет фанатично читать мораль о том, что надо чтить жену до глубокогопочтения и вообще возводить женщин в невиданные пьедесталы, так что присутствующие начнут думать, что она держит его под каблуком беднягу.

– Ты видел показ весна-лето топов?

– Пришлось. Далила-катс был в списке приглашённых. Мы с Калитой даже успели разрекламировать нашу новую линейку для молодёжи "Аэл дэнсерс".

– Ох, Сасконай, то зелёное платье с камнями село бы на мне идеально, если совсем чуточку укоротить! И сумочка 300269, записала модель, просто рождена для туфелек, которые ты мне подарил на день рождения!

– Я уже их приобрёл, видел твою реакцию, когда смотрела прямой эфир! Хотел на Рождество в качестве маленького

презента.

– Сурук, неужели!

– Дай на тебя поглядеть, так... Сегодня бы и отдал, но ещё чуть рукава подгоню другому платью, которое уже с Калитой шили.

Опять обнимашки. Теперь с женщинами. Вот он уж гад эдакий любит задарма потискать дам при любом удобном случае.

Далила посмотрела в сторону мужа шипящей толстой змеёй, поэтому тот струхнул и поспешил ретироваться с гостями во двор, чтобы якобы проводить их, и заодно успеть со всеми пожаться.

Позже.

– Сурук (жеманным голосом) ты говнюк какой-то.

– Не называй меня так, сердце моё.

– Ладно, не говнюк, но пройдоха. Тебе всё на руку. Ты опять всех очаровал.

– Не так поняла, огонь моего цветка.

Он поцеловал её и принялся мыть посуду.

– Сурук (ударение на первый слог), так меня могут звать другие, но не ты.

– Да ладно, Александр Птерович!

– Далила!

Хрисанф обернулся к ней взглядом самого строгого учителя математики в мире, затем вновь в его руках весьма технично и ловко замелькали тарелки, чашки, блюда, приборы и прочая посуда.

– Ещё твои прабабушки, когда мы ещё не были знакомы, величали меня так, только без ударений. Я не хочу быть для тебя просто письмом и грамотой (Сурук (як.) – письмо, письменность).

Она хотела помочь ему, вытирая помытое кухонным полотенцем, но услышав его слова, отставила вышитую Никитой вафельную ткань, подошла к нему и, прислонившись к его широким крепким плечам, обняла.

– Не волнуйся, ты никогда им не будешь, потому что знаешь, какая я двоечница в построении текста.

Агний повернулся к ней, устроил её руки к себе на бока, чтобы она погладила вверх вдоль рёбер, где так щекотно и сладко, к ключицам, там, где она будет удивлённо с восхищением ощупывать его, как будто он из стали и пластика, по спине и позвоночнику к шее, там его влажные от пота волосы прилипают, намагничиваются к её пальцам, которые уже гла-

дят его лицо, заставляя сердце бить какую-то неизведанную напористую мелодию, и губы его раскрываются и невольно и с ожиданием, чтобы соединиться с тем, с чем хочется быть вместе, навсегда.

– Позволь нам быть сурук только так, только ВМЕСТЕ, ласковая моя.

Глава 10

Хрисанф, конечно, отпросился с работы и помог родственникам. Вообще-то, это не могло вызвать какой-то проблемы в официальном джобе, поскольку Кирсанов считался умопомрачительным трудоголиком, мог не брать отпуск, заменять коллег за бесплатно и выкладываться сверхурочно, если решит забыться трудом, так как сам по себе итак всё успевал. В институте всё было пучком, как говорится, кроме Далилы Птеровны, которую устроил здесь же, чтобы та была занята, изучала, если не любимое, то приятное дело, и главное, была неподалёку, то есть рядом. Но об этом другая история.

Агний подбросил до дома одного из мужиков после дачного трудодня (специально поехал по этому случаю, то есть, учитывая, что людей будет много, на микроавтобусе, начеку стоящим в запасе в одном из гаражей у Калиты).

Время было к шести вечера, и он с радостью намылился домой.

Далила будет довольна! Сегодня хорошенько помиримся и будем возиться с малышами!

Но тут поступил звонок от брата жены.

Что ему ещё надо? Вроде всё обсудили. Он поставил на громкую связь, не сбавляя бешеной скоростью.

– Алло!

– Ээ, ты в машине?

– Да, вот Степу и Кольку подвёз!

– Александр.

Блин. Не Сачик, и не Саска. У Хрисанфа засосало под ложечкой. Он остановился и вышел из авто к набережной.

– Да, я слушаю, убай! Что-то не доделали?

– Нет, всё в порядке. Я насчёт Далилы.

Чёрт! Успела пожаловаться, стерва!

– Хён, я как раз спешу к ней.

– Александр.

– Да (кланяется трубке).

– У тебя опять включились японо-корейские манеры. Мы

здесь попроще проживаем, мы же родня, ты чё.

– Прости, убай, слишком долго там пребывал, вбилось, что не выветрить (несколько раз кивает головой в знак согласия).

Конечно, Хрисанф намного старше брата Далилы. Он это понимает и чувствует, но когда вот так вот попадает впросак, со стороны кажется, что его возраст соответствует внешности.

Что же ты делаешь со мной, любимая! Я и счастлив, что могу вот так бояться твоей семьи, как молодой паренёк с недавно пробившимися усами, и в мандраже, что меня солят ввиду моего плохого поведения.

– Александр, не беспокойся так, пожалуйста.

– Слушаюсь!

– Сеп?

– Сеп, убай!

– Она всегда была такой. Мне неловко. Но, как все обычные люди, мы стараемся скрывать, что сестра далека от идеала. Поем дифирамбы при тебе. Но я тебя понимаю. Я же вижу, что тебе нелегко с ней приходится.

– Что Вы, господин, как можно! Далила – самое чудесное, что случилось в моей жизни!

Брат супруги как будто вовсе перестал слушать своего гиперэмоционального зятя. Ибо именно таким они его и видели. Хрисанф в лепешку мог расшибиться перед её родными, лишь бы не посчитали холодным и равнодушным.

– Все женщины в нашей семье ужасно избалованные. Не она одна. Так наверное было исстари. Не знаю, я не силен в родословной. И что поделаешь. У меня такая же ситуация. И у отца нашего также было. И у всех мужчин в нашем роде. Ну, балуем мы их что ли. Не сюсюкаемся, но свободного нрава они у нас вырастают. Может, ей стоило поучиться у твоих наставников на востоке... Не думаю, что б ей это помогло.

– Убай, я очень благодарен, что вы позволили нам быть вместе. Всё моё счастье состоит только из неё.

На той линии простодушно-отстраненно-философски продолжают.

– Я же не могу посоветовать тебе быть с ней строже и держать на коротком поводке? Это было бы несправедливо и некрасиво.

– Убай, я раскаиваюсь. Я готов просить прощения на коленях за то, что обидел вашу сестру.

– Ты это о чём? Это я просил её быть хоть капельку не сумасброднее.

Хрисанф под рабочей одеждой стал хоть выжимай и от-
правляй в сушилку. Он и впрямь упал на колени, и благода-
рил Бога за то, что у него отрубаются всякие способности к
конъюгации при подобных ситуациях.

– В общем, это ты прости нас. Мы же не подсовывали да?
Ты сам выбрал. Выбор – это прерогатива настоящего муж-
чины. Неважно о ком идёт речь. Ну ты понял.

– Я сомневался, хён! (с надрывом). Я очень сомневался!
В чём я не сомневался и никогда не буду сомневаться, это
то, что я люблю Далилу! Слишком люблю я её!

– Ну, спасибо тогда. Мы боялись, что ты её бросишь.

– Нет, конечно! Мы с ней раз и навсегда вместе в книге
судеб.

– Ну что ж, раз так, то хорошо.

Агний спустя несколько минут стал накапливать силу и
энергию, чтобы встать с мерзлого снега, забраться в машину
и поехать к той, из-за которой сейчас вот лежал как мокрая
тряпка.

Въехав в ворота усадьбы, он немного пришёл в себя.

– Уфф, пропустило! Ежели бы видели меня в ордене. Хо-
рошо бы так. Разом бы охладели к моей персоне. Сказали

бы, что это не Хрисанф, а кто-то другой. Убай! Спасибо, что не отнимаете её у меня!

Глава 11

Далила недавно вышла из детской и потеряла ладони.

Завтра Агний переведёт "второй поток" в бокс. Эмбрионы итак довольно долго пробыли в её организме, учитывая тот факт, что они на 50 % носят гены конъюгатов.

Хрисанф поведал Арсену, что это не совсем медицинская процедура. Разумеется, он подходит к делу с точки зрения учёного и биолога, но внутри знает, что просто инструментов, техники, оборудования, химических соединений здесь просто недостаточно. Это чудо, что у плодов такая выживаемость. Несмотря на всю подготовку с его стороны и со стороны Калиты, потомство каким-то образом само стремится к полноценной здоровой жизни.

Муж звонил ей час назад, сказав, что скоро прилетит на всех парусах к своей любимой, но после куда-то запропастился на целый час. Далила ела подсохшие, но всё ещё вкусные круассаны от Аэлиты, обмакивая их в топлёное сливочное масло, и ела блинчики с красной икрой, приготовленные Хрисанфом для неё на завтрак.

Она услышала шум машины, и в ту же секунду получи-

ла письмо от Искандера. Далила невольно рукой прикрыла текст, словно защищаясь от яркого солнца и боясь, что её застукают на месте преступления.

Искандер Корсун писал ей и раньше, где бы ни был: в Африке, Австралии, космосе – всегда, пусть понемногу. Он – не конъюгат, но может не без труда обойти хрисанфовские лазейки, благодаря собственным способам и методам, а нередко и психологии. Знает, что Кирсанов слишком деятельный и временами хаотичный, рассеянный и сумбурный. Фигаро тут, Фигаро там! А пока "там", можно и весточку послать Далиле. Эти письма показывались и открывались только ей. И никаких махинаций здесь не было, кроме того, что Искандер весьма преуспевал во всём, что касается новейших технологий.

В прошлый раз он сообщал, что приезжает в их страну, и даже в их город, так как здесь у него намечаются весьма интересные перспективы: он откроет свою, уникальную школу, и обучит всех, кто пожелает, своему мастерству, поделится с знаниями, которые накапливает из года в год.

Далила восприняла эту информацию тогда с долей скептицизма.

Зачем ему для этого переезжать на задворки? Он, конечно, слывет оригинальной своеобразной личностью, которая

действует и поступает только по собственным убеждениям.

Он – отдельный маяк в научной и прочих сферах, но в отличие от Хрисанфа, ему неведомо одиночество, то есть его одиночество отлично от других. Это не сопряжено с тоской, меланхолией, грустью. Печаль его светла! Его одиночество тождественно созерцанию, полёту мысли и идеи. Такие люди и в самом деле одиноки, и одни в поле войны, но это их абсолютно не тяготит, а наоборот является нормой и называется комфортом.

Им бы с Далилой никогда не натолкнуться: каждый смотрит в своё небо. Однако и такое приключилось. И эгоизм Искандера расцвел в нежную любовь, похожую на чувства школьника: чистые, незамутненные и радостные.

Это настоль покорило Хрисанфа, что он дольше и слышать о нём больше не хотел.

ИскАндер! Взрослый мальчик. Карта круглого дурака в таро. А как говорит Агний: дуракам – счастье. Быть рядом с ним – всё равно что испить живой воды, вернуться в детство, отрастить потерянные крылья, стать беззаботным и безгрешным, или хотя бы сбросить на время этот тяжкий человеческий груз.

Далила быстро пробежала глазами по его размашистому

почерку, который она уже давно умела разбирать, что твой заправский криптограф. Ведь Агний будет здесь с минуты на минуту.

"Дорогая Далила! Это опять я, твой очарованный странник! Поверишь ли ты мне, если я опять напишу, что скучаю по тебе? Я знаю, что всё, что между нами – под великим запретом, однако мне кажется (я это недавно открыл, долго размышляя о нас), у любви нет никаких ограничений. Я вижу твою скептическую улыбку: "Тоже мне, открыл Америку". Но, тем не менее, смею заверить, чтобы ты окончательно во мне не разочаровалась, я еду в ваши края исключительно в профессиональных интересах. Ха-ха! Я опять вижу твою грандиозную ухмылку. Мне ведь никогда не нравились умники и задаваки. Я их считал пустым местом. А потом встретил тебя. Самую большую снобку в мире! Ладно, не бей меня. Это была шутка! Подозреваю, что твой сумасшедший Отелло трясётся где-то поблизости, так что позволь раскланяться и послать тебе солнечные зайчики, которые я пускаю по воде маленьким зеркалом в полноводье Амазонки! P.s.: ты мне снишься каждую ночь. Мне никогда не снятся те, кто мне нравятся, но ты – да. Поэтому я тебе и пишу, ещё не до конца очухавшийся после сладких ночных грёз. Кстати, я случайно набрёл на кое-какую информацию о твоём дражайшем супруге. Думаю, тебе стоит об этом знать".

Пальцы Далилы потеплели от тёплых лучей, которые Искандер спроецировал из Южной Америки, и она едва успела улыбнуться, как над ней нависла тень мужа.

Глава 12

Сначала Хрисанф захотел устроить сцену (как он себе думает со стороны в таких случаях). Письмо исчезло, но он и без конъюгации понял, с кем поддерживала связь его жена.

Но потом, путем множественные внутренних манипуляций, в частности, с использованием глубокого дыхания через живот, медитации через нос и другие чакры, а также воспоминаний о том, как вот только несколько минут назад лежал, закопавшись в снег, чтобы восстановить энергию после очной ставки с семьёй Далилы. Последнее, как раз-таки, его ощутимо успокоило. Для закрепления материала он ещё раз нажал на себя тем, что завтра предстоит серьёзное мероприятие с перемещением эмбрионов в бокс, а также напомнил себе о том, что плоды от конъюгатов очень слабо держатся в чреве матери. Они этим напоминают осенние листья, которые чуть что по лёгкому дуновению ветра осыпаются вниз.

Это заставило более трезво оценить положение.

Итак моя крошка под гормонами весьма длительное время. Разве она виновата в том, что её существо так просто реагирует на мужчин? Больше особо никого и нету. На безрыбье и рак рыба.

Далила, конечно, не считала Искандера чем-то второсортным, но зато её муж хвалил себя за благоразумность, нормальность и обычность.

Вот так и думают и поступают настоящие мужчины: ревнивый деспотичный собственник никогда не будет по душе капельке моего сердца. Итак она, не умея ссориться, говорит, что у нас порой токсичные неправильные отношения.

Агний включил свет в комнате, подошёл к ней и поцеловал в лоб.

– Я чутка грязный. Ещё скажешь, что облапал тебя микробами. Пойду ополоснусь быстренько и приду.

На самом деле также он хотел, чтобы она успела прийти в себя, обдумать ситуацию и поверить в то, что её ни в чём не уличили.

Далила убрала остатки еды и спрятала телефон, от греха подальше, в одной из гостиных, куда редко заходила.

Конечно же, он заметил. Я не поймала, чтобы он конъюгировал со мной. К тому же, в этом зачастую уже отпала необходимость: итак сцеплены друг с другом. Кажется, Агний чувствует меня уже и без своих уникальных способностей. Впрочем, так было всегда. Что делать? Я расстраиваю его который день. Разумеется, он первый во всём виноват. Но что значат мои расстройства и грусть? Ничего. Поем и

ладно. Поплачу и пройдёт. Кто будет себя грызть снаружи и изнутри – это тот, кто сейчас охлаждает себя под ледяными струями.

От волнения, Далила даже поставила кипятиться чайник и заварила для мужа растворимый кофе (другой она и не умела). Подумав, она положила в его чашку три куса рафинада и много сливок. Подумала ещё и добавила ещё одну чайную ложку порошка, к которому никогда не испытывала страсти.

Что-нибудь погорячее он и без неё достанет. Скорее всего, Агний от души и тела поел на даче вкуснящей женской стряпни, которую принесли с собой мужчины. Но, конечно, это всё сгорело, как только он увидел её, занимающуюся всяким безобразием.

Прошло всего ничего: пять-десять минут, но ей показалось, что вечность застряла в этой сейчас одинокой кухне.

Если я полезу к нему в ванную, это будет как издевательство. Или я признаю вину и отмаливаю прощение особо неработающим способом. Или как будто делаю вид, что ничего не произошло.

Она мяла в руках его тёплую кружку и совершенно забыла, что носит в себе несколько детёнышей. Ещё через какое-то время Далила услышала шаги мужа в коридоре, и тут же у неё потянуло в низу живота. Она тотчас запаниковала.

Лёгкая боль опрокинула верх дном её недавнюю заботу и она криком позвала того, кто уже был совсем близко.

– В чём дело, дорогая?!

– Малыши! У меня будет выкидыш!

– Нет же, глупенькая! Так всегда бывает, у всех беременных.

Хрисанф, не желая её пугать, пальцами массировал в месте, где возникли неприятные ощущения. Холодная испарина покрыла его тело, но он старался не выдавать жене свою обеспокоенность.

– Ну как? Легче? Прошло?

– Да... Но как будто дрожит...

– Это ты сама дрожишь. Успокойся.

Агний продолжал гладить, попутно слегка хлопая по её ногам, потому что их немного сковало. Затем не удержался, выдохнул и стал гладить уже её лицо.

– Всё прошло, дорогая. Нечего бояться. Так бывает. Мы же живые. Рефлексы просто. Не надо всегда так остро всё воспринимать. Наоборот, хуже сделаешь. Мамы всегда должны быть спокойны и величавы, как статуи Будды, хорошо? Так сама природа и придумала: инстинкт сохранения.

– Слава Богу, Господи! Я жутко испугалась. Думала, мы их потеряем.

– Не думай всё время об ответственности. Что это моё наследство и так далее. Это же твои дети тоже. Наши дети. Они довольно крепкие, верь им. Я ещё не видел таких здоровенных бычков и коровушек!

– Ты так считаешь?

– Да. Посмотри на Урсулу, Хайджи, Милу и Айсена. Ведь им постоянно давай побольше добавки и уже сейчас требуют всяких развлечений. Ох и намучаемся же мы с ними, когда чуток подрастут! Похудеем и обростем мышцами, наверное! Такие гиперактивные!

– Спасибо.

– За что?

– За то, что так любишь их.

– Что поделаешь. Любовь с меня не спрашивалась. Люблю я вас, что поделаешь.

Хрисанф положил голову на её живот и тихонько стал напевать какую-то тихую приятную песенку на неизвестном языке.

– Дети любят музыку. Пой им всегда. Когда-то до слов, говорят, была музыка. Песня. Слово было. Но оно тогда было простое и понятное. Всеобъемлющее. Поэтому маленьким нравится музыка. Они помнят её. Филогенез.

Далила пыталась руками ерошить его волосы, так как после душа он не успел как следует вытереться, а после у него пот пошёл градом, так что там всё запуталась и прядями оставляло влажные следы на её футболке.

– Ты меня любишь?

– Конечно.

– А я думала, что ты меня разлюбливаешь, когда вот так смотришь в те моменты, например, когда сегодня пришёл.

– Прости, я заставил тебя ждать. Мы немного поболтали со старшим братом.

– Ой! Они на тебя наезжали?

– Есть немного. Но прикрывались, будто ни при чём.

– Ах, бедняжка, досталось же тебе.

– Ещё как. Но мне понравилось. Как по-настоящему. Ми-эстэбин буллардахтара ди, уолаттар!

– Это и есть по-настоящему. Но, если что, я им ничего не говорила вообще.

– Ты это о чём?

– Ну, я говорила девчатам. Да и то, так просто, по женской части.

– Дурашка. Разве ты не знаешь о семейном радио! Везде наушники.

– Прости. Я не хотела, чтобы тебя огрели.

– Да ничего. Стервы – моё всё. Ты же знаешь, как долго я пролаживал путь к твоим родным. Это бесценно для меня.

– Да ты покорил их с первого раза. Ты всех покоряешь с первого раза.

– Это тебе так кажется, огонь моих чресел. Я же надрываюсь как проклятый раб на самом деле.

Они устроились на лёгкой кресле-качалке: сначала он, в одной руке – Далила, в другой уже остывший кофе, но абсолютно вкусный для него, так как приготовлено любимой.

– Помнишь нашу первую встречу?

– Да. Ты конъюгировал с моей подругой детства, после того как меня сшибла волна от Калиты. Мне было восемь лет.

– Такая маленькая няшка. Столько лет прошло.

– Я ходила по забору. Как все советские дети. Забор был довольно высокий, а внизу с той стороны (не наш двор, а другой) был всякий хлам, металлолом разный, разбитые бутылки.

– И останки мопеда.

– Калита по заданию гонялся за каким-то чуваком, который спасаясь бегством невесть как попал в наше село.

– Мы с Калитой относим себя к осторожным атеистам, но иногда внутри я перекрещиваю все свои догматы, факты и цинизм, и украдкой, тайно, считаю его своим личным Ангел-хранителем. Ведь именно благодаря ему я встретил тебя. Своё счастье. Моя благодарность ему безгранична.

– Вообще-то, было больно. Этому твоему ангел-храните-

лю, старому хрычу, было плевать на какую-то дворовую девочку. Он ускакал дальше.

– Чудо. Чудо то, что я навязался с ним в это путешествие. Просто чудо. Какова вероятность! Калита побежал дальше петлять за заказом, а я увидел, что "шальная пуля" кого-то сбила. Честно говоря, мне на такие вещи было наплевать тогда. Вообще как с высокой колокольни.

– Но ты подошёл.

– Чудо.

– Я упала на тот злостный мопед с высоты забора, рухнула прямо спиной и слегка повредила позвоночник. От чего у меня сперло дыхание и я не могла сразу говорить.

– Я конъюгировал в твою подругу и помог выбраться с того адового оврага.

– Она водила пальцем перед моим носом и глазами вправо-влево, проверяя мои ответные реакции. Надо позвать скорую, сказала она серьёзным и в то же время насмешливым тоном. Это показалось мне таким странным и непохожим на неё. Играет во взрослую, думала я.

– Я спросил: "Скажи, как меня зовут?"

– Чтобы выпустить остатки воздуха, неправильно застрявших в межреберье, как мне тогда казалось.

– И ты действительно постаралась это сделать, малышка моя. Ты еле-еле произнесла сдавленным голосом, преодолевая боль и неудобство, причинённые падением и ударом Калиты.

– Свет-А...

– Всё правильно. Реакции в норме. Так меня и зовут. До свадьбы заживёт!

Хрисанф отставил опустошенную чашку на пол и крепче обнял её.

– Как давно это было! А я помню, как будто это было вчера. Твои друзья все по вечерам надевали ветровки-гимнастерки горчичного цвета. А у тебя была под а-ля гимнастерка мягкая аккуратная курточка серо-зелёного цвета с видимым прошивом, как у джинс, которую ты так не любила, и хотела, как у всех – жёлтую или болотную. Сейчас эта легенда у нас в маст-хэв в линейке Далила демократ. Под ней выдавшая виды в играх и повседнежке свитра лазурной окраски с ромбическим под Англию узором. Как говорится, натуральная синтетика. В локтях и манжетах колер стерся до белизны. Ты его также ненавидела, но, тем не менее, надевала, потому что вот под ту курточку, тебе казалась, она ложилась как надо. Сочетать никогда не сочетаемое – всегда было твоим коньком и так естественно это у тебя получается! Я, честно, сам ненавижу те тряпки, которые на тебя напяливаю. Потому что, возможно, эта лазурь с зелено-серым смотрелась бы хорошо на любой другой девушке, но только не на тебе. Ты всегда выглядишь как с дуба рухнувшая! Рухнула же ты на меня в тот прекрасный тёплый летний вечер! Косы калачиками, баранками, в волосах мягкие ленты (не капроновые) с синим

средним горошком, пробор посередине, но всегда чуть криво, неидеально. Надо лбом, и возле висков куча "утиного пуха". Заспанные, сонливые опухшие глаза цвета древесной коры, смотрящие на меня как из далёкого глубокого сна. И эти ужасные оранжевые зажимы-скрабики унылого оттенка, предназначенные для уборки непослушного пушка, но просто так сидящих по обеим сторонам головы. После мы с Калитой выпустили ограниченную серию гребней цвета янтаря, а ты в детстве ломала их острые зубья, стараясь закрепить их на нужном месте. На самом уголке воротника курточки махонькая переливающаяся пуговка, которую ты прикрепила туда булавкой, так и стреляет, когда лучи упадут на его поверхность. Ты решила, что она такая красивая, что её можно носить, как брошь или значок. Маленькая Сарданка была уже довольно крупно сложенная, но твоя головка так отставала от твоего тела! Да и сейчас отстаёт. Я попался раз и навсегда.

– Целая эпоха. Мы прожили целую эпоху, Агний. Поэтому не беспокойся насчёт Искандера. Я – жена твоя, а – ты муж мой и здесь и во всех мирах и во всех временах.

Глава 13

Комната Арсена. Аэлита чешет кончиком ручки свой висок, стараясь заполнить хотя бы две клетки адвент-календаря, но у неё, как она выражается, немного туго с фантазией.

– Я не тётушка. Как можно вместить столько всего на этот лист? Обычно я, как это называется, импровизирую, ну, или если быть честнее, живу как придётся, и особо не заморачиваюсь. Это плохо? Я недалекая?

Арс дал ей очищенное большое яблоко и нежную половинку манго, чтобы девушка подкрепилась перед сном.

– Что ты, чиполлинка. Это уровень Будды, майтрейя.

Аэл кинула в него мягким тапком и отложила бумагу и карандаш.

– Не говори всякие непонятные слова! Но ты не должен меня осуждать. Я ведь ещё совсем маленькая! Мне жить и жить, расти и расти! Но если умру душой, то стало быть это есть мой путь шиноби!

Она приставила пальцы козырьком наподобие солдата и улыбнулась.

Арс вздохнул и принялся чайной ложкой отколупывать на блюдечко алые зерна граната.

– Хрисанф вечно бубнит, что дуракам – счастье. Он, конечно, тоже неразумный малый, но, всё же, опыта, наверное,

больше чем у нас вместе взятых. Так что не заморачивайся, кушай давай и на боковую! Муж у тебя уже есть. Что ещё нужно юным особам?

Аэлита хихикнула, согласившись, и грязными ногтями впиалась в мякоть изумрудного киви.

– Я живу как Бог на душу положит! Мне кажется, все так живут. Просто рассказывают по-разному. Это как отличие в одежде, в цвете кожи, в возрасте, но суть везде одна. Живёшь и живёшь.

Арсен вспомнил недавнее письмо от босса и нахмурился.

– Тебе Далила упоминала о своём любовнике?

– Штаа?!!!

– Ну, вы же с ней кумушки.

– Какой любовник?! Лил же замужем!

– А Хрисандель утверждает, что у неё есть хахаль какой-то. Так и написал, мол, мне мои остальные проблемы вообще мимо лесом и море по ступням, скоро объявится любовник моей дражайшей супруги, вот тогда я завою волком точно.

Девушка удивлённо слушала своего друга-бойфренда-жена-мужа в одном, даже брови приподнялись. Затем она

немного озабоченно погрызла остатки маникюра на указательном пальце и проглотила черешенку, выловив из компота.

– Сарданка иногда говорила о каком-то Искандере... Я думала, это учёный, проживающий за границей, конкурент дядюшки... Ой!

– То-то и оно. Твоя тётка оказывается горячая штука и не такая хорошая девчонка, как мне шеф всё в уши жужжит.

Аэлитка смутилась и стала как бы невзначай теревить уголок лоскутного одеяла. В начале зимы она официально разошлась со своим колобочком, то есть призналась в том, что у неё давно есть другой и что она как бы уже замужняя теперь. Николай понял и они расстались добрыми друзьями. Прямо как в сказке! Арсен не в восторге, но временами Аэл исчезает у бывшего, ночует там, поясняя, что отрубилась там, как будто выдернули из розетки.

Ну, чипололло моя. Что поделаешь. Я же отбил вроде как её у него. Тайная любовь и всё такое. Плохой парень. Хотя вообще никакой драмы не было. Два отенкая на площадь. Я примирился. Нутром ощущаю: придётся мне ей доверять на все 100 процентов, иначе никак. С этим честолюбивым наивным лучком придорожным. Сам себя проколю, если ещё раз увижу её терзания. Пускай делает, что хочет, золотинка

моя ненаглядная. Господи, я превращаюсь в гребаного Хрисанделя. Ты ещё поэму сочини.

А не спеть ли мне робята о моих чувствах к этой мелкой алмазной булавке моего сердца! Блин, это вообще как называется. Жуть.

Арс легонько топнул босой ногой по полу и взялся за книгу, которую читал перед сном, чтобы отогнать дурацкие навязчивые мысли. Но опять отвлёкся.

– Аэлита?

– Если ты снова о тётушке, то я и слышать об этом больше не желаю. Мне стало казаться, я слишком много времени уделяю сплетням. А того больше – ревную! Лил – слишком шикарная женщина! Я-то точно не тот Искандер-космонавт, в подметки не гожусь.

– Господи, какие глупости! Ты вообще о чём?

– А ты о чём? (осеклась и насторожилась).

– Твой дядя сказал мне однажды, чтобы я сильно не привязывался к тебе. Я... Не хочу об этом даже мыслинку допускать...

– Что? О чём ты?

– Скорее всего, он опять подтрунивал надо мной. Он – ужасный болтун. Болтает и болтает без умолку. Ты знаешь, я не такой. Но послушать можно. Хрисандель намедни при-

знался, что это такой индивидуальный тренировочный подход.

– В смысле? Конъюгатский лагерь?

– Да. Я не знаю, как это действует. Но мои курсы в классах стали значительно... В общем, я могу работать в группе. Не только тет-а-тет. Проводить информацию через 10-20-30 человек.

– Круто! Арсмэн! Мой и самый крутой!

Аэл любовно согнула его руку и пощупала бицепс.

– Здоровенный!

– Да брось. Неужели ты бы меня не замечала, если б я был, например, дрищем в очках.

– Ты и так носишь их и был очаровательным толстяком, когда мы познакомились! Таким лапусечным пупсиком!

– Окей, тогда щас усох и стал противным Арсушкой?

– Нет, ты стал суперменом!

– То есть тебе обязательно нужен герой? Ведь лично меня это совсем не интересовало.

– Что с тобой, любимый? Что тебя тревожит? Что Арсен не весел, не совсем ниже плеч, но чуть ниже уровня глаз голову повесил?!

Девушка всунулась под него и стала, хлопая глазками, осторожно щекотать его грудь и подмышки. Он засмеялся и в ответ взял её в маленькую охапку и кинул в постель (не

бойтесь, матрас у них что твой батут). Его волосы коснулись её губ и щёк, и она сама первая слилась с ним в поцелуе.

Хрисанф говорит, что Аэлита – птица высокого полёта. Вижу все задатки, говорит. Такие не созданы для того, чтобы посвятить свою жизнь одному-единственному. В мире есть организация, что-то наподобие нашего ООН. Я так понял своим тупым мозгом, что-то вроде большого отдела кадров, который всю старается найти применение тем самым задаткам и определённым. Доброе предприятие. Не как их там конъюгатское светское общество. У отенкаев по природе их нет никаких аналогичных сопутствующих амбиций, особенно к власти. И то ведомство отлично в курсе состава и содержания подобных моему дикому лучку. Но сама она немного иная. Не такая, как колобочек и прочие домашние добродушные детки. Босс сказал, что если зажмуриться и поверить на капельку в странные доморощенные теории Далилы, допустим, о том, что в Калите есть кровь отенкая, что он, типа гибрида, то его внучка – гибрид в кубе, учитывая генетику её родителей. И что правда, на планете не хватает одного малюсенького, но сильного представителя этой так нужной миру популяции. Агний тоже не уверен, но якобы побратски предупреждает меня, что предчувствует её зарождающийся потенциал.

– И ты, сынок, каждый день удобряешь и стимулируешь

в ней эту энергию. Однажды она поспеет. И тогда тебе придётся опять стать одиночкой.

– Заткнись. Это наше личное дело. Ты же сам заверяешь о вашей уникальной эволюции любви с Далилой. Почему караешь на других?

– Прав-прав. Ответ настоящего мужчины. Впрочем, что и следовало ожидать от тебя. Другого я почти и не ждал.

Арсен склонился над её светлым радостным и немного смущенным личиком: Аэл по-прежнему волновалась от их душевной и телесной близости.

– Арсен.

– Аэлита.

– Я хочу быть с тем, кто будет со мной всю жизнь, всегда, и после, если после что-то есть. Мне нужен человек, который всегда будет рядом и никогда меня не оставит. Может, это эгоистично, и против правил вселенной, но прошу, будь моим навсегда.

– Буду, навсегда.

Глава 14

Перенос эмбрионов в бокс прошёл вполне успешно. Правда, и Хрисанф, и Калита волновались, но Агний заверил, что справится без друга и чтобы тот не беспокоился и отлично отдыхал с его сыновьями на севере.

Однако накануне перемещения детёнышей Никита позволил товарищу, чтобы немного попенять за бесхозность и безответственное поведение, хотя обычно в их тандеме он занимал более послушную, неконфликтную сторону.

– Я же тебе говорил не задерживать плоды в материнской утробе.

– Да знаю я. Просто мы с Далилой хотели, чтобы малютки подольше находились в комфортных естественных условиях.

– Ты как будто забываешь, что она – не конъюгат, и вообще человек довольно посредственный, слабовольный и хрупкий.

Хрисанф, почувствовав раздражение Калиты, сам стал чуть сердиться.

– Я и без тебя в курсе об особенностях своей жены.

– Тогда почему, чёрт побери, ты подвергаешь угрозе её жизнь?! Это же НАША Далила. Подруга моя, как бы я её не критиковал. Часть нашей бесменной троицы.

Он что? Заразился агрессией Айнара? Абсолютно не похоже на него: наезжать на других. Обычно, Калита весьма сдержанный и всегда держит нужную дистанцию.

Агний заколебался и даже захотел подключиться к нему на расстоянии (это его качество также являлось причиной

углубленного внимания к его персоне. Редкие конъюгаты способны к покрыванию большого пространства), но потом передумал и негромко прошептал в трубку, опасаясь, что жена может его подслушать, хотя это было невозможно, потому что она давно уже спала.

– Слушай... Поймёшь ли ты. Ты думаешь я не понимаю всего риска? Конечно, понимаю. Но у меня есть предположения, что чем дольше эмбрионы будут связаны с мамой во внутриутробном развитии, тем хоть чуть-чуть больше вероятность, что они потом вырастут людьми, а не конъюгатами.

Где-то далеко Калита не без тяжести вздохнул.

– Почему ты так не любишь самое себя? У всех трудности, сынок. Не у тебя одного. Это не наказание. Это просто форма жизни. Кто-то бабочка, кто-то – навозный жук. Неважно. Мир прекрасен. Позволь своим детям самим решать, кем они станут.

– Я этот дурацкий путь не выбирал.

– Выбирал-выбирал. Ещё как выбирал. Именно этот выбор и позволил, возможно, вам с ней встретиться.

– Ты сегодня больно умный, как я погляжу.

– Больше не затягивай ни днём. Далила права: у неё и вправду мог случиться выкидыш. И она истекла бы кровью у тебя на руках. И у тебя не осталось бы ни сил, ни желания, чтобы спасти своё потомство.

- Хорошо: завтра.
- Помощь нужна?
- Нет, справимся.

Пятерня уже плавала в питомнике, а Далила приходила в себя после веществ, похожих на местную анестезию, но гораздо эффективную и безвредную, разработанную мужем и его другом.

– Ну, как ты солнышко? Больно?

– Нет, совсем ничего не болит. Просто усталость и сонливо.

– Отдыхай, родная. Что ты хочешь? Что тебе приготовить?

Она стала серьёзно обдумывать сей важный вопрос, между делом глядя плечи и руки Хрисанфа, который устроился рядом с ней на специальной кровати.

– Внутренний вкусный наполнитель, который бывает у карася. Чтоб варёный и охлажденный. И ещё чуть с желчью.

– Будет сделано! Как раз на той неделе Калита привёз полмешка этой рыбы.

Через час Далила уже вкушала с небольшого плоского блюда остывшую приятную вязкую массу, которая приятно

липла к зубам.

– Вкусно?

– Ага, очень!

– Дай-ка, и я попробую.

Агний потянулся к ней за поцелуем и облизал внутреннюю поверхность её рта.

– Мм! Действительно, деликатес!

Поскольку приставать к ней сейчас не имело никакого смысла, он обнял её и накрыл обоих большим тёплым одеялом.

– Что ещё хочешь? Я весь в твоём распоряжении.

– И ты не пойдёшь работать?

– Нет.

– Гонять на мотоцикле, машине? Плавать в проруби? Торчать в школе? В мастерской, в кабинете? Миловаться с Арсушкой?

– Нет, нет и нет!

– Тебе нужно больше движения. Ты не такой, как я. У тебя кровь стынет от безделья и бездействия. Так что разрешаю тебе улизнуть, как только я засну.

– Любимая.

– Ещё можешь удочерить Ингу. Не буду врать: мне не

очень нравится эта идея. И обижает, что порой ты действуешь за моей спиной, хотя, утверждаешь, что мы семья и всё должны делать вместе.

– Я скрывал это от тебя не потому, что не уважаю тебя. Я просто, что элементарно, боялся, что ты не одобришь и будешь злиться на мои сумасшедшие порывы. Ведь ты устаёшь потакать этим моим телодвижениям.

Далила кивнула. Она была уже сильно сонливая.

– Кроме того...

– Да.

– Ты же сама признаёшь, что не по части материнства. А тут всё навалилось. Мои взрослые сыновья-дядьки с громадной инфантильностью. Твои беременности одна за другой. Как будто напялили всё на одного человека, и совершенно неподходящее. На неготового к этому человека. Так что, вопрос с Ингой – верх издевательства. Поэтому я ничего тебе не рассказывал. Но всё равно поступил подло. Прости, я слишком эгоистичный. И, видимо, никогда не перестану им быть.

Уже с закрытыми глазами она пробормотала в дреме.

– Просто ты слишком добрый. И расчётливый одновременно. Но ты справишься. Ты бы не взялся за то, что тебе не под силу. Хотя я сомневаюсь, что что-то может быть тебе не под силу.

- Конечно, может.
- Что, например.
- Например, ты.

Далила улыбнулась, засыпая.

- Вполне. Я слишком тяжёлая.

Попутно Калита вчера выпустил пар, признавшись, что никаких гормонов и химикатов он его супруге не давал. Она слишком наседала на него, так что он придумал предложить ей обманки. В её случае сработал лишь эффект плацебо. И, может быть, наконец, через очень долгое время её организм и организм Агния приноровились друг к другу, и они стали родителями.

Глава 15

Хрисанф примерял рубашки, кидая одну за другой на спинку дивана. Когда очередь дошла до третьей (слишком много для Далилы), та как раз вошла в гостиную с пустой бутылочкой для молока.

– Хватит. Остановись на этой. А то у меня уже в глазах рябит.

Агний улыбнулся и послушно стал застегивать мелкие скрытые пуговицы.

- Устала?
- С чего бы.

Она и сама не заметила, что притащила с собой вещь из детской, которую горничные должны были помыть и продезинфицировать. Старшие дети с вылупления были на искусственном питании.

Он, успевший облачиться в полный ансамбль, подошёл к ней, чтобы обнять.

- Не надо. Запачкаешься. Я вся в поту и пятнах.
- Ну и что.
- В институте скажут, что за неряха пришёл.
- Да всем плевать.

Это было похоже на правду. Особенно сейчас, перед Новым годом. Далила подумала, что как-то немного отстой, что муж готовится к корпоративному концерту, а многим всё равно – всё мимо.

Его рубашка нежного кораллового цвета действительно успела пропахнуть молоком, влажными салфетками, памперсами и укропной водичкой (Урсулу немного пучило ночью).

– Такой сексуальный цвет.

– Правда?

– Ну да. Видно же.

– Мне показалось слишком вызывающим, но до выступлений я должен привыкнуть к кричащим цветам.

– Тебя и так время от времени заносит напялить что-нибудь эдакое. Например, тот незабываемый зелёный комбинезон.

Хрисанф хрюкнул потянул за концы завязок её длинного фартука.

– Ну, что поделаешь. Придётся тебе краснеть за меня. Такой уж я: далеко неидеальный. Устала? (опять спрашивает).

Далила знала, что эти его трюки с одеждой были связаны с тем, что порой он ощущал себя невидимкой. Человек может быть феноманально красив лицом и телом и душой, но это всё равно не будет заметно каждому подряд. Разве что какой-нибудь неразборчивой одинокой молодежи или престарелой старой деве. У остальных есть свои "единственные и неповторимые", пусть в вонючих носках, с недостающими жёлтыми зубами, в засаленной майке и пивным животом, но при этом самые любимые и обворожительные. В таком деле Кирсанов для них, как обветренное объявление на тусклом листочке тетради. Если Агнию чего-то не хватает, он обяза-

тельно прибежнет к какой-либо вычурности: кислотный цилиндр, рыжий галстук, шуба с розовым мехом.

Бедняга. А ведь если б я была настоящая толковая женщина, он был бы в дзене в разбитых тапках, дырявых портках и с заплывшим брюхом. И было бы плевать! В хорошем смысле.

– Ты спрашиваешь так эталонно. "Устала, дорогая?" Так обычно мужики рисуются на каких-нибудь официальных мероприятиях. Например, в театре. Она за целый час не держала ничего тяжелее бинокля, и на высоченных шпильках не ходила, а сидела. И всё равно он кутает её в манти и томно спрашивает: "Устала?" Фу! Такая показуха. Как будто такие мужья только и делают, что всю жизнь носят своих дам на вытянутых руках.

– Но среди них бывают и такие.

– Кха! Как будто больше делать нечего.

– Ты просто завидуешь.

– Конечно! Но всё равно это так фальшиво. Раз в год, на 8 марта, спросить прилюдно, типа ты заботишься о своей супруге. А на деле никто не спрашивает у своих жён: "Устала, дорогая?" Разве что в крайних случаях, если та больна, или ей сто лет, и она только что покорила Эверест. Обычно можно услышать лишь... То есть вообще такого глупого вопроса не будет. Скорее: свари мне суп, постирай пуховик, сделай

лицо попроще.

– Феминисточка ты моя.

Агний снял её фартук, убрал бутылочку на стол, и нарочито крякнув и нарочито поднатужившись, поднял Далилу и сделал большой круг по большой площади гостиной.

– Ну как? Редкий зверь?!

– Ладно, иди уже!

Он опустил её на пол и, наклонив голову, боднул её лоб своим лбом.

– Устала, девочка моя?!

Далила ткнула его в бок, где ему было особенно щекотно, и важно подхватив свои вещи, направилась к дверям.

– Ты просто невыносим. Конечно, устала!

Пришлось ему задержаться на полчаса и потом поменять рубашку.

– Знаешь?

– Что?

– Кажется, Калита всё -таки старше.

– Не мудрено. Но почему ты так решил?

– Недавно он меня так отчитал, что я почувствовал себя

поставленным в угол.

Далила снова пожалела его.

Вот он, наверное, даже не может понять, как это бывает. Просто начитал где-то.

– За что? Вы же практически никогда не ссоритесь.

– Из-за тебя.

Агний смутился, но рассказал жене всё как было. Затем для верности поцеловал её долгим впечатляющим поцелуем, чтобы теперь не почувствовать себя последним ущербным негодяем.

Далила вроде не удивилась, хотя калитинские выпады согрели её душу.

– Я ведь знала, на что иду, когда выходила за тебя.

– Ты так умоляла.

– Я все глаза выплакала.

– Я был тронут. Но мне стыдно, что тебе пришлось это делать.

– Зато ты сдался.

– Кто бы хотел, чтоб его любимая была всю жизнь под угрозой смерти.

– Жизнь и есть угроза смерти.

– Но ты же так не считаешь.

– Не считаю.

– Для тебя жизнь – обещание чего-то хорошего.

– Да, все говорят, что я – пессимист и нытик, что даже просто поразительно бывает, как шикарно люди не понимают друг друга.

– Согласен. Вот поэтому я и хочу сколотить на нг мальчужковую группу "рыдающих мальчиков".

– Ну, Агний! Позор какой-то!

– Тогда не приходи. Я сделаю запись и включу прямой эфир во всех комнатах.

– Ладно, я уж привыкла к твоим дурачествам. Но эти твои коллеги по наукам не догонят.

– Но мне надоело каждый раз быть таинственным факиром-фокусником-магом, сидеть в углу гаданий, показывать разные мото-трюки, глотать шпаги, ходить по углям и разбитому стеклу. А когда Маргарита Степановна (их профсоюз) просит меня быть дедом морозом, потому что высокий и меня всё равно не будет видно в костюме и бороде (ничего сложного), я просто готов лезть на стенку!

Далила издала свой классический фырkokряк (хотя Агний утверждает, что это должен быть крякофырк, потому что ми-ми-ми и "ты же женского полу").

– А тем временем кто-то стоит в хоре из ста человек где-то позади. Причём не только я. Или таскает дурацкие декорации, которые непременно должны быть в правом углу, по-

том в левом, потом посередине.

Хрисанф, впрочем, был доволен подобным участием жены в общественной жизни коллектива.

Как-то не то, если её возьмут в действующий институтской кордебалет, или в брэйковый клуб. Ещё чего не хватало. Там полно мужчин! Неважно, какой ориентации, как вещает Далила. Итак она слаба на передок. А тут вся харизма парней в перьях и спортивках!

– Решено! Я Арсушку возьму. Он же теперь мой бизнес-партнёр и преподаватель, так что со своими бицухами будет сидеть на ударных. Ладно, твоя взяла, возьму тебя по благу на бэк-вокал вместе с Таней из бухгалтерии.

– Ни за что!

– А сам возьму ответственность вокалиста. Что поделаешь, "главное чтоб костюмчик сидел"!

Далила представила, как он, любитель классики, рока и альтернативы, вдруг щеголяет в брюках клеш и с париком из жёлтого елочного дождика.

– Мне то что. Но для остальных твой образ странного чувака ещё более укрепитя.

Пришлось ей за это спеть три песни на домашнем караоке и пригласить Татьяну на чашечку кофе.

Агний деловито натянул свой прошлогодний фиолетовый блестящий фрак для номера типа Дэвид Копперфилд и уехал собирать команду.

Глава 16

– Птерыч, не то.

– Не ной, Арсений! Итак я тебя в крутого ударника записываю.

– Я не Арсений. Какой крутой, когда сопливую любовную песенку будем исполнять.

– Когда подрастёшь, узнаешь, что лучше ничего нет.

Хрисанф ходил из угла в угол по маленькой, но аккуратной кухне Арса в своём блестящем фиолетовом прикиде, уже битый час стараясь втянуть друга в новогоднюю авантюру. Но тот испытывал неловкость уже глядя на своего возбужденного босса с горящими глазами. Ещё через двадцать минут он понял, что от гребаного Хрисанделя очень трудно избавиться, если что-нибудь взбрело в его отчаянную голову, и поэтому решил идти обходным путём.

– Ну у тебя же никакой определённой схемы даже нет. Что будешь петь? Как у тебя вообще с голосом?

– Ничего! При желании могу накачать связки за три дня.

– Это мы уже где-то слышали. Это тебе не волосы. Это

музыка.

И тут Арсена осенило.

– А что если мы сколотим не поп, а рок-группу?! Назовём "Патлы"! И у тебя и у меня! Калитку на клавишные и парик! А?

Он о таком и мечтать не смел. Разве что в самых глубинных неосознанных мечтах. Чтоб он и на сцене! Да ну! Вообще никак. А тут конъюгат под боком. Захотелось экстренно чесать подбородок и покопаться в любимых плейлистах. Уж этот странный шеф подсобит. Вождение и прочие инструменты вмонтировал не успеешь оглянуться...

– Ээ!!! Не слишком ли ты самонадеянный? Это тебе не картошку чистить! Культура понимаешь? Искусство там.

Арс недоуменно почесал репу попутно с засаленными патлами.

– И чё?

– Как чё?! Такие вещи нельзя просто так сотворить из воздуха. Я только в костюме волшебника. Что ты рот разеваешь, как детсадовец перед Дедом Морозом?

Арсену было непонятно. Кроме того он уже вообразил, как треснет гитарой по полу и кинется в толпу, перед этим

скинув прочь кожаный жилет. И там неподалёку Аэлитка с подружками. Вот, можно было бы потом с ними сняться на полароид с оттопыренными пальцами.

– Враки. Девчонкам такое не нравится.

– Не знаю-не знаю. Далила точно сквозь землю провалится от этого твоего мероприятия. Кроме того, сам же сказал, что накачаешь связки за день. Я думал, это не так чтобы сложно.

Тут задумался Агний. Он снял свой пиджак, повесил на спинку стула и почему-то вспомнил о своей коралловой рубашке.

А что если Далила и впрямь сгорит от стыда? Я не могу этого допустить. Для неё же и стараюсь. Хотя она сказала, что не пойдёт вообще на корпоро. Как это не пойдёт? А кто будет читать традиционные стихи? Она сказала, что это такой нудизм и что она больше не хочет принимать в этом никакого участия. Ну да. Некоторые ржут в кулак. Другие страстно хлопают, как хлопает она, когда ничего не поняла, но старается высказать уважение. Впрочем, она и сама не понимает, что читает. Я единственный, наверное, и понимаю. И то не понимаю. Ну и что.

Он выжидательно смотрел на Арса, как будто тот должен был как-то разрешить вопрос и кашу, которая заваривается.

– Патлы, говоришь?

– Птерыч, теперь уж как-то не так. Погорячился. Откуда нам. Раз это культур-мультиур.

– Опять задний ход. Ходит тут, заражает меня всякими сумасбродными идеями, а потом умывает руки. А почему подлиннее не пустишь? Моей жене нравятся длинные. Хоть до пят.

– На здоровье. Мне и так сойдёт. Хотя дальше и не идут. Всегда только так и отрастают, досюда.

– А я могу по два сантиметра в сутки, если поднатужусь (с гордостью).

– Зачем столько? Кто будет носиться с тобой, как с Рапунцель.

– То-то и оно, что никто (вздыхает).

– А тот, твой соперник... Тоже что ли с патлами?

Хрисанф рассмеялся, затем посерьёзнул.

– Нет, конечно. Тот брутал чистой воды.

– Качок что ли?

– Нет. Не Арсушка, как ты. Он же учёный.

– А что, им не полагается?

– Не так понял. Мы не мышцы качаем, как ты, а мозги.

– Кто бы мычал. Сам на днях триатлонил, марафонил и моржевал.

– Ну, я то крепкий орешек! (смеётся)

Хрисанф стянул как-то слишком легко свои фиолетовые брюки: как-то как будто они сами с него ловко слазили и отлетели в угол комнаты. Босс сидел в одних семейниках, забыв о музыкальных амбициях, и грыз ноготь на большом пальце, хотя ногти у него и так не выступали. Большие ногти, не пропорционально его пальцам. Ногти рабочего человека. У Арсена ногти были небольшие и их даже кусачками невозможно было подрезать до самых краев: выступают. И тонкие.

– У тебя ногти, как у моей Далилы.

– Ничего подобного.

– Ну чуть. Другие, конечно.

– А когда тот... Ээ.. приезжает?

– Может, уже приехал.

– А ты не можешь знать?

– Могу, но не хочу.

– Почему?

Арс уловил, что опять они слишком интимно сплетничают. Хрисанф уверяет, что это его способ учить его конъюгации, что они подходят друг другу, как учитель и ученик. Но сдаётся, босс использует это объяснение, чтобы прикрыть своё странное одиночество.

– Ну что ты мне с мылом в душу лезешь. Разумеется, ис-

пользую. И ежу понятно. Не видно что ли, что у меня нет друзей, кроме тебя, Далилы и Калиты. Что мне теперь, поклонны тебе бить?

– Сорян.

– Вечно ты так. А потом во всех страстях меня обвинишь. Самое простое и есть правда. Элементарно же.

– Так почему не конъюгируешь с тем чуваком.

Агний резко встал и без лишних церемоний достал из холодильника кусок холодной говядины и бутылку бырпах (сливочное пиво). Затем неистово стал уплетать всё, что под руку попадётся.

– Терпеть этого не могу!

– Мясо жёсткое? Да не доварил малость. Поэтому в холодильнике. Так со временем станет мягче.

– Да не мясо! А мясо этого ублюдочного ублюдка!

– И на Птерыча бывает прорух значит.

– Да сплошь и рядом! Я как вспомню этого, как ты говоришь, гребаного Искандера, просто зубы готов стереть в порошок от злости. Так и скрутил бы его в бараний рог!

– А что не скрутишь-то? (не подумав. Запнулся).

Вспомнил историю из уст в уста от чиполлинки, как босшутя-любя поломал кости родному сыну, пусть он и редкостный говнюк. И прикусил язык.

Да и мне чуть лицо не разбил, когда истерил при первых

контактах. Но я не могу себя там контролировать. Да и побитым быть не хочется что-то. Это я только с виду Арсушка, а так вообще не по части драк. И в такой квест с конъюгатом лезть – вообще неблагоприятно.

– Правильно. Я слишком горячий! Не могу сдержаться. Хотя на мне стоит запрет на преступления с тех пор, как женился.

– Почему?

– Почему-почему – окончание на У. Понятно же. Не хочу поэтому.

– А раньше хотел?

– Раньше мне было всё равно. Я был слишком равнодушным. Да и сейчас такой.

Он упёрся подбородком в грудь, как будто изучая свой живот на предмет складок и лишнего жира.

– Я однажды был Там. Ну, у этого гребаного Искандера! И так мне стало противно, что мочи моей нет. Ноги моей там не будет!

– Что же такого увидел? Он тебя уделал?

– Какой там. Он даже не знал об этом. Я же говорил, что Корсун – не конъюгат. Правда, он довольно прокачан, чтобы противостоять нашим техникам. Но очень. Как бы сказать. Безалаберный. Хоть трава не расти. Один день: к нему и мышь не проскочит. Не дознаешься. Другой... В такой я и

попал. Ему море по колено просто! Бесит!

Хрисанф в сердцах бросил пустую от говядины миску на пол, потом, извинившись, поднял, и наскоро, весьма технично перемыл всю использованную посуду, и одолжил у друга лёгкие домашние штаны, чтобы не сидеть там уж в совсем расхлябанном виде, да ещё босиком.

Вообще-то, Арс уже был немного в курсе, что босс порой "отключается" и пускает себя на самотёк. Как он и сам рассказывал, отлеживается где-то в грязном тёмном проулке, купается зимой, нажирается, уходит куда глаза глядят и так далее. Это уже не тот ухоженный идеальный ходячий шедевр, каким его видит мой лучок.

– Это не объяснишь в двух словах, как это было гадко, неприятно и ужасно. Но я могу показать. У меня есть копия. То есть воспоминание. Это нельзя забыть, как бы я ни старался.

Арсен вовсе не горел желанием созерцать что-нибудь в таком ключе, но Кирсанов уже втаскивал его в свою бездонную память.

– Мерзость...

– Мы уже Там?

– Как Там, когда Тут. Вы точно с Далилой близнецы. С логикой у вас туго-претуго.

– А где мы?

– Я тебе не волшебная палочка и не Брюс всемогущий. Кстати, Искандер, качественный телепортер.

– Он что, маг?

– Сам ты маг. Сколько раз повторять: биофизик, нобору.

– Что такое нобору?

– Ругательство на дураков и нетерпение.

– Нобору, где мы?

Арс шёл то ли по тропинке, то ли по просеке. Трава, зелень была не совсем зелёная, как будто с золотом.

– Дорога Далилы.

– Чего?

– Видишь стрекоз?

– Ага.

– Тогда нечего бояться. С точки зрения психологии мы в бессознательном. Ну, где-то глубоко, так понятнее.

– Я уже много раз бывал в таких твоих местах.

– Это не совсем моё место.

– Как понять?

– Разве, если бы это было исключительно моё место, мог бы ты сюда так просто лазить?

– Это ты меня всюду втаскиваешь, придурок.

– Ну, вот ты готов. У человека есть личное пространство. Но все эти пространства тоже находятся в пространстве, понимаешь? Правду говорит Далила, на самом деле все – конъюгаты. Здесь я её лучше понимаю, чем у нас на родине.

– Матрёшка.

– Да. Связь. Ходы. Если поймёшь это своим естеством, то считай дело в шляпе. Да и так в шляпе. Но пока неосознанно. Ну и ладно. Слишком много будешь знать – скоро состаришься. Так что не заморачивайся. Просто, чуть меньше сомнений и осторожности. Не называй это смелостью. А просто более широкий свободный шаг, а не семенящая походка.

– Ты это вообще о чём? Причём тут стрекозы.

– Я называю такие проходы, как и всё в этом мире, в честь моей жены. Если есть стрекозы, считай попал в хорошее русло. Стрекозы живут ближе к воде. Можешь найти воду и напиться, или на худой конец – утопиться (смех). Это признак, что ты избрал хорошую сторону, чистая тропа.

– А бывает по-другому?

– В большинстве своём у новичков чаще начинается с кошмаров. Но ты им не верь. Это обманки. Думай о них, как о иллюзиях. И иди своим добрым путём. Господи, если бы Айнар так впитывал, как ты! Этот долбаеб не лучше Искандера, честное слово!

– Всегда надо пройти через такие каналы, чтобы попасть в пункт назначения?

– Мы же не телепортеры, блять. Наоборот, это ускоряет

процесс. Только мысли держи чистыми. Людям сложно держать голову в таком состоянии на этом уровне. Сразу начинает вылезать страх, пороки и прочая гадость, коими вы наполнены.

– А ты не наполнен?

– Наполнен. Потому и конъюгат. Это мой способ жизни, иначе – смерть.

– Мудрено у вас всё устроено.

– Тише. Не кряхти.

– Фу ты!

– У тебя типичный фырkokряк. Как у моей Далилушки. Только у неё крякофырк.

– Что за?

– Тсс. Прибыли.

В ожидании мерзкой картины, наводящей такое глубокое отвращение, Арсен зажмурился. Однако светило яркое солнце. Лето было в разгаре. На ветру качаются высокие зелёные стебельки. На небе лёгкие косы перистых облаков. Недалеко шумит ласковая река. Живи да радуйся. Что противного, непонятно.

– Смотри. Вот он упырь.

Арс, держа ладонь козырьком, увидел в стороне мужчину примерно его возраста, который, как жеребенок, катался по

муравушке и улыбался в блаженстве. Он напрягся и прислушался (здесь звуки были несколько иные, или он не привык).

– Далила! Ох! Далила!

Но тут чья-то рука несильно дёрнула его за плечо, и он очнулся на той же кухне.

– Ты чего? На самом интересном месте!

– Ну ты и журналист.

– Это что, новое обидное слово?

– Просто дольше терпеть это было выше моих сил!!!

– Я ожидал расчлененку, или на худой конец оргию вместе, ой, прости, ну, понятно.

– Ты вообще придурочная макака, как можно! Ты видел, как он ногами в воздухе дрыгал?! Просто оторвал бы!

– Ох, Птерыч-Птерыч, это просто первая любовь.

– Первая любовь! Это было несколько лет назад! Стыдно взрослому мужчине так себя вести! А он там валяется на траве и смеётся, как дитя малое!

– Так они с сеньоритой ровесники?

– Да!

– Что ты кричишь? У меня соседи слева люди в возрасте, подумают, что опять я тут бухич устроил.

– Потому что я могу лишь орать и размахивать руками, когда вижу этот беспредел!

– Кирсан, дело молодое. Сам же знаешь. Бывает такое с мужиками от баб. Любовь называется.

– Ты делаешь мне больно.

– Причём тут я? Это гребаный Искандер. Неужели, один это безобидный кусочек лета так тебя расстроил?

– Очень. Потому что это правда. Никто не любит мою жену, ты знаешь. Кроме меня. И него.

– Да брось. Люди не так одиноки, как ты думаешь. Даже я, по-своему, люблю Далилу. Любовь – это такая невообразимо большая штука. Сам же объяснял только что. Матрёшка в матрёшке.

– Молодец. Но говорить и болтать просто. Здесь – больно.

Хрисанф указал на место, где находится сердце, и стал собираться домой.

– Решено. Патлам быть. Но это будет не рок-группа. Если ты возьмёшься за бас-гитару, то всё внимание к себе перетянешь. А я сыт по горло тем, как меня сегодня динамят.

– Это было миллион лет назад. И ты тут ни при чём. Это его личная трагедия, то есть комедия.

– Думаешь?

– Ну да. Сам же всегда восторгаешься тем, какая она такая-сякая! Ух! Вот. Другие тоже такого мнения.

– Вот если б ваш колобочек так от Аэлиты катался по растениям, как наркоша, вот бы я на тебя посмотрел.

– Птерыч, не заморачивайся. Будь добрее.

– Я его терпеть не могу!!!

– Мы это поняли. Он тебя задевает. Он – крутой чувак. Соперник номер 1 в мире. Бла-бла-бла.

– Хорошо, по дамам! Ухожу. Только этот будет хип-хоп группа. Итак, вон сколько व्यюнов व्यются, не хватало ей ещё язык высовывать от металлистов.

– Ты неисправим. Иди уже. Скоро Золотарева придёт. Ей с таким ором попадёшь, будете кричать до рассвета, не прооретесь. Хотя ставлю на чиполлинку, возможно, она бы тебя уделала. Ей-богу, иногда ты не старый, что совсем зелёный.

– Полегче!

– Понял, не дурак.

– И хватит считать меня агрессором каким-то, я умею держать себя в руках!

– Кто спорит. На, возьми на дорожку жульен с грибами.

– Далила терпеть не может грибы!

– Да, нетерпение – ваше второе имя кажется.

– Ах ты мелкий наглый сучок!

– Понял, беру обратно.

– Жадина! Дай сюда. Если Далила не ест, зачем добру пропадать! Вообще не понимаю, как можно быть таким расточительным.

Агний добавил в свою наплечную сумку кроме запеканки, банку голубичного варенья для супруги и вышел из квартиры. Через десять секунд его голова опять всунулась в дверь.

– И не вздумай сплетничать о том, что видел своей мелкой подружке. Я круче его, понял?!

– Так точно, сэр!

– Вольно. В остальном – молоток. Не расслабляйся. Пиши текст для речетатива. Далила терпеть не может, когда я пишу стихи. Я и напишу полпесни, но скажу ей, что это твоя работа. Хотя она не поверит. Ладно. Придётся, побряхтеть.

Глава 17

Далила сидела за письменным столом и пыталась "сочинять" свою диссертацию по биофилософии. Каждую неделю Хрисанф проверял её работы, как какой-нибудь щепетильный учитель, и то тут, то там делал исправления и добавлял чуть ли не в два раза более содержательный текст, так что она порой надеялась, что муж-перфекционист в один прекрасный день скажет: "Дай-ка сюда на минутку", и сам всё напишет.

Был девятый час, когда Агний вошёл в её рабочий кабинет с небольшой картонной подарочной коробкой: чистый, свежий и благоухающий после ванны. Эта комната в отличие от его рабочего помещения на верхнем этаже была внизу и размеры были относительно небольшие. Здесь тоже были книжные полки. Но не в кучу и в хаосе, как у Хрисанфа. Хотя он постоянно убирался в своей библиотеке, Далила

всегда с удивлением могла вытащить книгу, которую доселе никогда у него не видела. В таких случаях супруг говорит, что только её шаловливые ручки могут достать всё что угодно из мирового хранилища. В её кабинете было немало детской литературы, разные сказки вперемешку с сувенирами, оберегами и талисманами. Также там она хранила некоторые его подарки, которые не могла использовать в повседневности: что-то из украшений, картины и даже холодное оружие (если особенно красивое). Кирсанова нарочно не разрешала мужу устраивать в этом её уголке удобное ложе, чтобы они не превращали и это место в любовное логово номер три в их доме. Хотя, разумеется, Агнию было вполне удобно приспособить любую поверхность.

– Это что-то для меня?

– Да.

– Что?

– Много чего.

– Покажи.

– Сначала отблагодари.

– Сначала покажи, а потом я придумаю.

– Невелика у тебя фантазия. Ну ладно. Конечно, всегда по-твоему.

– С точностью наоборот.

Далила потянулась к нему и чмокнула в шею, когда он на-

клонился над её столиком, чтобы сделать то же самое.

- Опять напудрился-напомадился.
- Мне кажется ты устала от моего свинства за эти дни.
- Мне нравится твой запах.
- Какой он?
- Ну ты же знаешь. Такой. Как мне нравится.
- А ты, я вижу, поросычишь, уже давно.

Хрисанф отложил её сбившиеся волосы за ухо и пошёл изучать эту несвежесть.

- Это не для тебя. Просто не хочу.
- Мне-то норм. Но что на работе подумают.
- А там я одна тусуюсь. Никто ко мне ближе чем на километр не подходит.
- Ути. Может, я завтра загляну в обед и мы там останемся.
- Нет. Завтра я не пойду. За детьми подежурю.
- Сегодня видел по видео, как ты опять с Константином в буфете болтаешь. Не испытывай моё терпение, крошка.

Агний увлёкся своей женой и забыл о своём презенте.

- Не надо.
- Что не надо.
- Пока не надо. Отвлекаешь.
- У тебя есть время для Григорьева, но не для меня.
- Ты же знаешь, что в институте мы с ним те ещё аутсай-

деры и странные людишки.

– Ты совсем уже взрослая женщина, и я тебе должен просвещать, что такие, как он, только внешне выглядят безобидно.

– Кха. Он же ботан.

– Мы все тут ботаны. Это наша область.

– В смысле, Коська же – зануда.

– И ты ему этого говорила?

– Говорила.

– А он?

– "Ты тоже", – сказал. Ч.т.д. Это такое сообщество, понимаешь. Хотя ты никогда не поймёшь.

– Я понимаю это лучше всех.

– Нет. Только теоретически. Но ты не знаешь, как это, ловить кривые полуулыбки и снисходительные ухмылки, и не догонять, что о тебе так думают.

– Верно. Я догоняю.

– Ну вот.

– Всё-таки, держись от него подальше. Такие больше всех любят запускать лапы, чуть что.

– Коська-то? Кха. Не думаю. Да и не в том мы возрасте. Не студенты.

– А имя-то у него какое занятное.

– Никакое не занятное. Обыкновенское. Для меня это всё обычные наши деревенские имена.

– Константин.

Далила несильно ткнула его в живот, чтобы перестал до-саждать её рабочее красивое кресло, купленное Хрисанфом и затем улучшенное и подогнанное под неё.

– Хватит придуриваться. Пускай у него плоский коричне-вый юмор, зато он мне в столовой последнюю ромовую бабку и котлету с сыром уступил.

– Какая цаца! Я его!

– Ничего. Может, он и противный, и не такой красивый, как все, и всегда гыгыкает, и говорит нечленораздельно, зато не чурается общения со мной.

– Понятно почему.

– Не гони всё по одну гребёнку.

– Давеча я видел, как ты сама воротила нос от Эммы Да-ниловой. Тебе только поклонников подавай.

Далила отложила ручку и строго взглянула на него. Он смеялся, развалившись в кресле неподалёку.

– Хочешь сказать, что я высокомерная?

– Я этого не говорил.

– Убирайся отсюда.

– И не подумаю. Ты ещё не посмотрела подарки. Один, между прочим, не от меня.

Она на секунду залюбопытствовала, но после беззлобно закрыла рабочий журнал и принялась за шоколадный батон-

чик, который был в заначке в выдвижном ящичке.

– Ничего мне не надо. У меня уже есть вкусняшка.

– Прости, дорогая. Не сердись.

– Я и не сержусь. Это ты начал.

– Не начинай.

– Что?

– Это.

– Между прочим, если хочешь знать, Коська тусуется со мной из-за тебя.

– Правда? Я не знал, что он по этой части.

– Опять ты несерьёзно. Костя знает, что я – твой секретарь и "родственник". А ты курируешь движуху по выдаче грантов.

– О! Тогда ему надо обратиться к окулисту и выписать новые очки. Видимо, он не в курсе, что я занимаюсь с молодёжью.

– А ему 34. Он вполне подходит, если ты не знал.

– Даже так! Я думал ему за сорок.

– Не все так хорошо выглядят, как ты. И что такого, что человек пустил бородку и усы. Так и в 18 можно.

– Вечно тебя тянет ко всяким неандертальцам.

– Агний!

– Ну, хорошо. Загнул. Прости за несерьезность.

Далила замолчала и сделала вид, что очень заинтересована новой статьёй по философии биологии из Англии.

Пускай уйдёт. Ни слова не скажу больше.

– У тебя здесь ошибка в формуле.

– Где?

– Вот.

– Но... (осеклась, увидев оплошность).

– Дай-ка исправлю. И лучше рассчитать вот этим способом.

Хрисанф взял её черновые записи и быстро исписал лист с поправками. Далила опешила.

– Но разве не ты мне в прошлый раз помогал с этой главой?

– В первых трех абзацах да, но потом Урсула заорала благим матом, и мне пришлось идти разбираться.

– Да...

– Здесь ты использовала принцип работы маятника Денвера Дэша, но вот видишь, тут интеграция отклонена на 3 положения. Это не существенно, но разве ты не знала, что Григорьев три года назад разработал улучшенную концепцию этой теории? Надо было у него спросить, он хорошо разбирается в этой теме.

Далила вздумала закипеть-зашипеть-сморщиться и как следует хлопнуть супруга о крепкую спинку стула прямо его слишком-умной-во-всем-разбирающейся-и-все-зна-

ющей-головой. Но через секунду сдалась и в бессилии стукнулась лбом о стол.

– Сам делай тогда. Я ничего не знаю.

Агний сел рядом и аккуратно сложил её бумаги в сторону.

– Помогу, конечно.

– Заткнись.

– Думаю, у нас остались ещё места, я походатайствую за Константина в комиссии, давно наблюдаю за его новой работой по криобиологии, очень интересно, надо поддержать молодого специалиста.

– Ты это серьёзно или опять издеваешься?

– Посмотри на меня и узнаешь ответ.

– Нет.

– Ну тогда мне придётся обнять тебя.

– Нет! Отстань! Отпусти!

– Не отпущу, пока не простишь и не согласишься на меня.

– Ни за что!

– Тогда я буду считать до трёх.

– Читай хоть до биллиона!

– У меня всё хорошо с математикой в отличие от некоторых. Раз, два...

– Ненавижу!

– Три, четыре...

Брыкается.

– Сто пятьдесят.

– Я устала.

– Ну, конечно. Ты же так долго работала. Надо и отдыхать.

– Ненавижу!

Ещё через какое-то время.

– Одна тысяча один далилинский упрёк.

– Агний.

– Да, моё солнце.

– Покажи, что в коробке.

– Ну, наконец-то! Я морально подготовился сидеть так три дня и три ночи.

Хрисанф отпустил вспотевшую от односторонней борьбы жену и пошёл открывать подарки.

– Вот! Это от Арсушки. Варенье из голубики! Правда оно было в другой склянке, но я тут дома сменил упаковку.

В этом весь он. Мне не интересны все эти мелочи, а ему важна каждая маленькая ленточка, каждая крапинка. Они с Калитой даже держат небольшой магазинчик сопутствующих товаров, чтобы люди с задумкой могли оформить свои дары.

Он тут же поднёс ей на выбор небольшую деревянную расписную ложку и серебряную ложечку, которую в мастерской

сами с Калитой склепали.

Она взяла вторую и попробовала гостинец.

– Мм.. Как вкусно! Ты знаешь, что это одна из самых любимых ягод животных?

– Конечно. Я и сам животное, которое очень любит эту ягоду. Она калорийная и легко естся.

– И потом зубы чёрные.

– Ну и что. Кого это волнует, когда жрать охота.

Далила опустила в банку деревянную ложку и поднесла её полной мужу.

– Нет. Той, которой ты ела.

Она стала кормить его своей серебряной и он с удовольствием проглотил пол-склянки.

– Бабушка Арса – что надо!

– Оставь чуть на утро.

– Точно-точно.

Агний предусмотрительно закрутил крышечку и отставил сладость в сторонку.

– Правда, я почти без спросу унес, у Арсушки-то. Опять своё бескультурие показал оказывается. Ещё жульен брал. Но по дороге схавал, прости. Но он был с грибами. Ты же от них в восторге.

– Зная, как смаково готовит Арсен... Ты же знаешь, что я их кушаю, когда не знаю, чем блюдо начинено. Так бывает и с пиццей, и с роллами, и с мясом по-французски.

– Хочешь, я тебе завтра испеку?

– Нет, не стоит беспокоить.

Хрисанф тоже очень достойно готовит. Но там ему нужно уловить момент. А то он может быть впопыхах, и тогда порежет палец весьма ощутимо. На нём всё очень быстро заживает, но 24 часа за плитой – это не про него. Ему эти 24 надо разложить на миллион и других дел, кроме её завтраков, обедов и ужинов.

– А ещё?

– Ещё будет!

Далила остановила его, потянула к себе за руку и указала мизинцем на свои губы.

– Что-то никто меня этим вечером не целует.

Агний расплылся в обезоруживающей, раскрывающейся как цветок навстречу свету, улыбке.

– Сама же не разрешала.

Он поцеловал её и дальше она разрешила ему всё остальное. Пусть это и было её деловое место.

- Любимый.
- Любимая.
- Я люблю тебя.
- Я люблю тебя.
- Прости, что я не очень умная.
- Женщинам необязательно нужно быть такими.
- Какими?
- Такими, как ты думаешь.
- А как я думаю?
- Как в какой-нибудь книжке.
- Тебе просто лень говорить после Этого.
- Мне не лень (обеспокоенно). Хочешь ещё? Я готов!
- Нет же. Я не об этом.
- О чём же тогда?
- Мужчинам необязательно это понимать.
- Ах ты дурочка таинственная! Выкладывай без утайки.
- Ничего. Просто любовь.
- Как сложно. Далила Птеровна опять вещает нам, ползучим гадам, с высоты полёта.

– Это не так. Ты же знаешь. Просто притворяешься противным.

– Наверное, мы никогда не перестанем ссориться. Слишком разные. Я болтаю всем и вся, что мы – родственные души, а потом вдруг резко поймаю: я не с ней, мы – разное сейчас. И мне хочется плакать. Поэтому я смеюсь и ирони-

зирую. Чтобы не проиграть тебе.

– Кто-то говорил, что Айтал из кистей выпал. А сам всегда такой. Такой. Вкус, цвет, эмоция, чувство. Для тебя всё, как взрыв. Слишком сильно. Поэтому ты и говоришь, что одинокий и что тебя никто не любят. Все тебя любят и восхищаются тобой. Просто ты этого не понимаешь. Потому что чувства у тебя на другом уровне.

– Звучит как оскорбление?

– Нет. Просто я тоже там, в толпе среди них.

– Но в то же время со мной?

– Если хочешь, то – да.

– Конечно, хочу!

Хрисанф снял оберточную бумагу и показал второй подарок.

– Манускрипт Войнич?!

– Да, я видел, что как-то ты интересовалась.

– Агний! Прелестно!

– Она новая. То есть новенькая копия. Чистенькая. Гладенькая. Как ты любишь.

– Да, не хватало нам в доме с малышами древних микробов.

– Вот поэтому. Знаешь, что это за книга? Как думаешь?

Далила быстро перелистывала томик, как бы ища изъяны и не находя их.

– Ну... У меня недавно было предположение, что это травник по мужской силе.

Он засмеялся и прикрыл свою голую грудь руками крест на крест, как будто стесняясь.

– Ах, что вы говорите, миледи!

– Но похоже же! Ты же знаешь, скажи!

– Нет.

– Ну, почему?

– Теперь для меня это раз и навсегда травник по мужской силе поэтому. Всё. Слова Далилы, средоточия моих чресел, света моих очей, моего дыхания, моего сердца, живущего автономно, моей жизни – это истина в последней инстанции.

– Ну, Агний! Противный-препротивный!

– Может, посмотришь третий, если не подарочек, то думаю, может, тебе понравится. Возможно.

Хрисанф протянул жене небольшой листок, сложенный вдвое. Она раскрыла его.

– Это...

– Да. В прошлый раз мы ссорились из-за этого, поэтому я хотел хоть как-то загладить свою вину и не повторять ошибки.

– Имена нашим детям?

– Да, мои версии и предложения. Как только ты заберемене-ла во второй раз, я сразу стал думать об этом. Ну, у меня

не такая обширная фантазия, как у тебя, или у Аэлиты.

– Да брось! Мы же черешенку случайно кидали!

Далила приблизилась к мужу и осторожно расцепила его опять скрещенные на груди руки.

– Я даже не знаю, что сказать.

Она устроилась на его груди и стала слушать уже давно любимые ей звуки: стук его сердца.

Мальчики: Савва, Рафаил.

Девочки: Трейс, Майя, Сандаара.

– Это просто так. Не по значению. Просто понравилось, как произносится. Ну и дедушка Савва тоже неплохо. И в школе будет старичок Савва. Можно было бы ещё Тарас, но ты знаешь, что я больше иксы подкидываю.

– Я даже думать не буду. Пусть остаётся, как есть. Так и будут их звать.

– Что ты? Не будем разводить полемику?

– Не будем. Может, ещё потом родим. Имен красивых много на свете, что не счесть.

– И ты даже не будешь противиться против Майи? Тебе не нравилось это имя ввиду его слишком объёмного содержания. Но даже если ты потом будешь против, я ни за что не передумаю именно в этом пункте.

– Оно не объёмное. Может, слишком короткое. И я знаю, что тебя не переубедить, если что тебе взбрело в голову.

– Очень даже можно. Кроме того, в ордене и в других местах почему-то думают и ждут моего продолжения в виде сыновей. Но у меня от взрослого мужского потомства остались только Айнар с Айталом. И всё равно люди глупы до невозможности. Видно же, даже по ним, что сыновья идут в мать моём случае. А до девчонок им никогда дела не было. И слава богу, что в этом мире существует глупость! Это так облегчает жизнь! Я хотел внезапно признаться тебе в одном... Но это будет больно, после такого прекрасного вечера.

– Ладно, признавайся в грехах своих. Сегодня я не могу на тебя сердиться. Это удобный момент.

– Наши горничные. (молчит). Виктория, Вероника, Ванесса – мои дочери.

Далила, конечно, удивилась. Но потом в её голове наконец сложилась мозаика. Почему она решила, что её первые дочки похожи на их домашних работниц. Почему девушки так охотно помогают с малышами. Почему почти что в один голос видят в Айсене копию папки. Да они сами – копии отца. Просто мужской вайб совершенно отзеркаливал эту мысль и никогда не сводил вместе то, что было бы очевидным для другого, более зоркого глаза.

– Аа...

– Прости меня, дорогая, что скрывал это от тебя. Они и сами не знают. И прошу тебя, не говори им правды. Лучше выгони, но не говори, от кого они уродены.

Далила поняла. Да и чего тут непонятного. Он ведь нашёл их поздно. Как и старших сыновей. Но и отказаться от родных кровиночек не в силе.

– Ладно. Ну что поделаешь. Я наверное должна к ним лучше относиться? Даже не знаю, как теперь к ним обращаться.

– Как и раньше. Они – не слуги. А молодые девушки с заработной платой и непыльной работой. Я делаю профайл для Виктории. Ей уже 19, но несколькими агентствам она весьма приглянулась, как фотомодель. Так, что если её возьмут, она уедет отсюда. У другой есть парень, подозреваю, скоро – жених. Так что, я их устрою и они сами довольно самостоятельные стали.

– Агний.

– Да, любовь моя.

– Вот почему у вас была недомолвка с Арсеном? Он знал, что у тебя большая семья и большие планы.

– Да. Этот мелкий хитрый угорь заставил меня погреться в аду совести.

– Они же не конъюгаты.

– Нет. По крайней мере, сейчас. Здорово, да! Просто люди. Даже непонятно, когда они успели выпасть в этот мир.

– Никто тебе не докладывал, наверное, поэтому.

– И так и эдак. Потому что мне было всё это вообще не интересно. Жизнь бьёт меня за мой эгоизм. Это моё проклятие и в то же время бесконечно щедрый дар в виде тебя.

– Какой ты меня видишь, я являюсь только с тобой.

– Это не так.

– Так-так. С другим... Я просто утопила бы их, как котят.

– Не говори так. Ты бы так никогда не поступила.

– Поступила бы. Но мне приятно думать, что Хайджи, Урсула, Мила, Трейс, Майя и Сандаара вырастут в таких же красавиц и просто хороших женщин, как твои старшие дочери.

– Спасибо, родная.

Глава 18

Далила сидела в столовой в ожидании завтрака после утренней возни со старшими детишками. Хрисанф вернулся из кухни с дымящейся старинной фарфоровой супницей, в котором была гречка с тушенкой. Он поставил еду на стол, снял рукавицы и побежал за салатом, хлебом и сливочным маслом.

– Как тебе моя новая сервировка?

– Как всегда на высоте.

– Это глупо класть такую простую еду в разную интересную посуду?

– Нет. Я видела, что у нас, например, редкое земляничное варенье наливают в длинные узкие бокалы, как вроде для шампанского. И мне нравятся креветочные штучки с майонезиком и икрой, которые ложат в бокал. А гречка – это еда богов, если не слишком часто.

Сама она могла кинуть в тазик подозрительную не совсем съедобную штуку и покатить по столешнице в сторону мужа, как булыжник в керлинге.

– Вкусно?

– Очень!

– Вот ещё сюрприз для тебя: твой любимый тыквенный сок. Он настоящий.

Агний аккуратно поднёс ей хрустальную кружку с густым оранжевым соком, и, на всякий случай, положил туда широкую соломинку.

– Нет, ты просто подлил сюда из коробочки детского питания (он вполне на такое способен).

– Нет же! Ты что не слышала о том маленьком подворье за городом? Они сами выращивают тыкву и другие культуры. Я специально ездил к ним с утра пораньше, чтобы купить этот напиток.

– Сейчас зима, а не хэллоуин.

– Вестимо! Есть же понятие: запасы и консервация!

– Ну, хорошо, уговорил.

Она пригубила из стакана и осталась довольна.

– Почти также, как, когда мне не было ещё тридцати и я брала такой же, но готовый сок в одном магазинчике. Вкус молодости! Даже если ты соврал мне, то всё равно угодил.

– Зачем мне врать тебе, детка.

Он опустился на колени и не без церемонии приложился к её руке, впечатав немного влажный и тёплый поцелуй на её ладони.

– Что ты делаешь? Опять какие-то старческие ностальгии.

– Нет. Просто готов ползать вот так по пятам за вашей милостью за вашу невероятную добродетель. Можешь эксплуатировать меня на полную катушку. Только не забудь эксплуатировать и моё тело (добавляет предпримчиво).

– Не слишком-то расслабляйся. У меня слова порой с делами расходятся. Даже не по моему желанию. Так что вставай и давай мыть посуду.

Хрисанф подпрыгнул и, прыгая вокруг Далилы, как танцмейстер из советской Золушки, сделал шикарный поклон со взмахами рук и шляпой, которую наскоро выудил из угла столовой.

– Агний, перестань дурачиться! Тебе что, делать сегодня

нечего? Уже 9 часов, а ты всё ещё торчишь дома. Непохоже на тебя.

– Если ты меня гонишь, то я буду торчать здесь до самой ночи!

– А ночью? Уйдёшь?

– Ночью я буду торчать от другого.

– Хен-тааай!

Далила взяла его шляпу и стряхнула несуществующую пыль с его плеч.

– Тогда, останься.

– Ухожу.

– Так я и знала. Все вы такие.

– Тогда остаюсь! Не хочу быть, как эти "все". И вообще не упоминай этих "всех".

Они немного поняшились, хотя у Хрисанфа внутренние часы расписаны по миллисекундам, так что и на неё у него отведено только должное.

– Какие планы у самого занятого мужчины в мире?

– Ничего особенного. Быстренько сгоняю в институт, я там со всеми отчётами справился досрочно, так что могу туда вообще не ходить, только на оставшиеся лекции и ещё один экзамен принять. И на корпоро. Потом малость в ангаре покопошусь: та машина, о которой я тебе говорил, почти готова, покрасить только и мелочи. Чуть покорплю, а то Ка-

лита скажет, что ничего не делал в его отсутствие.

– Продай её на аукционе. Не сдавай в лс суперкарс и другим интересующимся не показывай. Они всё равно уломают тебя сбить цену. Вы с Никитой горбатитесь там по миллион часов, чтоб задарма давать такую ценность?

– Лс суперкарс и на аукцион? Вы, дама, белены объелись. Или это материнство так действует?

– Ничего подобного. Я была на аукционе Саунд-дайв-эможн. Там можно продать и купить всё что угодно. Хорошо пойдёт.

– Ничего себе. Это когда же?

– Неважно. Ты там неподалёку командировался. Я хочу знать, какой максимум она (машина) может срубить.

– Прилично. Но зачем нам лишние деньги?

– Незачем. Но можно Арсушке дать, как премиальные, например.

– Арсу это вообще мимо.

– Но они с Аэлитой могли бы сделать расширение. Уже семья. Может, и дети появятся.

– Далеко думаете. Хм... Я и сам думал построить дом для них между нашей усадьбой и калитинским "заповедником", но боюсь Айнар лопнет, когда узнает. К тому же ты его плохо знаешь. У него замечательная берлога. И жена такая мелкая, что хоть в карман положи. Дюймовочка. Он итак всем доволен.

Далила оскалилась и кинула в супруга веер из разноцветных перьев.

– Уходи прочь от жалкой толстухи!

– Это уже эпитет во языцах. Наверное, все в курсе этого новомодного выражения!

На его голову приземлился большой длинный далилинский тапок, Хрисанф снял его, поправил волосы и опять стал прыгать возле неё что твой кузнечик.

– Ладно. Покрашу в красный и отвезу в Саунд.

В сторону: но скорее всего, сам выкуплю и спрячу в дальнем гараже. Как можно Далила-карс и какому-нибудь встречному-поперечному.

– Умница! А теперь поцелуй меня и возвращайся поскорее!

– Ещё с Арсиком должны номер придумать. Рэп читать будем!

– О, ноу!!!

– Ты же любишь хип-хоп.

– Люблю (выдохнула).

– Ну и вот (доволен самим собой).

– Уж лучше на скрипке там попиликай. Что умеешь. Или на фортепиано. Что ближе.

– Не хочу! Я хочу штаны с лампасами, мастерку с катыш-

ками и бандану!

– О, нет!!! Как говорится, Боги!

– Арсен говорит О Господи!

– Правильно говорит. Но что-то ты зачастил к нему?

– Ревнуешь?

У Агния появилось на лице выражение лисы, наевшейся спелой клубники.

– Кто-то ревнует! Кто-то ревнует!

– Это же я. Всё не как у людей. Мне придётся бороться за тебя с мужиком?

Хрисанф прильнул к жене, как кошка к печке.

– Хотя бы так. А то ты никогда меня не ревнуешь.

– Как это не ревную! Я постоянно тебя ревную.

– Не ревнуешь. Только я, как проклятый, в собственном соку варюсь.

– Я очень ревнивый человек и ты это знаешь!

Он знал. Но знал также, что жена, как и Арсен предпочитает капитулировать, когда на горизонте всплывает хоть какой-то заслон. Она просто злится. Предпринимает убогие попытки. Затем признает поражение: Я не намбе уан и никогда им не буду. Никто меня не любит. Меня невозможно любить потому что.

Кирсанов обнял Кирсанову и, нежно ухватив её за щёки, стал чуть-чуть покачивать её голову влево-вправо.

– Нет-нет-нет.

– Не делай так, я не маленькая.

– Не делай так, я не маленькая!

– Агний!

– Я уже большая и сурьезная мадама. Не хочу! Не буду!

Не трогай! Не надо!

– Не надо!

– Вот видишь. Ты убила свою ревность. Это ведь тоже преступление. Тоже очень тяжёлое. Преступление против себя.

– Значит, ты самовлюбленный дурак.

– Сказала она, как отрезала.

– Но я действительно очень ревнивый человек. И это не предмет гордости.

– Сказала она. И держала себя в руках.

– Агний, хватит!!!

Он отпустил её голову, а она опустила глаза. Как будто ей стало стыдно. Хотя ей уже давно не двенадцать и краснеет уже не от волнения, а скорее – скачек давления, мороза, или жары.

Он хотел уйти, чтобы не причинять ей более неудобства. Снова, как миллион лет до нашей эры: неловкость, возникнутая неоткуда между двумя неловкими подростками, случайно соприкоснувшихся пальцами в длинном коридоре

школы. Хрисанф смотрел в сторону и ругал себя за язык без костей и жестокость, и идиотизм, и подчеркивание её недостатков, и за акцентирование разницы, пропасти между ними, что на мгновение хотел повернуться на 180 и сбежать со скоростью света от неё, от этого обвинения, от этой безответственности.

Потом, непонятно зачем, хлопнул себя по лбу и стал медленно разворачиваться.

Быть таким стремным парнем уже не модно. Мелькнула мысль.

Но тут её рука резко повернула его к себе и весьма ощутимо потянула уже его щеки из сторону в сторону.

– И он не знал, какой комментарий ещё можно вынуть, поэтому решил удалиться. Пускай думает сама.

– Как хорошо, что ты не конъюгат.

Агний удержал её руки своими пальцами на лице и всмотрелся в её не сердитые глаза.

– Люди великолепны.

– Не люди. А любовь.

– Если бы ты была мною, ты бы ушла.

– Так я и делаю всегда.

– Что хочет, то и делает.

– Если б можно.

Тут на него нашёл порыв. Всю его недавнюю меланхолию, возвышенность и философскую отстраненность как ветром сдуло. Он кинулся к жене и остался дома на весь день и всю ночь.

Потом запишу в своём дневнике, что Далила всё-таки ведьма моего сердца. Это слишком дорого для неё стоило. Ведь в жизни всегда бывает с точностью наоборот после таких разговоров. Мы создали волшебный мир, где всё по-другому. Она вела меня по этой тропе, а я шёл за ней и наполнялся счастьем.

Глава 19

Суматошный босс сегодня не заходил. Странно. Я начеркал на листочке пробный текст. Так оттуда взял, то отсюда. Аэлитка посоветовала отрейттить у Пушкина, "что лучше слов для кантри песенки не придумаешь". В общем, получилось чудовищно. Но задание выполнено.

Арсен прикрепил лирику магнетиком на холодильник, и, проходя мимо, то и дело просматривал на свой мелкий тараканий почерк.

Для влюблённого человека как-то не комильфо. Но это же по заказу. Хотя можно было и постараться. А как постараться, если не по этой части.

Выходный проходит даром. Только в доме прибрался и одежду постирал. На улице холодновато, не для пробежек. У чиполлинки праздничный аврал каждый день.

Он включил телевизор и пролистал несколько музыкальных каналов. Минут через пятнадцать выключил и немного посидел в звенящей тишине.

Я слишком привык к громкости Аэл. Оказывается, моя жизнь до неё была такая тихая. Даже когда блевал в раковину, всё равно была тишина как будто. Арс набрал номер девушки, но телефон был не в сети, что неудивительно: ей приходится заряжать мобильник несколько раз в день, и он всегда тёплый от звонков, сообщений, приложений и так далее.

Я о своей трубе порой вообще забываю. Родители раз в неделю названивают, узнать какие новости. А я им даже не сказал, что расписался тут с одной девчонкой. Хотел, но всё никак рот не дошёл. Вот удивятся, когда нагрянут с картошкой или рыбой, а тут особь женского пола. Придётся объяснять. Когда они ранее наведывались, Аэл уже тусовалась здесь, но у неё так мало женских вещичек, плюс некоторые предметы тут оставались от других.

Гребаный Хрисандель всегда такой. То нарушает личное пространство, то исчезает с горизонта. Мне так не нравят-

ся такие люди. Как будто всегда смотришь им в спину. Чувствуешь себя ребёнком, у которого маленький шаг, и который со всех ног хочет догнать взрослого. Тот оборачивается, улыбается, машет рукой, манит за собой. А ты все равно топчешься на месте. Давным-давно я хотел бы догнать так кого-либо. А сейчас лучше повернулся бы и ушёл по своим делам. Потом опять возникает такой же человек и ты опять превращаешься в недоросля-неудачника.

Ладно, Хрисанф тоже оказывается ходячий комплекс, несмотря на всякий напуск и образ, который ему вменяют. А этот, Искандер что ли. Хахаль Далилы. Вот вроде интересный чувак. Птерыч так заводится, когда речь идёт о нём. Даже смешно. Напридумал себе гору и холм и мучается. Не думаю, что этот субъект всерьёз насчёт Далилки. Как такое может быть вообще. Наверное, здесь где-то другая собака зарыта. Хотя почему я так временами недооцениваю её? Я здесь причём? Ну, популярная баба. Мало ли таких.

Он задумался и достал из морозилки куриное филе и говяжий язык.

Приготовлю-ка я неострый салат, просто отварю макароны и бух в тушеную курицу, а остаток языка пойдёт как холодная нарезка. Хотя луковичка может не наестся. Может, пирожки на бездрожжевом тесте намотить?

Очищая лук от шелухи, Арс вспомнил книжки, которые одалживал у Кирсановой.

Там так много мэри-сю. У меня логика трескается от этой женщины. У неё вайб устойчивой старой девы и тотальной одиночки. Как же она умудрилась выйти замуж за такого фрукта? Арсен Николаич, некрасиво. Сам же такой. Прав Хрисанфыч. И я такой же. И мне откололся кусочек счастья. Какой кусочек! Привалила планета Аэлита!

А разве телепортация может существовать в природе? Наверное, шеф о чём-то другом пытался мне впарить, но я, как всегда, не догнал и по свойски понял.

Арс отложил кухонный нож и взял баскетбольный мяч, давишный подарок на день рождения от давишных друзей, и сделав пару неловких живописных поворотов, кинул его на пуфик, находящийся в углу комнаты.

– Бу!

Иванов шарахнулся в сторону, налетел на стол и сбил оттуда миску с нарезанными овощами. Он бы заорал, но у него была не такая хорошая реакция, поэтому просто недоуменно взирал на то, что явилось его взору.

Там сидел какой-то вполне натуральный человек и на его указательном пальце весьма ловко крутился его практически неиспользуемый мяч.

Всё, что пришло в голову, так это глупо спросить.

– Кто ты?

– Искандер, очень приятно! Извини, что напугал!

Мужчина был примерно возраста Далилы, высокий, хорошо сложенный, но, не как Хрисанф, эстетично стройный, а более спортивно-массивного склада. Очень загорелый, с обветренной сухой, но гладкой кожей, с недлинными тёмными волосами. На нём был жёлтый лёгковесный костюм, темно-зелёный свитер, носки с узором, очень хорошие добротные ботинки. Большие тёмные глаза, возле левого отчетливая небольшая родинка, густые брови, рот очерченный, но мягкий, губы приветливые, готовые на улыбку.

Этого ещё мне не хватало. Но зачем все лезут в мою маленькую квартиру? Блин, я чуть в штаны не наложил. Он, что иллюзионист? Как это вообще понять... Или я немного тронулся умом.

Тем временем непрошенный гость уже встал и ходил по комнате, изучая находившуюся там мебель, всякую мелочь

и даже взял в руку фоторамку с фотографией Аэлиты.

– Мило. Мило тут всё обустроено.

– Может, вы уйдёте?

Гость рассмеялся, обнажив множество белых крупных зубов. Потом уловив, что хозяин как-то не поддерживает его настроение, успокоился и загадочно посматривая на парня, направился в прихожую.

– Тебе нравится, если как принято да?

Он уже взялся за ручку двери, как Арсен остановил его.

– Стойте. Вы действительно Искандер? Корсун?

– Ну да. Так кажется меня звали с утра.

– Вы – телепортер?

– Ну как видишь.

– Зачем... вы явились сюда?

Гость добродушно стукнул каблук о каблук.

– Как это объяснить. Я следил за тобой.

– За мной?! Зачем?

– Ну... Ты – друг Хрисанфа, так ведь?

– Не совсем. Я работаю у них просто.

– Тогда может понятно да, как устроено их житие-бытие.

– Вы о чём?

– Коньюгаты!

У Арсена появилось ощущение, что он попал в шпионскую воронку.

Что делать? Это враг номер один моего босса. Выглядит вполне дружелюбно. Но это его появление чисто сбilo меня с толку.

– Я... Что вы от меня хотите?

– Ничего не хочу. Разве что язык попробовать. Давно не ел местную кухню, соскучился. У меня здесь мама живёт.

– Вы не похожи на местных.

Искандер улыбнулся, и тут Арсу уловилось, что в нём больше аборигенного, чем у него и Аэлитки.

– Присаживайтесь.

Сам не понял, но он стал накрывать на стол для "их общего злейшего противника". У Искандера с аппетитом тоже было весьма норм. К тому же у него начисто отсутствовала какая-либо фамильярность, он не дичился, не напрягался и вообще по нему было видно, что он похоже везде чувствует себя как дома.

Глава 20

Корсун с удовольствием снял пиджак и свитер (в доме

Иванова было ощутимо тепло, хотя за окном были все – 50), оставшись в бежевой майке и брюках. Он накладывал себе в тарелку то салат, то второе, попутно с интересом разглядывая незадачливого хозяина.

Ел он, не как Аэлита или союз конъюгатов, не слишком хаотично, а откусывая с удовольствием и понемногу то того, то другого. В общем, как нормальный человек.

- Тебя ведь Арсеном зовут.
- Да (скромно сидит чуть поодаль и жуёт хлеб с маслом).
- Как давно ты работаешь у Хрисанфа?
- Недавно. Как-то летом познакомились.
- Аа. А мы знакомы давноо.
- Как это вы делаете? То есть ваше появление...
- Давай на ты. Я очень простой в обращении.
- Хорошо...
- Классно наелся!

Искандер отложил вилку и погладил живот.

- Ты здорово готовишь.
- Спасибо. Не так чтобы. Просто приготовил.
- Ещё раз прости, что напугал. Я установил жучок на днях тут.
- Чего?
- Не чтобы тебя подсматривать. Нет. Скорее, за Хрисан-

фом.

– Прошу убрать.

– А он в космосе.

Гость указал на потолок, и покачал пальцем, как будто отыскивая небо.

– Тогда отключить.

– Да, конечно. Я пришёл, потому что ты вслух рассуждал и говорил обо мне между прочим.

Арсен покрылся потом и пятнами.

Ну, да. Я всю жизнь разговариваю сам с собой. И не предполагаю, что меня могут послушать.

– Ээ...

– Ну ты же сам интересовался телепортацией. Я работал у себя, и забыл совершенно, что подключён к твоей квартире. Моя собака налетела на пульт, гоняясь за Рекки и тут твой голос во всю громкость, бум! Я хотел увидеть того, кто интересуется тем, же, чем и я. Для этого я приехал сюда. Распространять свой опыт.

– Неужели будете, ой, будешь учить телепортации?!

– Биофизике и физике в целом. Но кому надо, тот найдёт да. Я не из тех, кто зажимает. Почему бы и нет. В мире столько всего!!!

Тогда Арс понял, почему его зовут ИскАндер. Весь его взгляд был полон любознательности ко вселенной, удивления, восторга и восхищения. Даже немного ребячливо. Он оглядывался по сторонам, и словно общупывал каждый предмет, стараясь понять его историю, строение, суть.

Оп-па. Хрисандель попал. Точно. Какая там Далила. Кто угодно будет от такого в прострации. Разумеется, если такое его трогает. Так-так. Как же быть? О чём он тут болтал? Устройство слежения. Не слишком ли просто. Птерыч теперь может выходит со мной на связь и возможно сейчас подслушивает нас. Птерыч, ты тут? Ответа нет. Хотя он же признался, что ноги его не будет в обители этого упыря. Тогда что. Надо вести себя естественно. Если этот телепортер умеет противостоять скиллам Хрисанфа, то почему бы не побалакать. Интесный тип. Мировой мужик. Главное, дражайшую супругу не упоминать, иначе босс взорвётся к чертям собачьим. Понятно, почему Далила на такого запала. Я и сам бы запал, простите люди добре. Видит бог и судьба, потому Аэлка заняла место в моём сердце, да и я ей прочно принадлежу.

– Что за Рекки?

– Секира.

– А?

– Ну это такие штуки прикольные, зверюшки с искус-

ственным интеллектом. Рекки всё равно что пёсик мой тоже. Вот они и гоняются целый день с Лакки, крушат всё подряд. Что поделаешь, и то и другое: собаки. А у тебя есть домашнее животное?

Есть. Называется чиполлинка Золотарева. Ест как слон, шумит как дракон.

– Нет. Квартира небольшая.

– Кста! Ты ведь физмат оканчивал?!

– Ну да.

– Тогда мы с тобой – брохи! Однокурсники почти что! Я в нашем стажировался какое-то время у одного профессора. Дьячковский!

– Он умер давно.

– Не так уж и давно. Хороший был учёный. Открыл мне многое в области тёмной материи.

– В нашем-то? Я не знал, что он изучал это.

– Это было его хобби!

Искандер поблагодарил за ужин, поднялся и стал упражняться с мячом. Он кидал его в пуф, тот попадал туда, как в корзину, потом отлетел направо, перелетел через спальную зону Ивановых и возвратился к Корсуну, любезно облетев светильник на ножке.

– Как ты это делаешь?

– Ну просто быстро подсчитываю алгоритм.

– Ты экстрасенс?

– Нет, конечно (смех). Я просто люблю играть в пространстве и времени. Это моё хобби.

– И ты не разрушаешься, когда вот так вот пересекаешь расстояние? Можешь даже с Африки так?

– Сейчас я в здешнем моём доме. Кстати не особенно далеко отсюда. Нет, не разрушаюсь. Я же жив. Не слишком-то ведись на науку Хрисанфа с Калитой. У них, как бы сказать, негативное восприятие. У них мозг так сложен. Возможно, это побочка конъюгата. Такой образ жизни. У тебя другой котелок. Вот и вари в нём свои шедевры. Я – учёный. Но должен признать, я родился таким. Я не разрушаюсь. Не вижу всё в тлене и мраке. Это меня не интересует. В чём-то я похож на ту девушку, которая живёт с тобой. Мне не нужен страх и тревога. Это аппендикс, который вырезали до того, как я появился на свет. Траурные прогнозы и пессимизм – это не про меня. Я живу на другой стороне, понимаешь?

– Не совсем.

Подозрительный тип. Я же не признаю позитивистов. Кроме Аэлиты. Ну там субъективка. И у неё ко мне тоже. Оптимизм – звучит слишком самонадеянно и нездорово. Я на земле живу и розовыми очками не питаюсь. Жаль. Такие меня и в упор не видят. Гребаный Хрисандель сатана сата-

ной, но рубашка ближе к телу. Главное не сболтнуть лишнего этим языком-помелой.

Искандер отложил мяч и сел на пол, скрестив ноги. Он по-прежнему с любопытством оглядывался по сторонам, как будто из под кровати мог выскочить гномик там, или спящая красавица.

– Мм... Как поживает Далила?

Здрасте. Ну вот приехали. Лучше продолжай про телепорт. Опять 25.

– Не знаю. Я редко её вижу.

Корсун мечтательно вздохнул, и тут же превратился в того паренька на берегу реки, который кувыркался на траве и от удовольствия дрыгал ногами.

– Я тоже. Иногда я проникаю в их дом. Но гребаный Хрисандель, как ты говоришь, вечно торчит, как бельмо в глазу.

Арс удивился.

– Разве это возможно?

– Да. Нет ничего невозможного. Я знаю, что она любит его. Но это не мешает мне любить её. Это мой выбор.

– Но Хрисанф. Как это он допускает?

– А он не знает. Но думаю подозревает. Чутье у него что надо. В настоящем самая действенная машина времени на-

ходится у меня.

– Что??? Где же?

– Во мне. Это я и есть.

– Невероятно.

– Ты наверное мало читал научные сводки. Хотя я всегда публикую работы для массового читателя.

– Я поверю в это только если покажешь.

– Уже показал. Посмотри на себя.

Арсен не понял, но на всякий случай посмотрел на свои руки и ноги. И тут он заметил, что одежда на нём не сегодняшняя. Эту футболку и шорты он носил на прошлой неделе.

– А?!

– Мы в прошлом, но только отчасти. Я путаю временные нити. Еда и разговор сегодняшние. Ты и события – с прошлой пятницы.

– А?

– Хрисанф не может поймать меня сегодня, потому что это уже давно прошло, и, если идти дальше, то этого и не было. Потому что не могло быть. А уж это ваши тёмные головы умеют соображать.

На свете столько интересных ребят оказывается. А я полжизни вату катал.

– Образно говоря, у всех есть встроенная машина времени. Это прекрасно знает Далила. Поэтому я хочу пригласить её в качестве ведущего специалиста по биофилософии в мою школу.

Арс вернулся с небес на землю. Воля босса этого бы не допустила.

– О нет. Она очень занята вроде.

– Чем? Дети? Пускай предоставит это Кирсанову. Он превосходно справится с ролью курицы-мамаши.

– Ну, как я понял, она вообще очень занятая.

– Чем бы она ни была занята, главное, она занята Хрисанфом. Не поверишь, но я сто раз пытался с ним подружиться. Но – провал. Пшик! Как тебе удалось с ним так сблизиться за такое короткое время?

Он, конечно, крутой. Но он не в теме конъюгации. А мне, наоборот, пришлось вкумекнуть.

– Потому что мы – конъюгаты.

Сказал. Как выдохнул. Корсун недоуменно посмотрел на него сверху вниз.

– Далила говорит, что все – конъюгаты.

– У Далилы весьма субъективные отсебятинские теории.

– Да что ты говоришь.

И впрямь, что за хрень. Что мне за дело до жалкой толстухи.

– А покажите ещё а?

Искандер улыбнулся и, накинув пиджак поверх майки, закинул свитер в подмышку.

– Пойдём!

– А?

– У гребаного Хрисанделя тоже неплохой аппарат, но проблема его в том, что он не любит копаться в своём прошлом, так что гоняет только на лс суперкарс.

– У Птерыча, ой, у Александра тоже есть машина времени?

– Есть. Но ты знаешь, как там у вас всё работает, хоть он и учёный. Всё равно трясётся над своими генами. У него очень добротное восприятие на "других" уровнях и скорость просто потрясающая одновременно с его интуицией. Но всё это лежит бесхозно, пока твой начальник люлюкает себя на кушетке сам-себе-психотерапевта.

– А в чём твоя фишка?

– Смотри. Вот старики расчудесно умеют путешествовать в прошлое, память их обостряется до супер-мозга. Дети летают в будущее и строят его сами. А я такой же как все. Просто теперь умею брать с собой пассажиров.

Арсен ещё не бывал у Кирсановых. Они с Аэлитой частенько тусовались у её бабушки, да и сама Золотарева несколько раз гостила у своей подруги, но не её новоиспеченный муж. Хрисанф, в принципе, не был против, но как-то всё то забывал, то не до этого было. И Арс не горел желанием: он предпочитал свой дом и поменьше всяких страстей.

Сейчас же он реально босиком крался по коридору, посередине которого шла аккуратная ковровая дорожка. Из-за поворота высунулась большая кошка и собралась мяукнуть, но Искандер, можно сказать, с детства умел общаться с животными. Он прислонил палец к губам, и пушистый питомец, поворчав, исчез за следующим углом.

– Это гнездо?..

– Тсс.

Они заглянули в приоткрытую дверь. Арс услышал мерный храп (Далила спала). Корсун, только что шикавший на Иванова, проскользнул внутрь и любовно уставился на спящую хозяйку. Она их, разумеется, не слышала, но несколько раз повернулась с бока на бок.

Слава богу, она в ночнушке. Где же треклятый босс?! Он мне голову оторвет, если узнает.

Дверь отворилась шире и в спальню вошёл Хрисанф в ночном халате и лёг рядом с женой. Похоже время было позднее, даже судя потому, что Далила очень крепко храпела. Агний осторожно поцеловал жену в щёку, затем, в лоб, в нос и так далее, пока через несколько минут она не проснулась. Стало намного тише. Но потом должны были последовать супружеские обязанности, поэтому телепортеры (нехотя) удалились.

Они вышли через чёрный ход в ночной сад. Здесь сильно пахло только что раскрывшимися цветами.

– Цветы?

– Да.

– Сейчас же декабрь.

– Мне приходится ударить палец о палец, чтобы проникнуть сюда. Везде ловушки и препятствия. И ещё тебя протащить. Я вошёл через лето. Наверное, тогда только ты встретился с ними. Но то, что они делают сейчас, там, в нашем времени, ещё не произошло. Это будущее. Но наверняка это их повседневность.

– Поэтому нас не было видно?

– Да, для них мы не существуем.

– Странно.

– Можно. Если вступить в контакт. Или захотеть увидеть.

Но человеческая голова перезагружена информацией. На са-

мом деле, во времени постоянно множество пересечений и наслоений, но фарс в том, что у нас нет времени на время.

Щелчок. Они оказались вновь на кухне его квартиры. Арсен сказал бы, что было здорово. По крайней мере, его тело было в порядке. Но Корсун, несмотря на недавнюю выдачу фактов, выглядел, скажем, не супер позитивно.

– Мой отец как-то сказал, что за любовь надо бороться.

– Эммь...

– Это единственное, что в моей жизни, как об стенку горох.

– Мне жаль...

Искандер улыбнулся и пожал руку парню.

– Но ведь это тоже чудесно! Ведь я мог вообще её не встретить и никогда не познать это прекрасное чувство. Так что, я ни о чём не жалею.

Глава 22

Зазвонил-запел дверной звонок и Арсен бросился открывать, так как Аэлитка постоянно забывала везде свои ключи.

– Стоять бояться!

– Птерыч? Какими судьбами! Почему так поздно. Я жду жену.

Хрисанф прошёл внутрь и приказал подопечному.
– Сядь.

Арс сел на маленькую низенькую деревянную скамеечку, стараясь ни о чём не думать.
Держи голову пустой.

– Смотри на меня.

Ну, вот. Человеку нельзя без мыслей. У Искандера глаза темно-карие, обыкновенские глаза, может, симпатичные для женщин. У босса всё не как у людей. Потому что он вдобавок эстет хренов, денди и метро. То ли у него генетическая предрасположенность к ранней полной седине. И он это старается скрывать, подкрашиваясь в брюнета. А потом, видимо, забывает, и ходит так с белыми патлами. И для жены своей, или других баб, не знаю, надевает разные линзы. То у него радужка тёмная, почти чёрная, то зелёная то синяя, то серая, то голубая, а то и сиреневая, не поймёшь. Я слышал от чиполлинки, что в институте Кирсанов известен, как преподаватель, активно юзающий систему виртуального присутствия, и то с использованием аватара. При реальном же нахождении Александр почти всегда надевает маски, разработанные в Далила катс. Они такие красивые и эффектные, что внимание аудитории сосредотачивается на оных, а не на лек-

торе. Аэл сказала, что на работе это объясняют, как специфическую аллергию на пыль и солнце. По-моему, шеф просто не хочет, чтобы его разглядывали, как чудо в кунсткамере. Итак он считает себя уродом.

– Хорошо, не двигайся. Не моргай. Да не линзы это. Они сами такие дурацкие. Идиотские. Хамелеонистые. Ничего им доверить нельзя. Всё выкладывают моей госпоже. Уродские. Правильно сказал.

– Чегоо?

– Ух, всё!

Хрисанф поднялся и отошёл в сторону.

– Помолчи немного.

Арсен решил не обращать внимания на этого странного коньюгата и решил проверить телефон: не было ли сообщения от Аэлиты.

Когда он вернулся на кухню, что промыть виноград и приготовить какао, Агний сосредоточенно копал ногтем ткань тёплых штанов в области колена с закрытыми глазами.

– Что делаешь?

– Молчи.

– Ну как знаешь. Останешься ужинать с нами? Аэл скоро придёт.

Хрисанф внезапно выдохнул, причём его корпус резко бросил вперёд, как будто из него путем манипуляций вытолкнули застрявшую в горле косточку.

– Уфф! Что ты сказал?!

Арс забеспокоился и отложил в сторону гроздь.

– Что это было? Что это с тобой, Птерыч?

– Ну ты сукин сын, скажу я тебе. Кто сатана так это ты. Завёл дружбу с моим заклятым врагом, подсматривал за моей голой женой. Убью!

Он замахнулся, Арсен нелепо зажмурился, но шеф просто стукнул по столу.

– Я отправил в тебя Киру. Я же говорил, что не могу применять конъюгацию в отношении Искандера. Теперь ты знаешь, что это не только из-за того, что мы видели. Хотя, главным образом, из-за этого! Он обложен защитными блоками, как собственно сварганенными, так и теми, что вшиты в него по наследству. Он утверждает, что генетика – не наука, а так, философское течение. Сам же происходит из древнего рода Ворона Кутха.

– А?

– Б! По этой линии мы почти родственники с этим упырем.

– Ты это прости... Но нормальный такой чувак! Он даже хочет с тобой подружиться. Это ты, оказывается, всё берёшь

на штыки.

– Он тебя обработал.

– Я не думал, что Корсун отведёт меня в ваш дом. Я даже не очень верю во всё, что произошло. И что за Кира? Что за Рекки? Что за звери у вас?

– Кира и есть мой зверь. Я опасаясь путешествий во времени. Это придурок гуляет в нем, как готовит оливье: всё подряд! Поэтому вчера я поместил Киру в тебя, пятой чувствовал, что этот ублюдок зайвится сюда. И теперь снял с неё полученную информацию. Кстати, можешь радоваться, никогда и ни у кого Кира не проживала так удобно и гармонично.

Арсен хлопнул левым глазом.

– Во мне что, всё это время был какой-то паразит-шпион?

– Именно (каждый о своём). Этот гад хочет испортить наши с Далилой отношения, опустив меня в её глазах. Чтобы забрать себе!

Арс на всякий случай прополоскал горло в ванной, потом забил и вернулся к боссу.

– Всё-таки классная у чувака способность.

– Не разевай пирожок, руки-ноги оторвет, тогда узнаешь.

– Да-да, теперь мне стало яснее, у кого как голова устроена. А что, твоя Кира тебя не любит? На выпей воды, ты как будто сердцевинкой персика подавился.

– Слишком балую, как и всё на свете, блять, привыкла жить на свободе.

Глава 23

– Агний.

– Любовь моя.

– Я сплю.

– Спи, дорогая.

– Не могу спать, ты же меня целуешь.

– Вот сюда.

– Ещё.

– И сюда.

– Хорошо.

– И вот сюда.

Я это видел. Пускай через посредника. Моё с Далилой будущее. Как же приятно. Я знал своё будущее и пришёл к нему с радостью. К нашему счастливому будущему.

– Ты что-то сказал?

– Да. Я люблю тебя. Просто ни секунды не могу жить без тебя.

– Отвернись.

– Почему?

– Ну отвернись.

– Раз-два-три. Оказалось, можешь.

– Это не считается. Я всё равно думал о тебе.

– Сегодня мы итак весь день были вместе.

– Это был самый лучший день в моей жизни.

– А вчера?

– И вчера – самый лучший.

– А завтра?

– И завтра – самый лучший день, если ты будешь со мной.

Я был несчастным, пока не встретил тебя.

– Я буду смеяться.

– Ты будешь смеяться.

– "Я знаю только лучшее в тебе. Мне от любви не спрятаться, не скрыться. Рассыпались в созвездиях города. Ты заставляешь сердце моё биться. Скажу Люблю и это навсегда. Пускай смешно, пусть надо мной смеются. Рассыпались в созвездиях города. Пути любви всегда везде сойдутся".

– Это женская песенка.

– Но она так мне подходит.

– Ты изменил текст.

– Потому что так более подходит нам.

– Тогда спой ещё "Люби меня по-французски".

– Хорошо, только тогда тебе придётся после как следует постараться.

– Начинай!

Глава 24

Аэлита принесла с работы маленький горшочек с кактусом. Она поставила его возле компьютера Арсена в углу стола, подумала, помыла маленький старый заварочный чайничек и капнула на сухую почву.

– Смотри, не смети оземь своими кулачищами. Интересно, он из тех что цветёт? Хм... По крайней мере, говорят это улучшает экологию рабочего места, связанного с гаджетами.

– Что ж, видимо, мне придётся заботиться о нашем сыне.

Аэл засмеялась, оглянувшись снизу вверх на парня.

– Ты думаешь, это мальчик??! Если будут цветы, то это девочка.

– Да гермафродит он. По ботанике что ли не учила, у них и тычинки и пестики в одном доме.

Золотарева приставила палец к губам, смакую мысль.

– Ну, думаю, растения не такие уж извращенцы. Это просто, как многоэтажный дом, понимаешь. Много-много всяких квартир – клеток, заводы, фабрики, детские садики, и ещё есть роддом, где появляются детки.

– А у нас, когда свои будут?

Арсен помялся немного и от смущения убрал часть волос спереди резинкой в пучок.

– Прости. Это. В нашем семействе я как главная бабка-повитуха.

Аэлита заглянула к нему сбоку, стараясь ни на секунду не пропускать изменения его лица.

– Как это?

– Ну ты же рассказывала, что ты многомиллионная супер-тётка и нянька. Так вот, у меня же так вышло, что я – главный за то, чтобы все скорее поженились и скорее обзавелись потомством. Ты же знаешь, что я – единственный ребёнок у своих родителей. Господи, ребёнок. С бородой и морщинами. Но там у нас куча братьев и сестёр, и особенно братьев, и как у кого появится какая-нибудь зазноба, сразу бежать ко мне: типа серьёзно-несерьёзно, поматросить или как.

– И тут ты начинаешь пропанду здорового образа жизни и семейной политики?!

– О демографии, блин, забочусь.

– Но у нас же всегда перенаселение.

– Не в нашем регионе.

– Но в целом.

– Дети – это хорошо.

– Ты что, хочешь, чтобы у нас уже были малята???

Арс вспотел и размотал пучок обратно. Как ни странно, лучше потеть так, с неудобственными для других волосами.

– Нет. Но вон сколько настрогали Птерычи.

– Ой-йо! Кто-то сам в недавности наезжал на дядюшку, обвиняя в безалаберности и бесконтрольности размножения.

– В самом деле, зачем? Опять на меня нашло разругивать чужие жизни, наверное.

– Эх ты, Арсушка-старатель!

Арсен подхватил девушку и, подняв высоко на руках, стал любоваться ею в отражении света лампы.

– А ты совсем не озабочена этим вопросом?

– Нет.

– Как нет? Я не могу жить с женщиной, которая не даст мне продолжения рода. Ивановы стоят на Земле прочно, как тараканы, благодаря многочисленности своего клана.

– Утю. А я не такая. Что же ты, бросишь меня?

Он отпустил её на пол и она села есть наваристый мясной суп, салат из огурцов и помидоров (!) и три шаньги.

– Нет. Но как-то стрёмно.

– Привыкай!

– Вот как становятся подкаблучниками...

– Нее, ты просто идеализируешь своих предков и своего босса! Я вот тоже – единственная умница-дочка. Но в нашей семье нет таких стереотипов. Каждый живёт как хочет, и может.

– Чиполлинка, не сейчас, но потом я поставлю вопрос ребром. Сейчас, может, действительно рано об это думать.

– О-тё-тё! Мы пугаем!

– Но почему ты не хочешь? Потому что я не достаточно взрослый, чтобы позаботиться о тебе и ребятах?

– Ну. И это тоже.

– Ты такая современная.

– Эй! Это было оскорбление?

– Древние люди об этом не думали.

Аэл залпом выпила остатки супа (она просто не могла оставить еду просто так, не приконченной), вытерла тыльной стороной ладони усы, стряхнула крошки со своих домашних шортиков и футболки и приблизилась к мужу, который сидел теперь возле подоконника и смотрел на зимний пейзаж (хотя мало что было видно туманным поздним вечером).

– Обиделся?

– Нет.

– Но ты же знаешь, что в глубине душе я – настоящая страшная стерва.

– Знаю.

– И ты любишь меня?

– Люблю.

– Кто-то нахватался всякой ершистости у дяди. Не надо так. Ты же мой Арсен.

– Ничего я не нахватался. Я всё тот же Арсушка-идиот и

дуболом.

– Ну, хочешь, я тебе рожу ребёнка?! Хочешь прямо сейчас?

Он стала активно стягивать свою футболку и далее запуталась в растегивании ненавистного ей лифчика.

– Ну, кто так делает. Дай я.

– Вот видишь. И ты видишь во мне маму? Что такое возможно с этой ходячей катастрофой?

– Ну, моя сумасбродная суматошная матушка родила же меня. Знаешь, какие они занятые чуваки. И то нашли силы и время.

– Я не знала, что ты такой настырный.

– Я не настырный. Просто думы о будущем.

– Как хорошо! Сейчас много молодых людей говорят об этом.

– Я не молодой.

– Но мы же молодожёны.

– Что ты делаешь? Ты что впрямь уверена, что сегодня же свершится сакраментальное зачатие?

– Почему бы и нет.

– Дурочка. Я же просто так спросил.

– Я сделаю всё для тебя. Всё для моего любимого. Ты только скажи.

– И где же наша сильная и независимая?

– Я здесь! Поэтому я так и делаю. Концентрирую всю свою

силу и желание!

– Последнее слово мне нравится. Но обожди чуток. Ты слишком напористая. Я же пошутил.

Он бережно отставил её в сторону.

– Охладись маленько.

– Ты меня не хочешь! Тогда я уйду! К Коле!

Аэлита внезапно рассердилась и стала быстренько кое-как натягивать свою одежду, а потом с голыми ногами влезла в унты и пуховик. Арс еле поймал её у самого выхода.

– Странная женщина. И такая юркая, ей богу! Замерзнешь же.

– Я не замерзну! Я вся киплю от злости!

– Ты не можешь кипеть от злости, потому что ты не злая.

– Злая, ещё как злая!

Чтобы доказать это, она со всего размаху топнула по его ноге в шлепке.

– Ай! Больно же!

Аэл тут же скинула куртку и поспешила осмотреть "рану".

– Прости!

– Да, твои тренировки с Калиткой не прошли даром. Тебе бы записаться на бокс. Станешь кмс через полгода, как пить дать.

Иванов сел на ту же низенькую скамеечку, прислонился к стене и нарочито с кряканьем подбросил побитую ногу на ногу.

Аэлита на корточках дула на его пальцы и попутно гладила его "дымевшую" голову.

– Родненький ты мой! Зря ты со мной связался, уже началось домашнее насилие. То ли ещё будет.

– Извинения приняты. Пошли кушать!

Глава 25

Через час примирительно лежат в постели.

– Может, это уже случилось?

– Что?

– Эх, вы, музыки! Девичья память у вас!

– А, ты об этом. Нет, конечно, ты же предохраняешься.

– А вот и нет.

– Как это нет.

– Я не люблю пить таблетки. Я не хочу стать страшной и некрасивой.

– Но это препараты нового поколения.

– Вот и пей их сам. Если ты меня бросишь, я умру от горя.

– Дурочка. Пупенкай так не говорят (целует в плечики)

– Прежде всего я человек.

– Ты что, серьёзно это? Почему мне не сказала?

– Это девчачьи проблемы.

– Но я, всё-таки, твой муж. Выбрали бы что-то другое.

– Я не хочу что-то другое!

– Старые добрые презики...

– Нет!

– Что нет?

– Чтобы я отказалась оттого, чтобы ты в меня вливался!

– Не так уж много и вытряхивается...

– Всё равно.

– А вдруг у меня болячки всякие... Хотя сдавал недавно.

– Молчи!

– Так ты сама была готова и ничего не говорила мне?

– Я не готова!

– Как же объяснить твои скачки ответственности и безответственности, современная моя.

– Не надо меня ругать. Я и сама не знаю, что со мной, как встретила тебя.

– Всё в порядке, тише.

Он накрыл её своим телом и обнял всю, чтобы успокоить.

Всё-таки, она младше меня. Интересно, как справляется Хрисандель? С этой разницей. Я и сам взрослый ребёнок. А она такая мудрая не по годам, что я забываю, какое маленькое существо в ней живёт. Она всё делает по наитию, интуиции и теперь пугается этой несвободы, этой совместности.

– Арсен!

– Аэлита.

– Не отпускай меня.

– Я и не отпускаю.

– Я знаю, что неидеальна, и что ты думаешь обо мне, что я круглая дура, недалёкая такая, что ты смеёшься над моими порывами.

– Я не смеюсь.

– Но это по-честному. Я не знаю, как это объяснить, как показать... Я же не актриса. Но я действительно люблю тебя!

– Я верю. Я тоже люблю тебя.

– Ох, Арсен, если бы ты знал, как я сильно люблю тебя!

Если бы я только умела, ты бы понял.

– Не надо мне ничего доказывать. Мне от тебя нужна только ты сама. Этого мне достаточно.

– Ох, Арсен, это правда?!

– Да, ты же единственная королева моего сердца.

– Когда ты говоришь, что любишь меня, я становлюсь такой счастливой, что даже чувствую себя виноватой. Мне кажется, что я самый счастливый человек на планете.

– Не поверишь, но я чувствую то же самое. Только я не маюсь совестью, мне просто хорошо.

– Знаешь, я хочу родить тебе тысячу детей! Лишь бы ты был мною доволен.

– Я что ли деспот какой. Мне от тебя нужна только ты.

А ребяташки, они сами решат, что делать, когда появиться, это их дело, их выбор.

– Правда?

– Ну, я так думаю. По идее так должно быть.

– Любимый. Я слишком люблю тебя. Это внешне я такая непутевая и ничтожная. Внутри меня живёт любовь к тебе. И мне кажется, могу ли я это утверждать, это потому что ты тоже любишь меня.

– Так и должно быть у двоих. Каждой твари по паре. Не волнуйся так. Я же с тобой. Я никогда тебя не брошу.

Глава 26

Аэлита. Мой дикий своенравный лучок. С ней надо осторожнее. Есть такого сорта люди: слишком эмоциональные, слишком чувствительные. Это, я дуб-бугай, ничего не могу понять. Мне бы пожрать, посрать и поспать. А она сама в собственном соку варится. Как гребаный Хрисандель. Почему ко мне притягивает таких? Кажись, соционика какая-то.

Он толкнул дверь и вошёл в класс. Но там было пусто. Тридцати учащихся как не бывало. Арсен не успел что-либо сообразить, как его плеча коснулись уже привычные руки.

– Я всех пустил на пикник.

– Как это, зимой?

– Пойдём!

Он покорно поплелся за директором. Они миновали этаж, пошли куда-то направо, потом налево. Надо сказать, Арс не особо интересовался строением этого учреждения. Где ему назначен урок, туда и приходил.

Хрисанф остановился возле большой стеклянной стены. За нею была большая спортивная площадка. Потолок уходил невесть куда. И освещение было почти летнее. Ученики сидели на выращенном газоне и с азартом распаковывали коробки с едой, которые приготовила администрация. Здесь летали большие бабочки, где-то журчала вода и было много других растений в специальных локусах.

– Это наша оранжерея. Ты же здесь ещё не бывал. Не вечно же парту греть. Дети должны резвиться. Там дальше футбольное поле, теннисный корт и танцевальная зона. Но сначала надо как следует подкрепиться. Он протянул другу картонный свёрток.

– Там есть замечательная беседка. Рядышком я посадил Далила сайнс дэй. Они как раз сейчас поспели.

В пакете была нежная утятина, гамбургер, вишнёвый сок и салат со свежими овощами. Большие розовые цветы благоухали практически неуловимым ароматом, придавая комнатному воздуху лёгкую свежесть и свободу.

– Правда, красивые? Моя жена всегда вдохновляет меня.

О, у меня попался обед с ряпушкой! Ещё тут банановый смузи и греческий салат.

Агний воодушевленно принялся уплетать свой комплекс, наблюдая за школьниками, часть которых уже устроила игры.

– И часто бывают такие передышки?

– Рандомно. От нагрузки. Или необходимо какое-то обновление. Летом, конечно, лучше. Мы едем в горы, или на реку.

– Как это у тебя на всё хватает время.

– Далила говорит, потому что невыносимый бюрократ и скряга.

– Как она? Она знает, что Корсун приехал.

– Наверняка. Я не знаю, о чём они там переписываются.

Поморщился от неудовольствия и быстренько запил соком Арсена.

– Хотя знаю. Не могу. Всё равно потом тайком перечитываю. Но пока письма не было. А она... Наверное, примерно знает, что он здесь.

– Как ты справляешься?

– Никак. Ревную. Злюсь на неё, на него, на себя.

– Нет. Как ты справляешься вообще, с семейной жизнью?

– Ты чё. Я же примерный семьянин. Я рождён для этого.

Ловлю дикий кайф от всего этого.

– Аа..

– Какие-то проблемы?

– Ну...

– Не нукай. Выкладывай. С мелкой своей поссорился? Это бывает. Дело молодое.

Агний беззаботно болтал ногами и довольно ловко отразил мяч, когда тот полетел в их сторону. Послышались мальчишеские крики: "Не надо Сандру Птерычу! Он в прошлый раз за ворота школы отправил, целый час потом искали!"

Хрисанф в ответку бросил: "Сами вы тупые! Ногами надо в футбол играть, а не ртом!"

Арс неспешно впитывал утятину.

– Это от калитинских запасов. Эспешалли фо ю!

– Спасибо. Давно не ел действительно.

– А что девочка у тебя бунтует – это только цветочки. Знаешь, сколько у неё энергии. Кровь бурлит по жилам. Придётся, терпеть, раз любишь. Сам мне об этом вдалбливал.

– Вот ты. Калитка рассказывал нам, что вы познакомились очень давно, когда Далила была ещё маленькая.

– Старый сплетник. Ну да.

– Выходит, она младше тебя.

– Естественно. Ты же знаешь.

– И как ты справляешься?

– А мы сравнялись.

– В смысле она это.. Выросла. А ты остался.

– Нет. Просто привыкли друг к другу. Сначала только узнавали понемножку. А теперь муж и жена.

– Аа.

– Уж не думаешь ли ты, что я её извратил?!

– Нет же.

– Это ты у нас по части малолеток!

– Аэлитка вообще-то припаздывала даже. И я тоже, бракованный был, не популярный. Я же не виноват, что родился на несколько лет раньше.

– Я тоже. Если хочешь знать, это она меня обольстила понемногу. Я, когда встретил её, стал бежать как от чумы. Как от проклятия.

– Почему?

– Потому что понял, что это Она. Она самая. Единственная и неповторимая. Моя судьба.

– Ты фаталист что ли? Люди сходятся-расходятся.

– И я сходил-расходил. А ты допускаешь мысль, что можешь разлюбить Золотареву?

– Нет.

– И я о том же. Не знаю, как у женщин, но у нас, мужиков, сразу же понятно: стукнуло по башке, колокольчики прозвенели, всё – любовь до гроба и далее.

– Ну да.

– Я, конечно, виноват. Что припёрся тогда за Кузьмой.

– Кого?

– Калитку так звали.

– Аа.

– Взбередил её душу. Но я никогда не уверен в её любви. Женщины. Что поделаешь. Иногда мне кажется, что женщины не могут быть однолюбамии. Хотя в моей жизни было достаточно примеров... Далила не такая. Она любит какую-то там детскую книжку, кошек, еду, поспать, свои мечты, этого гребаного Искандера!

– Да любит она тебя. Я твою жену пару раз видел, и то понятно. И всем это ясно как божий день.

– Спасибо.

– За что?

– Ну, за это.

– Странный ты.

– Я много лет бегал от неё. Не выдерживал. Приезжал посмотреть. И опять бежал. Она же тогда была ребёнком. Я не мог её возжелеть. Просто это было самое дорогое, что есть в моей жизни. Именно в эту пору я стал иметь привычку забываться с другими. Женщины – мой наркотик. Называй это эдиповым комплексом, хоть как. Как вы там всё утрируете или упрощаете на людишкин манер. Да и какой мужчина устоит перед красивой женщиной?! Скажите, пожалуйста. Именно в то время, наверное, и заделал кучу детей, которых даже не знаю (смутился). Мне было всё равно. У нас есть горничные: Вероника, Ванесса, Виктория. Аэлита, наверное,

упоминала, она ведь бывала у нас дома. Так вот, это мои дочери. Кровь от крови моей.

– Бац. Приехали. Ну ты даёшь Хрисанфыч.

Он вспомнил, что Аэл действительно говорила ему, что Далила невзначай проронила, что её старшие малышки совсем не походят на неё. В отца.

– Да. Как-то и в самом деле перестарался. А всё из-за средоточия моей вселенной. Я просто не знал, куда себя девать. Любовь не помещалась во мне. Я был похож на сумасшедшего в те дни.

– У Аэлиты что-то подобное на минималках. Она тяготится бременем нашего брака.

– Ну, что я могу тебе посоветовать, уделяй ей больше внимания. Раз у неё всё это впервые, ей надо привыкнуть.

– И у меня всё, как бы, впервые. Но я не такой энтропийный, как вы.

– Что поделаешь, люди и одинаковые, они же – разные. Мне кажется, мужчине легче показать свою любовь, нежели долгому волосу. Далила терпеть не может, когда я так говорю, обвиняет в патриархате и сексизме.

В ушах Арсена прозвучали взволнованные слова Аэл.

– Хорошо, я приму это.

– Прими. И этого бывает недостаточно. Не знаю, как ты,

но меня устраивает, что я низко стелюсь перед моей богиней. Это я тебе вещаю, как будто я – маленький сталин дома. Но в реальности всё с точностью наоборот. Я далилинский паж, клоп, слуга и вообще тряпка. И я счастлив быть её тряпкой.

– Переувеличиваешь. Зная Далилу...

– Ну, она всегда выдаёт себя за жертву абьюза в твоих глазах.

– Чего? Я тут ни при чем. Что дальше-то было.

– Я ещё тогда не отошёл оттого, что случилось с матерью Айтала и Айнара. Поэтому вообще даже не хотел думать о том, чтобы завязывать с кем-то, если не серьёзные, то длительные для меня отношения. Это было табу для меня.

– А она?

– Она не знала обо мне ничего. Просто как случайный прохожий, дядя. Но, разумеется, моё тайное присутствие не могло остаться безпоследственным. Я ненавижу себя за это. За то, что поддался ей и согласился быть с ней. Если бы не я, она бы, может быть, жила совсем другой жизнью.

– Не верю. Птеровна сделала свой выбор.

– В одиннадцать у неё уже начались месячные, хотя она порядком отставала в этом плане. А потом она была, как твоя Аэлита, маялась неизвестно от чего. Ты думаешь, я сразу на неё набросился? Мы женаты всего ничего, мы поженились, когда ей было почти под тридцать. И её девственность была очень проблематичным вопросом, который мы очень долго решали. Ведь не я был её первый мужчина. Тебе везёт. Аэли-

та у тебя как праздничный подарок.

– Ну, я не виноват, что у неё такие странные принципы. Я, конечно, её тоже боготворю, но чиполлинка считает, что никто на неё и не смотрел, как на особь женского пола, кроме меня.

– Похоже. Чистота отенкая. Она не вызывает у окружающих похоти и грязных мыслей. Только любовь. Далила же – ведьма в седьмом колене. Только подавленная.

– Почему ты её так называешь? Выглядит вполне обычно.

– По одной из версий, женщины такого сорта рождаются под знаком девы. Не зодиак. Это ты у нас Дева.

– Я – весы.

– Прости, не особо разбираюсь в 12-линейном круге. Имеется ввиду, что это девственницы-одиночки в большинстве своём. Но как известно, человеческая природа терпеть не может, когда ей что-то навязывают. Поэтому, в большинстве своём, такие слетают с катушек и пускаются во все тяжкие, то есть становятся гуленами и путанами. Многомужницами, короче. Как и моя Далила.

– Я чёт не сказал бы, что она особо такая.

– На ней стоит подавление. Я думал только моё, но как оказалось, гораздо глубже. Но это уже другая история. В общем, ей если не пришлось, то хотелось пройти через много мужчин, прежде чем она вышла за меня.

– Даже не знаю, что тут сказать. Ну, мы живём в современном мире. Да и ты бегал от неё, как от чумы. Что же ей

оставалось делать.

– Вот ты всегда её покрываешь. Поэтому моя ревность усугублена. Она у меня в тысячекратном разе усугублена.

– Ой, как будто сам кырыллыбытынан уол. Многодетный отец. Даже сам не знает, сколькодетный. Так тебе и надо. Скажи спасибо, что она вообще влюбилась в тебя.

– Итак говорю. Так что не думай обо мне, как о каком-то растлителе и чудовище.

– Ты и есть растлитель. Мам своих внебрачных детей.

Агний понурил голову.

– Думаешь?

– Расслабься, бро. Коли б так было, весь наш мужской род был бы проклят во веки веков за наше кобелинство.

– А вдруг так оно и есть? (воспринимает за чистую монету).

– Ладно, расслабься и считай, что это была твоя маленькая демографическая лепта. Некоторые вот не совсем хотят стать родителями.

– Хочет-хочет твоя Аэлитка. Просто слишком маленькая ещё, не подросла. Мы вон сколько созрели с Далилушкой моей.

– Тогда считай, что другие подружки уже тогда были готовыми, так что всё пучком.

– Ну хорошо, так и буду думать сегодня.

Глава 27

Монолог Далилы

Хрисанф любит меня, как тот чувак с жидкими патлами и в очках у Тургенева. Это похоже на мои дурацкие полубульварные книжки. Вот почему он ими зачитывается взахлёб. Потому что сам такой: как художник на эмоциональном выходе, влюблённый не в человека и в реальность, а в самого себя.

Он любит любовь. И ту поэму, которую пишет своей жизнью. Когда меня не станет, он, убитый горем, будет страстно и возвышенно меня оплакивать, привлекая к себе общее внимание своими артистическими выпадами. А потом найдёт какую-нибудь очередную глупую молодницу и, плачась в её трусы, построит с ней отношения, основанные на неприкосновенности моего полусвятого имени, будет сравнивать нас и манипулировать бедным дитём. Так же, как у меня траблы с бессмертным образом Аракелы. История будет повторяться, а он будет упиваться чувствами, которые лелеет, как в колыбели, записывая один лист за другим, по сути создавая хвалебную оду самому себе. Не меня он любит. А то, что он любит кого то вообще. Или думает, что любит.

И, тем не менее, я настолько падшая, грязная женщина, что в его присутствии верю в эту дрянную сказочку и вовсе не считаю её таковой. Я также упиваюсь этой историей и готова отдать ему всё свое существо, лишь бы ему было хоро-

шо. Он говорит, что я надумываю всё своей тёмной головой, которая у меня устроена так, а не иначе, и просит не поддаваться плохому содержанию. И я верю ему и смотрю на него с широко раскрытым ртом, как и раньше. Не он любит меня. Я люблю его. Если это вообще любовь.

Монолог Агния

Всё, что она говорит про меня – горькая правда. А я, как себя помню, пичкался ею до отвала. До коликов. До тошноты и рвоты. До помутнения рассудка. А потом понял для себя, что не хочу так дальше. У каждого своя правда. Далила сама порой сидит в своём рабочем кабинете и жуёт кончик пера. Потом она, как в том мультике, после мощных раздумий для неё, вслух с чувством произносит: "Нет, не так, по-другому должно быть". Сила писателей. Сила творца. И я согласился. Я поверил в это и в неё. У каждого своя правда и свои истории. И их тысячи мириад, даже если они друг на друга похожи, как капли воды. Если бы я был каплей в океане, я всё равно желал бы найти её и слиться воедино. Это как дурная пьеса. Но что поделаешь, это всё на что я способен. Всё что могу дать ей. Самого себя. Такого как есть. С моими жиденькими любовными потугами. Со стороны виднее. "Кто-то зовёт это плевочками, а для кого-то это жемчужины и звёзды". Я думал также. Пока не встретил её. И что с того, что я люблю её, как себя? Ведь я себя ненавидел. Именно, благодаря ей, я стал более-менее гармоничным. Разве это не

дорогого стоит? Может, она и никогда меня не полюбит и будет считать, что разбил её хрупкую жизнь. Но я всё равно любил и буду любить её, несмотря на ту всю боль, которую мы причиняем друг другу. И никакая сила не сможет уничтожить мои чувства к ней, никогда. Хотя бы это я могу сказать с точностью.

Монолог Калиты

Ну что вы пристали к Кузьке? Ничего не знаю. И знать не хочу. Задолбали. Это просто бесконечная мыльная сказка про белого бычка. Знаете такие потешки: одно и то же. Просто настоящие король и королева драмы. Тьфу! Ну, конечно, эти идиоты любят друг друга. И вечно подначивают друг дружку, потом сами же страдают. Слава Богу, я давно отошёл от этого глупого пути двоих. Человек рождается один и уходит один. А вся эта легенда о половинках исходит от слабаков, которые сидят на наркотиках, лишь бы чудовище одиночества не поглотило их однажды ночью. Тюфяки! Хрисанф не такой. Да и Далила не такая. Ну не знаю. Не имею аналогичного опыта. Могу лишь предположить, что любовь – самая глупая штука в мире. А глупость не лечится. Зато она вертит колесницу жизни, являясь единственным действующим перпетуум мобиле.

Монолог Арсена

А я тут каким боком? Я столько не жил, чтобы выводить

всякие аксиомы. Жалкая толстуха (только не говорите Хрисанделю, а то он кокнет меня, или в лучшем случае, слушай пятичасовую моральную лекцию) и гребаный старый хрыч. По-моему, они стоят друг друга. Каждой твари по паре. Закон природы.

Монолог Аэлиты

Тётушка очень своенравная. Это, конечно, тяжело для мужчины с консервативными устоями, который старается это поменять в себе. Но вы не накидывайтесь скопом на дядюшку Хрисанфия! Он, в общем-то, неплохой такой человек, даже прикольный. Просто у него не было мамы и папы. У кого он мог учиться? И у него отшибло память. Есть некоторые, которые охотятся за артефактами, встроенными в него. Много-много лет он жил, как испуганный нежелательный зверь. Потом он встретил Сарданку и его сердце смягчилось. Если это убивает нас, потому что мы становимся слабее, то почему любовь вообще существует на свете? Не отвечай вопросом на вопрос? Ну, тогда, короче говоря, я понимаю его. Мне кажется, одинокие создания тоже имеют право на личное счастье. И знаете, как он это оценил? Многие бы не заметили своего счастья в полноводье повседневности. А он заметил. Так что не судите и не будете судимы. Насчёт Лил сомнений нет. Она же женщина. Женщина всегда любит того, кто её заметил.

Монолог Искандера

Я люблю Далилу. Если Хрисанф испытывает какие-то сомнения, то я ни в коем случае. Загвоздка лишь в ней. Если сердце женщины и в самом деле изменчиво, как погода, то я буду ждать сколько угодно в ожидании весны, которая повернётся ко мне.

Монолог Айтала

Папа суховат, но тётушка – само очарование. Он не мог такое пропустить. И лишь она, я верю, может владеть сердцем моего отца, не причиняя того вреда, какой ему могли и могут нанести другие. Они созданы друг для друга.

Монолог Айнара

Ненавижу их всех, что мочи моей нет!

Монолог Инги

Александр Птерович хочет стать моим приемным. И хочет, чтобы его жена стала мне приёмной. Мне даже трудно говорить так много слов. У меня есть своя семья. Но я хочу сказать спасибо им. Теперь я могу есть побольше и спать в собственной комнате.

Монолог Виктории

Хозяин сказал, чтоб я собирала вещички. А я не могу сказать ему, что хочу остаться здесь горничной. Раньше я так

не думала. Я бы с криком уехала в другую страну. А теперь, меня, уже зрелую для модельного бизнеса, берут в неплохое агентство, благодаря связям Кирсанова. Я – старшая среди девочек. И как я могу сказать им, что бросаю их? И как я могу сказать моему работодателю и благодетелю, что не хочу больше носить красивые одежды и купаться в больших деньгах? Я просто хочу заботиться об этом доме и живущих в нём. Глупая, да.

Монолог Вероники

Такие вещи поймёт только тот, кто любит. У любви нет границ и нет кодекса, она универсальна. Так говорит Хрисанф, так считаю и я. Ведь я тоже люблю! Может ли совсем юная девушка так утверждать? Не знаю. У любви нет возраста, нет опытных. Есть только безграничная нежность.

Монолог Ванессы

Есть вероятность, что права хозяйка... Но я больше за сторону Александра. Он умеет объяснять понятия. Сеньорита только сердится, когда не может справиться со своими чувствами. Она очень избалованная и капризная. Клянётся, что никто её так не воспитывал, а сама верёвки вьет из своего супруга. Нет, она мне нравится. Она всем нравится в этом доме, иначе бы мы здесь не жили. Но если любовь – такая странная штука, то мне лучше перебраться в лагерь Калиты, или строить своё царство-государство. Немного жаль.

Ведь я нашла его, своего отца. Но я никогда не скажу ему, что узнала его. Пускай живёт спокойно.

Глава 28

Далила и не подозревала утром, что сегодня произойдёт столько всего.

Она решила слегка улизнуть от своих материнских обязанностей и решила наведаться на работу. Хотя в институт она ходила, мягко сказать, редкими пятнашками на спине леопарда: хочет – пойдёт, нет – Хрисанф прикроет. Бывало даже так, что она не объявлялась на большие лекции в большой лекционной для нескольких отделений и даже с слушателями из сторонних факультетов, потому что, дико в этом признаться, тупо проспала.

Поэтому многие студенты даже чуток обрадовались, что экзамен по биофилософии в конце полугодия будет принимать профессор Кирсанов, а не госпожа.

"Далила Птеровна часто даёт письменное задание, а то вообще ставит оценку по итогам курсовой. Есть мнение, что при проставлении отметок она руководствуется не столь знаниями экзаменуемого, сколь собственными симпатиями, или ещё проще, исходя из принципа: прилежным – хорошо, пропускающим и непримерным – плохо. Тоска зелёная! Так наш универ никогда не продвинется и не выйдет на международный уровень. Почему ректорат назначил её в качестве ведущего преподавателя по этой дисциплине? Многие ведут го-

раздо лучше её, а Александр Птерович вообще! Его обзоры и практикумы приходят слушать и смотреть даже уже работающие люди, говорят, некоторые готовы заплатить, чтобы попасть на его лекции. КДП только и знает, что делает из нас дураков. Вот Карине из второй подгруппы вечно ставит пятёрочки только потому, что у неё хороший почерк. Мы анонимно пробовали подать жалобу на неё, но ей опять всё сошло с рук. Наверное, доктор Кирсанов слишком дорожит своей родственницей, так как у них маленькая семья и всячески поддерживает её. Да, и на умных бывает трещинка. Сначала она вроде старается, кидает затравку, заинтересовывает, потом просит конспекты, поверхностно следит за рейтингом, и, видимо, итоги выводит по рандому. Не то чтобы проваливает, но после по корке не поймёшь, кто действительно хорошо изучил философию биологии, а у кого просто опечатка".

Хрисанф обучил её основам данной науки путём конъюгации, что-то от себя, что-то от книг, что-то она сама отыскала, а то и придумала, но муж буквально махнул на неё рукой, потому что Далила входила в число тех, у которых через одно ухо входит, через другое выходит. Тут любые методы бессильны, если мозг, как решето.

Её супруг промажек и поблажек не делает, но и он пары обычно старается не ставить. Получить "три" по его курсам – это обида и боль. Либо студент вообще отсутствовал и выбрал не ту сферу, либо абсолютный ноль. Ведь Птерович так

хорошо учит. Однако те экземпляры, кои у него провалились и пошли на пересдачу, потом начинали кумекать в предмете куда лучше многих. Такие дела. И не используя свои "уникальные" способности, Хрисанф может прокачать любого оболтуса, лентяя, хулигана и попросту тупилу.

А всё моя барышня. Мои педагогические зёрна раскрыла именно она. Поэтому я ей настоятельно советую, хотя бы раз в месяц, проводить коуч для нуждающихся, но перстень моего сердца не заморачивается по поводу образования человечества. Не то чтобы я торчу от науки и педагогики, но это то, что у меня хорошо получается.

Агний ещё до зимы нередко заменял жену, так как в то время она была беременна, много спала, уставала, капризничала и так далее, поэтому этот курс вполне привык к нему и был, в принципе, готов к устному экзамену. Уже рано утром Хрисанф подготовил аватара, но поскольку это было ответственно (ведь он несёт ответственность за Далилу), он решил присутствовать самолично, то есть в кабинете рядом и контролировать ситуацию.

Прошёл уже час (студентов было много) и он понемногу стал скучать по семье и дому, как вдруг заметил через маленькое окно своего укрытия кусочек коридора, а в нём жену, которая заглянула в аудиторию так, как обычно всовы-

вают голову в дверь мальчишки из другого класса: озорно налево-направо, чуть ли не высунув язык от удовольствия и собственной неприкосновенности.

Далила? Что ты здесь делаешь? Вчера же сказала, что не пойдёшь работать. Чыычаах. Ах, я готов выскочить отсюда и убежать вместе с тобой на край света!

Исчезла. Терпи, козак, ещё немного.

Он принял ещё пятерых студентов и в том же куске коридора заметил знакомую тень.

Его аватар затормозил и застыл взглядом на одной точке. Один паренёк как раз отвечал на заковыристый вопрос, и ему надо было помогать наводящими, но далее наступила тишина.

Агния как будто поразило молнией в его будке.

Почему я не могу убить свою ревность, как Далила? Просто, как снять ненужную лишнюю одежду?

Но он уже видел, как затряслись его пальцы.

Сейчас он пойдёт к ректору. И изъявит свое желание видеть мою жену, чтобы сделать ей интересное предложение. А она, как раз, по чудесным обстоятельствам, окажется на месте. Разумеется, она не откажется пойти на встречу с извест-

ным гостем. Увидев его, она потупит взгляд, налетит на стол или кресло, жутко покраснеет, покроется потом и, сев, то и дело будет любоваться этим ублюдком! А он ещё очки надел для пущей важности. И пиджак с налокотниками и вельветовые штаны. Гребаный хипстер. А Далила будет созерцать его здоровую загорелую кожу, любоваться его крепкими мускулами, широкой костью и мечтать о том моменте, когда они останутся одни! (это предложение, начиная с минимума улетает экспрессивно на максимум).

Хрисанф резко поднялся и вырубил аватар. Вышел из кабинета и направился в сторону недоуменной аудитории. Ещё большая половина присутствующих готовилась к сдаче.

Потекли разные мысли от разных людей.

"Профессор...

Он отключил аватар.

Он без маски...

Он так просто одет.

Обычно он бывает в непробиваемых костюмах, как человек в футляре, в хорошем смысле этого слова. Чтобы одежда скрывала в нём человека, шифровала.

Ах, Александр Птерович, неужели он такой красавчик!

В этой светлой рваной футболке и джинсах он выглядит весьма молодо.

Странный доктор, непонятного возраста.

Что с ним?

Что-то случилось?

Я никогда не видела его чем-то взволнованным.

Да он просто само совершенство, или у меня что-то с зрением из-за перенагрузок котелка.

Почему он всегда старается скрывать себя?

Зачем скрывать всё это?

Непохоже, что у него непереносимость некоторых компонентов воздуха или аллергия.

– Ребята...

Небольшой ответный гул.

– Ребята, мне нужно срочно идти. Обед за мой счёт в столовой, всем оставшимся – по четвёрке, кто против – тому отлично.

Гул увеличился, но Хрисанф уже не слышал, потому что пулей вылетел из зала.

Глава 29

Далила почти была возле дверей своего кабинета, как её нагнал Костя.

– Привет! Как дела пока не родила!

Она хмыкнула про себя: давно это уже было.

– Привет, Коська.

– Слушай! Я к тебе с радостными вестями. Мою работу одобрили и выдали грант! Думаю, для начала я слетаю на юга, а потом три года можно и помусолить.

– Рада за тебя.

Далила потянулась к ручке, но Григорьев заслонил вход, загадочно поглядывая на неё сквозь очки с блестящей оправой.

– Слушай! У меня есть отличная идея! Почему бы нам не поехать вместе? Убежать на пару недель от зимы!

Чегоо? Что с ним не так. Он что, пьян?

Далила недоуменно посмотрела на коллегу.

– Я вообще-то спешу. Только кое-какие бумаги взять пришла и обратно.

– К чему спешки? У тебя же не дети малые. Пошли в буфет, отметим! Или вечером дальше программу придумаем культурную. Как взрослые люди. Для начала в ресторан. А потом ещё в город приехала опера!

Терпеть не могу оперу. То есть могу. Но это для меня как ненавязчивая позитивная комедия. Даже думать об этом смешно.

– Ну вот, ты улыбаешься! Значит, по рукам?!

– Что по рукам? Ах это? Ты вообще о чём, прости, я не догоняю.

Константин удобнее устроился на её дверях, видимо, забыв об их прямом предназначении.

– Что же ты, Далилка... Я же чувства твои проверяю.

– Аа?

– Ты мне нравишься.

– Да пошёл ты!

Она ужасно смутилась. Вот чего она не ожидала с утра от этого зануды и всезнайки. Конечно, не обязательно было так бурно реагировать. Но он застал меня врасплох!

– Хе-хе.

– Костя, извини, но мы кажется не поняли друг друга.

– Хе-хе. Я-то понял. Конечно, ты немного старше. Но я не против. Опыт – это здорово! Ты не думай, что я из-за твоего брата втираюсь к тебе в доверие. Я его очень уважаю, но он тут ни при чём.

– Да ты что.

– А ты – горячая штучка да? Я так и думал, когда читал твои книжки. В них оказывается столько мэри-сюю. Знаешь, это возбуждает.

Григорьев внезапно наклонился к ней (ввиду небольшого

росту Далилы) и чмокнул в губы.

Она была просто потрясена этой выходкой, что буквально остолбенела. Костя, засчитав это как знак согласия, обвинил её своей рукой, как змея, и присосался к ней влажным лапающим поцелуем.

Сначала, на мгновение, в ней проснулся ниндзя, что с ударом с разворота, хотя она и не смогла бы так сделать в реальности. Ей было гадко и противно ощущать на себе чужую кожу, прикосновение его прыщей и угрей (в общем-то, не так уж и много), отрастающая колющая щетина, врезающийся в щеки металл очков, вкус слюны, вкус освежающей жвачки, запах мужского парфюма, геля для душа, дезодоранта, пота, мускуса, похоти и жареного риса. Ей показалось, что его язык заразил её множеством паразитов и что они похожи на двух слизней в тайной листве затемненного брошенного сада.

Во вторую секунду её поразила мрачная меланхолия.

Как ты смеешь считать его уродом и неприятной личностью, когда сама далеко не ушла? Скажи спасибо, что на тебя вообще обратили внимание. Пусть, чтобы приблизиться к великому господину Кирсанову. Пусть из-за корысти. Опустились до твоего уровня. Снизостили до твоего тела. Разве вы не стоите друг друга? Скажи ему спасибо...

Кабинет Далилы был в дальнем глухом верхнем крыле, так что в это время здесь никого не было. Не прошло и трёх минут, как Коська дотронулся её груди и стал сжимать её, как грушу для клизмы, или старинный автомобильный клаксон.

Она всхлипнула от жалости к себе (что могло быть расценено партнёром иначе) и в тот же момент Григорьев летел верх тормашками по глубине каменного коридора.

– Агний?!

– Крошка.

Он взял её за руку и повёл прочь от злостного места.

Она шла, опираясь на него и стараясь не думать о том, почему он её не убил. Они миновали этаж и пошли в сторону лифта, наверное, вниз, чтобы поехать домой.

– Агний.

– Да, любовь моя.

– Тише. Люди услышат.

Он промолчал.

– Агний.

– Я не сержусь на тебя, детка. Хотя не смогу прикасаться к тебе несколько дней. Пока его дух не выветрится из тебя.

– Агний, я...

– Я понимаю. Я вижу, как тебе было противно. Он сделал это насильно.

– Ты...

– Нет. Пускай подавится своим грантом и отдохнёт на море. Больше он к тебе не ползет.

– Ты был прав.

– К сожалению.

Как я могу ревновать к этой букашке, когда здесь рядом ходит опасность в разы серьёзнее. А ты Далила как будто всё нарочно делаешь! Хотя ты и не была виновата, почему у тебя не хватило гордости влепить ему пощёчину и обозвать вонючкой. Спокойнее, Хрисанф, не показывай ей своё волнение.

Глава 30

– Александр!

– Самуил Виссарионович.

Директор вынырнул из директорской, как будто только и делал там, что ждал Кирсанова. Далила внутри была мокрой от слёз, и понимая, что беседа с администрацией продлится чуть дольше светской, отпустила руку мужа.

– Я пойду в дамскую комнату.

– Хорошо.

Но не налети, пожалуйста, где-нибудь по пути на ещё какой-нибудь празднующийся член.

Он цокнул, провожая взглядом супругу, в неудовольствии от задерживающего его служебного разговора.

– Слышал, вы распустили всех с экзамена по философии биологии.

– Не всех.

– Забудьте! Где наша не пропадала.

Моя вот пропадает время от времени, и ты сейчас очень некстати.

– Кстати, я хотел поговорить о Далиле Птеровне, раз выпал мне счастливый случай поймать вас сегодня.

–???

Хрисанф не хотел конъюгировать по мелочам, к тому же сейчас был слишком взбудоражен другим.

– Да, мой дорогой.

– В чём дело?

Ректор животом, спиной и всем корпусом аккуратно заходил ходуном, как большая дрожанковая масса (однако жен-

щинам это весьма нравилось).

– Ох, вы всегда такой прямолинейный, конкретный человек!

– Я спешу. Или, говорите, или потом обсудим.

Самуил Виссарионович жестом сделал приглашение в свой кабинет, намекая, что без интимности не обойдётся.

– Всё пройдёт быстро и гладко! К тому же у меня назначена встреча с одним важным посетителем с минуты на минуту!

– Нет уж увольте.

– У меня есть коньяк!

– А у меня вино в погребе.

Жилка нетерпения у Хрисанфа натянулась до предела и почти звенела арфой.

Надо уводить Далилу отсюда, пока не появился этот южный принц. Гребаный упырь, пользуется телепортом, как велосипедом: среди бела дня гоняет! Или перед моей душой выделяется, или ему таперача лень ходить на своих. Спецом сюда намылился, чтоб в общественном месте беспрепятственно возыметь к ней доступ.

– Александр. Вы в курсе, что я вас очень уважаю, ценю. Вы – бесценный кадр в нашем храме знаний!

– Да тот ещё кадр.

Директор, рассыпаясь в громогласном смехе, покачал указательным пальцем, но после серьёзно, практически без того показного чувства юмора добавил.

– Но не Далила Птеровна.

– Так.

– Кумовство... Понимаете, ням-ням, у нас в науке дело неблагодарное. Бесплодное, так сказать. В нашей стране, в нашем регионе это лежит в глубине менталитета, понимаю! Но мы же с вами интеллигентные люди.

– Что ты хочешь этим сказать? (смотрит искоса)

– То, что доктору Кирсановой не место среди нашего дружного коллектива.

– Вот как.

– Может, ей там, стать домохозяйкой? Сейчас многие женщины нашли своё счастье в домоуправлении.

– Она и так хозяйка дома.

– Вот и прекрасно, голубчик!

– Я тебе не голубчик.

– Между прочим, я тебе, раз мы на ты, не своё личное мнение выражаю, а общее. Ты знаешь, что мы не раз получали на неё докладные от коллег и жалобы от студентов.

– Фиговые вы коллеги, как я погляжу.

– Что? Что сказал?

– Далила сто раз предоставляла тебе свою диссертацию. И каждый раз – отказ. Даже обложки не открывал.

– А зачем мне её открывать? То, что там всё плохо, может увидеть блоха с Антарктиды.

– В таком случае, я отправлю её работу в международную ассоциацию.

Дир не хотел портить отношения со светлой головой, можно сказать, с самым топом из топов их альма-матер. Тем более, с тем, у кого собственный бизнес, доходы, кого могут с руками и ногами оторвать в любой НИИ, того, кто, так сказать, сделал им одолжение, снизошел до обывателей, уже долго и плодотворно работая здесь. Но этот волчонок напрашивается! Сам провоцирует!

– Что ж. Вы можете, конечно. С вашими связями. Но поймите одно: вы просто купите ей очередную корку.

Хрисанф даже немного отвлёкся от мрачных мыслей об Искандере.

– Чёртов проныра! Ишь как заговорил. Не ты ли тут выращиваешь армию оплаченных специалистов. Из-за тебя диссертацию Татьяны Борисовны продали тому платнику! А она над ней десять лет корпела!

Самуил Виссарионович покраснел как рак, потом побледнел как зрелая поганка.

– О чём ты, о чём ты? Я спешу, мой дорогой.

Но Агний был по ту сторону чашки терпения.

– Что-то ты рано постарел, как я погляжу. И читать разучился и где подписи ставить не видишь. Если тебе так лень стало, уходи на пенсию, домохозяин. Я выставляю свою кандидатуру в правлении.

Это был уже непростительный шок для почти-экс-директора. Он пошатнулся. Кирсанов никогда не выказывал карьерных амбиций. Его интересовала только наука и преподавание, ему просто нужна была площадка для взращивания творческих идей.

Хитрый лис. Явил истинную сущность! Конечно, его возьмут с распростертыми объятиями да ещё в ножки поклонятся.

– Стой где стоишь. Вдох-выдох. Не надо крокодиловую микроинсультom выбивать. Не стоит того.

Самуил послушно глотнул спёртого душного воздуха. В это время из-за угла появилась Далила, которая, не дождав-шись мужа возле гардероба, вернулась за ним на верхние этажи.

– Александр...

– Уже иду, детка!

Теперь апноэ чуть не достигло её. Она готова была про-

валиться насквозь через всю высотку, и далее через в ад, в другие миры. К директору же вернулась подвижность суставов и тот невольно зачавкал челюстью.

Далила машинально повернулась на 180 градусов и побежала в сторону лифта. Агний схватил её за подол платья, дёрнул к себе, так что она, как фигуристка вернулась к нему бумерангом с тремя оборотами вокруг своей оси. В эту же секунду Хрисанф поцеловал её, не совсем по-родственному.

Прохожие собирали подбородки, сталкивались друг с другом и о стены, роняли очки, учебники, тетради, один студент, ждавший головомойку за то, что лазил в окно общаги с пивом, успел снять Кирсановых на камеру.

Далила оттолкнула его и устремились к боковой винтовой лестнице, потому что из лифта только что вылезла уйма коллег и аспирантов. Агний за ней, забыв о незадачливом боссе.

– Далила, подожди!

Ответа нет.

Тут было малолюдно. Очень медленно поднималась одна 75-летняя Прасковья Тимофеевна, лаборант из криобиологического отдела.

– Далила, не будь такой.

Ответа нет.

Он настиг её в одном из завитков.

– Перестань вести себя, как ребёнок.

Ответа нет.

Она закрыла лицо ладонями, вжавшись спиной в перила.

Дальше – только вниз головой.

– Сотри им всем память.

– Нет.

– Я сказала Сотри.

– Зачем? Людям всё равно.

– Тогда вытолкни меня отсюда.

Он притянул её к себе: как бы и в самом деле не выпала.

Она вытолкнула бы его (слишком была тесная лестница), но бежать уже было некуда.

– Агний, ты мстишь мне за Коську?

– Нет же.

– Что тебе сказал ректор?

– Ничего особенного, как всегда. Поцелуй меня, а?

Ответа нет.

– Как можно столько времени проводить в институте, и не разу не испытать романтики?

Ответа нет.

– Поцелуй меня, или я займусь этим с тобой прямо здесь!

Прасковья Тимофеевна как раз обходила их, кусая плоские губы.

– Идите в препараторскую.

Далила смогла-таки освободиться из объятий супруга и, сама не веря своей скорости, чуть ли не кубарем полетела вниз по ступенькам. Через два круга, ноги её поскользнулись и она ужасно испугалась, что сейчас упадёт и сломает позвоночник или таз. В общем, так бы и произошло с её неловкостью, но она упала на что-то мягкое и тёплое.

Искандер успел к её падению и предотвратил его, успев телепортироваться, увидев их погоню через воздушный столб.

– Искандер?

– Привет, малышка! А теперь пока! Я должен исчезнуть, пока Хрисанф не зарубил нас.

Она очутилась на лестнице в распластанном платье в виде человека, прилегшего отдыхать.

Некоторые, кто видел, как она сорвалась, тоже испугались, что женщина свернёт себе шею или сломает ноги. Но время как будто замедлилось перед ней и устроило подушечное приземление.

– Агний?

– Пошли уже домой, Алиса, хватит с тебя приключений на сегодня.

Он поднял её на руки и вынес из здания.

Глава 31

При возвращении домой Далила ушла в одну маленькую комнату для сержения (для сердитых) и заперлась там. На самом деле, должен был сердиться Хрисанф, поскольку жена дважды провинилась за день, причём серьёзно, и была поймана с поличным. Она и сама так бы считала, если бы не финт, выкинутый им у всех на глазах, поэтому действительно сильно расстроилась и даже не могла заикнуться на собственных поступках.

Агний пытался к ней тихонько стучаться в дверь, но безрезультатно. Он немного боялся, что она соберёт малость своих вещей и уедет к своим родным, оставив его одного расхлебывать всё, что с ними произошло. Но с другой стороны и его ломоть гордости не позволил ему разломать перегородку между ними и вызвать её на дуэль напрямую.

Пускай подумает. Провинилась она, а в конечном итоге прощения должен просить я. Ты слишком ей потакаешь.

И ушёл в мастерскую.

Далила то плакала, то делала минутные вылазки в туа-

лет, или к детям. Горничные, завидев, что "горячая парочка" разошлась по углам, решили не путаться под ногами и схоронились от гнева хозяев, могущего сразить их шальной пулей, в детской. Правда, девушки приготовили и сложили в холодильник много любимой еды хозяйки, но она на этот раз, к блюдам не притронулась вообще.

Ночью Хрисанф обнаружил, что все его дети так и заснули в общей комнате, никто не уехал к себе и вид даже у спящих был тревожный и усталый. Он проверил работу питомника и состояние эмбрионов, потом по очереди поцеловал старших малышей, которые даже во сне брыкались, как бычки или лошадки.

Такие сильные.

Затем он принёс дополнительные пледы и осторожно прикрыл старших девочек: одна свернулась калачиком на диване, другая расположилась прямо на домотканом коврикe, а третью вырубилo на большом высоком подоконнике.

Беспокоятся о моей занозе. А ей там хоть бы хны, что люди тут в дискомфорте от её поведения.

Кирсанов недолго посидел на кухне, но не смог допить свой крепкий чай с молоком. Затем, обнаружив, что супруга не ела, не утерпел и побрел на верхний этаж.

– Далила...

Ответа нет.

– Хватит дуться.

Ответа нет.

– Ну прости меня.

Ответа нет.

Он толкнул дверь и та открылась: не заперто. Внутри только слабое освещение, поступающее из-за незашторенного окна.

– Ты спишь?

Она и в самом деле спала, но лицо её не было ничуть отдохнувшим. От кончиков век до висков кожа засохла от солёных подтеков.

Он лёг рядом, но не хотел будить её. Но в этой комнате кровать была небольшая (ведь это была комната для специального одиночества), поэтому понемногу его тело скатилось к ней, и, не выдержав, он обнял её. Далила встрепенулась во сне и перевернулась на другой бок.

– Любимая.

– Я сплю.

– Спи, моя драгоценная.

Утром она несколько отошла от вчерашних своих накруток и, посмотрев на спящего мужа, решила перебраться в спальню: там всё-таки удобнее спать.

Отосплюсь, может, что-нибудь придумаю.

Она редко вставала раньше него, да и Агний, услышав её пробуждение, не открывал глаз, чтобы проследить её самочувствие, будучи не выброшенным из окна куда подальше.

Когда жена, поправляя сбившиеся волосы, подошла к дверям, он осторожно произнёс.

– Далила, я тоже сержусь вообще-то.

– Плевать. Я ухожу.

– Не разговаривай со мной так.

– Каков привет – таков и ответ.

Она схватилась за ручку, но он уже стоял рядом.

– Не уходи так.

– Как?

– Смотря на меня как на врага народа.

– Тогда сотри всем память.

– Нет.

– Что нет? Ты унижил меня как только мог при всех! И это твой ответ?

– Я не унижал тебя. Я же твой муж.

– Все видели меня.

– Ну и что. У людей есть глаза.

– И теперь все будут смеяться над нами.

– Никто не будет смеяться, глупенькая. Никого это интересует. У людей своя жизнь.

– Вызови Калиту, пускай поможет.

– Нет.

– Что нет?! Что ты заладил одно и то же, как попугай? Или я больше никогда туда не пойду.

– Ты ведёшь себя, как детсадовец.

– А ты – как эгоист! Кто-то тебе не угодил и ты сорвался на мне.

Агний вздохнул и вытянул вперёд и вниз руки со скрещенными друг с другом пальцами.

– Это частично правда. Кроме того, я был немного не себе из-за присутствия сама-знаешь-кого. Я видел его во время экзаменов.

– Так. Поэтому ты решил во всеуслышание опустить меня на глазах у всех?!

– С тобой разговаривать, как!

Хрисанф постучал по дереву.

– Кто тебя опускал?! Я просто был тем, кем являюсь, а не тем, как про нас думают! Мне надоела эта пузырьная фальшь! Вечно держать себя в руках, ходить как по минам!

– Это работа! Деловая среда!

– Ну и что! Никто же не подстраивается там под чужие сплетни!

– Из-за твоей необдуманной, эгоистичной, дурацкой выходки люди будут думать плохо обо мне!

– Кто? Кто будет думать о тебе плохо? Укажи на этого человека!

Они стали весьма ощутимо орать друг на друга, и хотя дом был большой, была вероятность, что их услышат другие присутствующие.

– Все, все! Все будут думать! Далила встречается с Кирсановым!

– Господи, прости! Мы и так встречаемся, мы живём вместе, если ты забыла!

– Они будут думать, как он такой-растакой встречается с такой-сякой!

Она крикнула это ему в лицо и заплакала от злости. Он ужасно испугался (как всегда бывало с ним в такие моменты) и притянул к себе.

– Всё-всё. Прости меня. Ладно? Ну что мне для тебя сделать?

– Сотри им всем память.

Силы её покинули, поэтому она просто топила слезами его грудь. Он крепче прижал её к себе и не знал, что сказать больше, чтобы не сделать ещё хуже.

Она вскоре утихла, но потом, сославшись на головную боль, ушла от него в спальню.

Далила проснулась вечером и обнаружила, что её организм обезвожен и проголодался. Если бы они не были в ссоре, он бы принёс ей трапезу прямо в постель, или бы вытурил её отсюда прямо на кухню, где бы на её глазах приготовил какое-нибудь интересное блюдо.

В эту минуту Хрисанф вошёл в спальню.

– Проснулась, соня. Хочешь кушать? Я испеку вкусные блины?

– Ну... Давай.

Война войной, а обед вовремя.

Она поплелась за ним в столовую и наблюдала, как он наскоро соединил муку, яйца, молоко, взбил тесто и вот уже на сковороде зарумянился сытный толстый блин, на золотистую поверхность которой муж положил кусочек сливочного масла. Агний быстро окружил место вокруг её части стола вареньем, икрой, сметаной, моментально нарезал салат из овощей, колбасу, сыр, лук и ещё другие компоненты, чтобы она по вкусу могла заворачивать их в свои блинчики.

– И себе тоже.

Хрисанф не заставил ждать, и через несколько минут сидел напротив и уплетал с ней на пару весьма поздний завтрак.

– Как дети?

- Уже спят.
- А Виктория, Вероника, Ванесса?
- Сегодня ложились в своих комнатах.
- А вчера?
- Вчера все скопом спали в большой детской.

Далила хмыкнула.

- На то и детская.
- Не иронизируй, тебе не идёт.
- Что хочу, то и делаю.
- Молодец, возьми с полки пирожок.
- Что-то не вижу. Здесь другие мучные изделия.

Агний осторожно засмеялся, чуть что готовясь подавить смешок.

- Хочешь, приготовлю. Только без дрожжей. Чтоб быстрее.
- Нет, спасибо.
- Вкусно?
- Ага.
- Сытно?
- Да.

Она встала и пошла в туалет. Когда возвращалась, чтобы пройти мимо в спальню, Хрисанф позвал её.

- Пойдём со мной, я покажу тебе кое-что.

- Я иду спать. Уже поздно.
- Это не займёт много времени.

Далила нехотя последовала за ним. Она всё ещё была не в духе, но ночью акустика была лучше и лишний раз кричать ей уже не хотелось.

- Он привёл её в лабораторию.
- Ну?
- Иди сюда. Поближе.
- Что это?
- Анализы. Я прохожу ежегодный профосмотр.

В пробирки с синей жидкостью шла автоматическая подача реактива, и содержимое окрашивалось в жёлтый цвет.

- Ну и?
- У меня есть антитела ко многим болезням, поэтому происходит такая реакция.

Она это знала. Он сказал, что это для медосмотра, но, скорее всего, перепроверяется, чтобы опять стать донором антител. Хрисанф регулярно сдавал всё, что можно сдать, если потребуется, да и в клиниках прямо тряслись от ликования, завидев его. После получения его донорских пожертвований больные, буквально, вились волчком от энергии и успешно выздоравливали, считая при этом очень тяжело больных. Да-

лила не очень поощряла эту его благотворительность, но её супруг объяснял это тем, что у него давление поднимается и чувствует себя неважно, если не будет заниматься этим.

– Я в курсе.

– Благодаря такому устройству, у меня хороший иммунитет и отличное здоровье. Не знаю, отчего у меня так. Но из-за этих факторов, я подвержен старению несколько иначе, чем другие. Хорошо сохраняюсь.

– Что-то ты не очень весел, говоря это.

– Из-за чего плясать, когда это предмет зависти и непонимания. И стресса для тебя.

– Я поняла, а теперь покеда.

Он остановил её, и взяв у себя кровь из вены, поместил её в маленькие прозрачные стрипы.

– Гляди.

– Это конъюгат?

– Да. Дай мне немного твоей крови.

– Нет. Я не люблю. Больно.

Она заартачилась, слегка позабыв о том, что держит позу.

– Не бойся. Я же умею делать это, не причиняя боли и неприятных ощущений. Можно с пальца, неважно, только капельку.

– Возьми с дёсен. Они у меня всегда кровоточат.

– Рот, пожалуйста, предоставь моему рту.

Хрисанф выжал, как и обещал, совсем чуть-чуть и замер над пробирками.

– Сейчас.

Жидкость с его материалом окрасилась в ярко-лазурный цвет. Агний ввёл в раствор разведенную кровь Далилы, и цвет тотчас изменился на ярко-жёлтый.

– Вот видишь.

– У меня что, гепатит?

– Нет же. Видишь реакцию?

– Такая же как и в предыдущей.

– Я хотел этим показать, что твоя грусть постепенно пройдёт и сменится радостью. Ночь длится не вечно.

Далила посмотрела на него. Муж сейчас был похож больше на учёного, чем на супруга.

– Но мне самому открылось только что кое-что.

– Что?

– Я сам, как ночь и печаль, а ты – мой день, моё солнце. Без тебя моя душа темно-синяя, глухая, мрачная и беспросветно одинокая. Но как ты упала на меня, сама же видела, всё окрасилось в золото, тепло и счастье. Мы сменяем друг друга, как день и ночь. Ты грустишь из-за меня, я радуюсь из-за тебя и наоборот.

Агний обернулся к ней и вновь превратился в ласкового и нежного.

– Запомни это. Когда ты есть в моей жизни, тогда только и я живу. Без тебя меня нет.

Он выглядит уверенным в своих словах. Решительно. Но он не обнимает меня. Хочет, чтобы я первая подошла к нему.

– Так ты выработал антитела и на меня?

– Конечно. У меня очень дружелюбный организм.

– Ну, иди ко мне тогда, сцепляночка ты моя.

– Это ты иди ко мне, бунтарка!

Лёд растаял.

Глава 33

После в спальне.

– Можешь идти к себе в кабинет.

– Почему?

– Я же неприкасаемая теперь.

– Как-нибудь справлюсь.

– Не надо себя насиловать.

– Какой же я на фиг муж, если не могу выполнять свои супружеские обязанности.

– Когда-то и ты постареешь. Тогда уже смешно будет, если будешь также сильно стараться.

Агний сложил свою голову на её ноги.

– Наверное, я просто стану трепетным стариком.

– Как это?

– Мы уже не сможем заниматься многими вещами, но я всегда буду относиться к тебе и к нашим отношениям трепетно.

Далила тихонько засмеялась, поглаживая его волосы.

– Это уже смешно слышать. Но приятно. Два старика, относящиеся друг к другу с трепетом!

– Круто же.

– Хи!

– Далила.

– Да.

– Ничего не хочешь мне сказать?

– Я люблю тебя.

– Я тебя тоже, детка. А ещё?

– Прости меня, что позволила случиться всей этой гадости с Коськой.

– Извинения приняты. За него не беспокойся. Я немного почистил в его голове, так что вслед за его признанием, он получает: "Да пошёл ты!" и покорственно уходит.

– С ним всё в порядке?

– Был максимально тб-шним. Но как можно послать человека, который признаётся тебе в любви? Ну ты даёшь. Бедный Коська.

- Ты конъюгировал с ним?
- Иначе бы запульнул на Марс.
- Что ты там увидел?
- То, из-за чего мне захотелось запульнуть его на Марс.

Он не хотел упоминать ей об её отвращении к чужому мужчине, к себе, её комплексах и самому лишний раз не хотелось вспоминать, как его зеницу ока безалаберно лапали, как туалетную бумагу в общем сортире.

– Не бойсь. Выдам ему ещё три гранта, но он отныне не подойдёт к тебе с аналогичными "запросами".

– Как ты?...

– Вчера связки и жилы как будто онемели.

Он не хотел ей жаловаться, но даже сейчас ему было неудобно дышать и двигаться.

– Дай я сделаю массаж.

Далила стала просто по сантиметру легко проводить пальцами по его окаменевшему телу. Это случалось и раньше, если они сильно ссорились, и особенно, если это было связано с кем-то третьим. Очень трудно ему было после этого расслабиться. Он поначалу вообще не говорил ей о своём подобном физическом состоянии, но, разумеется, это было заметно, когда живёшь в одном доме и спишь в одной постели.

– Так больно?

– Нет. Больно, когда не прикасаешься ко мне.

– Я сниму твою одежду.

Он помог ей себя раздеть.

– Ты – красивый.

– Да брось. Вовсе нет.

– Ты красивый и когда одет и голым красивый.

– Хочешь, буду так всегда ходить?

– Дурак! Перед детьми что ли.

– Аа, точно. Ну, малята не поймут, маленькие ещё. А в питомнике и сами голышата. Но Виктория и другие... Решат, что их барин вообще того.

– Не возбуждайся. Лежи. Отдыхай.

– Как это не возбуждайся. Не могу. И не пристало. Я хочу быть хорошим мужем.

– Не в том смысле! Я же всегда так говорю. Как мои родные. А ты всё никак не можешь привыкнуть. Ты как нерва на ниточке. Успокойся, дыши ровно.

Как понять это чудодействие? Далила, живительная сила, бегущая по моим сосудам. Только вчера, только недавно чувствовал себя дохляком, неживой материей, как будто всё во мне остановилось, ни вдоха ни выдоха, ни света ни радости. Таас. И казалось это навсегда. Еле шевелил губами, как будто со скрипом поворачивал голову на звуки ветра, когда вошёл в ангаре. И время остановилось, когда она спала и не

желала меня видеть. А когда заплакала, все мои внутренности оборвались, я превратился в пыль и улетел в космос.

А теперь я – лесное чистое озеро, незамутненное ни одним огорчением, не знающее ни капли гнева, только что родившееся, свежее и полное счастья. Всё вокруг существует, где-то рядом, тоже радуется, возится, но здесь я только с ней, с моей Далилой купаюсь в лучах самого нежного солнца.

Как ты можешь так легко менять моё агрегатное состояние? Из глухого камня превратить в жидкость. Из неподвижной старой мельницы, теряющей каждую секунду деревянные крылья, я становлюсь гибче ягуара, гибче стебля одуванчика.

В наших водах плавают красивые разноцветные рыбки, изумрудные лягушки и нежные розовые лотосы и кувшинки.

Я таю и млею настолько, насколько это может позволить себе мужчина.

– Ну, ладно, хорош! Ступай в свой кабинет!

– Далила. Я слишком люблю тебя.

– Молчи. Сейчас ты, как наркоман в тумане. Потом скажешь. Почему ты такой странный?

Хрисанф присел на кровати и с удовольствием зевнул.

– Не знаю. Это ты так на меня действуешь.

– Ты говорил, что тебя тошнит, когда твои женщины имеют контакт с кем-то ещё, кроме тебя.

– Меня и сейчас мутит. Но я весь против правил собственного существа.

Это правда. Агний зачастую предпочитал безобязательные полуодноразовые отношения не из-за его якобы казановского стиля, а скорее из-за того, что его однолюбие и моногамность не могли быть для него подтверждены ни обстоятельствами, ни чувствами.

Люди свободны. И вольны выбирать кого угодно. И зачем им я.

– Агний. Ты сам же поступаешь, как я в институте. Пробуешь то, что тебе не нужно. Если ты останешься со мной этой ночью после всего, что я наделала, ты просто превратишься в лужу блевотины из-за моей отравы.

Хрисанф задумался, хотя, если честно, после сеанса Далилы ни о чём высоком, сложном и далёком он не то, что не хотел думать, но просто не мог. Его переполняла гармония, простота, удобство и, если можно так выразиться, любовь ко всему, включая самого себя.

– А что прикажете делать? Повесить тебя на суку, сушиться на семи ветрах, привязать к хвосту дикой кобылы, полоскать в холоде семи рек? И что после мне останется? Оболочка и труп? Демон? Благодарю покорно! Мне нужна моя неидеальная жена. Пускай она делает мне больно. Но как я

могу запретить: любят её другие, что поделаешь. И я люблю. А раз люблю, то любимая женщина не может быть для меня противной. Что и требуется доказать.

Он одним гибким прыжком очутился возле неё.

– Ну, Агний! Это ты, что хочешь, то и делаешь.

– Кажется, мне это нравится.

– Агний, если завтра ты превратишься в мокрую тряпку, то я предупреждала.

– Да-да. Прости, что тебе достался такой слабак.

– Ты не слабак.

– Думаешь. Мм...

– Я уже ничего не думаю... Милый.

– Наконец-то, истинные проблески твоего ума.

– Ты издеваешься.

– Нет. Просто я сам хочу постараться стать лучше для тебя. Чтобы у тебя не было сомнений в моей любви.

– Таким способом?...

– Так зарождались планеты. Старый доброй способ.

Глава 34

Хрисанф по обыкновению проснулся рано и достал из тумбы одну из книжек жены.

Почитаю. Сегодня утром все планы отменяются, побуду со своей любимой.

Через час.

– Что ты, чёрт побери, делаешь?

– Проснулась, солнышко! Можешь поспать ещё, рано, только седьмой час.

– После всего этого ты читаешь мою книгу?

– Конечно. Как говорится, на закуску.

– Господи. Делать тебе нечего.

Далила проворчала и перевернулась на спину.

– Как ты?

– Наверное, я стал мазохистом. Великолепно себя чувствую. Обновлённым и полным сил!

Он отложил чтение и накрыл её тёплым одеялом.

– Хочешь что-нибудь?

– Рановато для меня что-либо хотеть.

Агний рассмеялся.

– Не об этом! Что-нибудь из еды.

– И это рановато для меня.

Хрисанф вновь взялся за книжку и открыл в том месте, где загнул уголок листа.

– Эй, как ты обращаешься с бумажным сокровищем?!

Он поспешил вложить закладку, которую сам нарисовал.

– Кто-то давил комаров с кровью на свои сказки, гнойнички от воздушной болезни и прочие козявки.

– Ээ! Это давно было!

– Я видел в прошлый раз, как ты отложила в одну статью из внутренней поверхности ногтя. Ты всегда так делаешь.

– Фу, какая гадость.

Далила несильно кинула в него одной из небольших подушек. Агний поймал и положил под голову.

– Не мешай мне. Спи. Видишь, я просвещаюсь.

Тогда она бросилась на него и стала давить своим телом.

– Ты нарочно!

– Нет, по-правдашнему! Решил освежить память! Сама же говорила, что тебя никто не читает, так что можно писать что заблагорассудится. А оказалось, что фанаты и вовсе недалеко оказались. Может, назначу Константина вице-президентом твоего фан-клуба?! Он замечательно разбирается в деталях! Ну за что ты меня бьёшь!

Далила вырвала у него книжку и спрятала под кровать.

– Не надо.

– Дай!

– Нет! Смотри на меня!

– Не буду, а то отвлекусь! Ну, дай закончить! Ты же знаешь, что я терпеть не могу так, на самом интересном месте!

– Нет! Ты намылился, потому что в тебе азарт проснулся: что же такого пишут, раз люди портятся.

– Ну, Далилушка! Пусти! Не виси на мне, ты тяжёлая!

Они ещё чутка поборолись, но потом он сдался и лёг отдыхать рядом с ней.

– Просто капризная не могу! Кто тебя так избаловал!

– Тот, кто вечно меня донимает: ты.

– Неужели я?!

– Кто ж ещё.

– Ах так!

– Так-так.

Агний мечтательно оперся о свой локоть.

– Видно, этого недостаточно.

И он решил пропустить регулярную утреннюю тренировку: это в сто раз лучше бодрит и укрепляет!

После.

– Я люблю так утром.

– Я тоже. То есть с тех пор, как ты со мной.

– Хорошая девочка.

– Айка, не говори так.

– Ладно, просто: моя хорошая.

– Ты думаешь, Григорьев надумал про меня всякое?

– Три короба с пирожками-сюрпризами.

– Я позорю тебя?

– Чем?

– Ну, тем, что пишу. Некоторые же знают про моё хобби.

– Скажешь тоже! Я этим горжусь!

– Ты и в самом деле ненормальный.

– Я возьму три книжки и поставлю их за стеклом у себя

на работе в институте.

– Да пошёл ты!

– На мгновение я ощутил себя Костей.

– Я каждого пошлю, кто будет себя по-дурачки вести!

– Он вот так тебя поцеловал?! Вот так? И у тебя покраснело возле губ и даже возле носа и подбородка!

– Ты мне всю жизнь об этом напоминать будешь?!

– Конечно, сама виновата.

Поскольку она действительно обиделась, ему пришлось обнять её, как обычно обвив своим телом, как в кокон и так полежать полчаса.

– Я же знаю, почему ты это сделала. Умом понимаю. Если бы я состоял только из ума, я бы сказал: нормальный чувак. Я бы хотел, чтобы у тебя был такой мужчина: интеллигентный, со средней зарплатой, маменькин сынок, уважает старших, книголюб, учёный, да и внешне вполне ничего, зря ты так. Просто он неженатик, нельзя же думать, что одинокие

люди нелюди какие-то. Вполне годный. Но тут (указывает на своё сердце и на её сердце) отказывается принимать. Чисто антоним всему предыдущему. Говорит, не прикасайся ни к кому кроме меня, будь только моей. Странно да. Знаешь, как правильно, как должно. А на практике, как в твоём стишке. картошка опять.

– Я бы дала тебе обещание, что больше никогда не буду вытворять такие непотребства. Но ты знаешь меня лучше меня. Лучше мне не стоит тебе врать.

– Не стоит.

– Но я всё равно буду. Я далеко не такая хорошая, как ты.

– Ну, ничего. Взятся за гуж – не говори что не дуж. Придётся мне, как следует гамбаттеновываться. Но это уже стиль моей жизни, не ново. Постараюсь.

– Можно я просто скажу, что мне больше всего нравится ни с кем-нибудь, а только с тобой.

– Можно.

– Агний!

– Что?

– Хватит этого снобизма!

– Просто я набивал себе цену, а внутри ликовал.

– Правда?

– Нет.

– Ну Агний!

– Внутри я даже боялся ликовать. Вдруг ты передумаешь.

– Я уже привыкла к тебе.

– Это комплимент или удар ниже пояса? (начинает рефлексию).

– Это вот так.

Далила слегка оторвалась от его объятий, но тут же обняла его всем телом.

– Мне не удаётся объяснить это, как ты. Мне кажется, что я чувствую всё это, что ты мне даёшь?

– Но я тоже чувствую, глупышка!

– У меня это не так прокачано, как у тебя. Может, поэтому я пишу много смешных постельных сцен.

Как объяснить это откровение? То, как доверяется тебе любимый человек. Тайну двоих. Эти маленькие осторожные шаги и за одну наивную смелость получить тысячу чудесных мгновений. Эту робость и открытость, застенчивость и требовательность. Всё без остатка. И всё целиком. Нетронутую нежность и первобытную устремленность.

Я не могу. Это невозможно выразить словами.

Но она всегда хочет поймать розовых коней за хвост и украсить ими полотно. Что ж. Мне нравятся эти позывы.

Глава 35

Агний взял себя за шкурку к одиннадцати часам, и, как Мюнгхаузен, вытащил себя из постельного гнезда. В это время Далила, как следует не спавшая утром, заснула прямо,

когда он намылился к третьему заходу.

С неё хватит, такая простая, тэбэн да кербет!

Он решил быстренько смотаться в институт, чтобы прояснить вопрос с прошлым экзаменом. Они с женой держали игнор пару дней, так что наверняка их там потеряли. В ту секунду, когда Хрисанф, разруливши (естественно) все свои дела, выходил из деканата, на него набросился, как всегда, выросший из-под земли Самуил Виссарионович.

– Профессор Кирсанов! Душенька!

– Ну чего тебе ещё Сэм.

– Александр Птерович, яхонтовый вы мой! Пожалуйте сюда, я вас чаем угощу! Как раз Маринка заварила!

Увидев, что они с экспрессией директора привлекают излишнее внимание, Агний нехотя вошёл в кабинет ректора.

– Пожалуйста сюда, на мягонькое! Марина, горяченького и нарезочку ну!

Самуил поставил ладони ребром в воздухе, совершая движения как по разделочной доске.

– Ой нет! Я очень спешу, право.

– Профессор! Любимый вы мой профессор!

– Хватит уже.

Дир присел на краешек дивана, пока его ценный кадр в его кресле пригубил чёрный чай без сахара и молока (всё-таки после Далилы, как после марафона, а то и больше АТФ).

– Александр! Сашенька! Я просто не знаю с чего начать!

– Просто говорите уже.

– Мне сообщили, что когда в правлении, ням-ням, слышали о вашем самовыдвижении...

– Ух, сороки.

– Та вообще! И вышли на вас... На тебя, родненького моего! Вы отказали!

Хрисанф лениво пробурчал.

– Наадалаах этэ.

– Ох, Птерович! Вы так бегло изъясняетесь на местном!

– Это родной язык моей жены.

– Кстати, о госпоже Кирсановой!

Агний сделал жест рукой, показывающий абсолютное нетерпение.

– Ну, дорогой мой! Я думаю, я не могу не выразить своё мнение! Тем более, когда прояснились некоторые моменты!

Странный профессор в недовольстве посмотрел в окно, где пролетел толстый снегирь.

– Ай-яй-яй! Александр Птерович! Вы же в курсе, что моя Аполлониди Гроциановна тоже старше меня? Нет, молчите,

прошу вас! Если женщина старше хотя бы на день! (экспрессивно вытягивает кончик мизинца) То это уже катастрофа! Всё! Ты под каблуком (запрокидывает глаза и артистично опрокидывается на спинку софы). Уж я-то знаю! Вот я! Вроде деловой серьёзный человек! Руководитель, так сказать. А как Гроциановна мною крутит? Кто собачку нашу, Эллу, выгулять в шесть утра?! Я. Кто какашки за ней, извиняюсь, в пальто, нагибаясь, чтобы швы трещали голова гудела? Я (сильно тычет себе в грудь). Важное заседание проходит в центре. Звонок. Апочка хочет, чтоб я гумуса натаскал на дачу в обед! И это бросив, нажав, на все дела!

Самуил Виссарионович отдышался и пустил галстук свободнее, залпом опустошил свою стопку с коньяком.

– Но на самом деле я так хоть сто лет! Можете смеяться надо мной. Вот молодой, я тоже, между прочим, был очень конкретным и упрямым, как вы!

– Вы и сейчас очень конкретный (Хрисанф расслабился).

– Было такое время: лезли все ко мне, нагнетали как могли. То не этак. То не так! Ну я тоже человек! Рассердился значит. Ухожу, говорю, в монастырь! Как в сказке. Тут Апа за меня и взялась как следует. Вытряхнула всю дурь, огрела мощно, всю мою родню подтянула! И вытолкнула вон в коридор с дипломаткой! Кто, говорит, если не ты! Иди и не сачкуй! Ну я и пошёл! И вот уже сколько лет.

– Мы любим вас, Самуил Викторович.

– Так что, Саш, мы же понимаем! Люди же. Это вы сами с Далилой Птеровной нас запутали своими редкими отчествами! Бывает! Чего не бывало.

Разумеется, дир рассыпался перед Кирсановым из-за его отказа в новой должности, но, честно говоря, ему стало яснее, почему его работник столь трепетно выгораживает её. Он искренне предполагал кумовство, а оказалось гораздо проще.

– Ну и вы меня простите за бесцеремонность.

– Александр Птерович! Мы же с вами друзья!

– Просто я выхожу из себя, когда речь заходит о моей дражайшей супруге. Даже когда хорошо говорят – на стреме, а когда критикуют – то мочи моей нет.

– Ну это...

– Да.

– Я читал её работы. Ту часть, где вы ей не помогали. Ну мы же учёные всё-таки. Я тоже доктор, между прочим, разбираюсь в почерках.

– Несомненно.

– Но, простите меня нижайше, я ни коим образом. Ни-ни! Только чисто профессионально. Это сыро. Там, куда вы хотите направить её диссертацию, возможно, другие взгляды, не буду спорить. Но здесь это, ещё раз извиняюсь, совсем как будто не то.

– Вы делаете мне больно.

– Сашенька! Голубчик! Ну хотите, я заверю, пропущу, сегодня же?!

– Нет, мой дорогой. Я хотел предложить вам другое.

– Что же, радость моя!

– У вас уже наверное был профессор Корсун?

– Искандер... Собирался, но что-то не подошёл в прошлый раз. Как раз в тот день, когда у нас тут была жара!

– Да же.

– Сам не понял. Такой мега... Мега талант! И попросил аудиенции у меня. Я просто в недоразумении!

– Корсун хочет открыть свою школу. Да, здесь, в нашем городе. И он хочет, чтобы Далила стала у них ведущим специалистом по философии биологии.

– Что????!!!

У Самуила Викторовича сразу же изменилось выражение лица. С южной экспрессии он метаморфировал в северного флегматика.

– Мироззрение поменялось?

– Это как же... Пстойте. Птерович, вы это допустите?!

– Вы верно поняли. Я его терпеть не могу. Без обиняков, Искандер влюблен в мою жену.

– Что?! Это когда... Как же так?

– Так-так.

Хрисанф поблагодарил за чай и встал.

– Прошу одобрить временный перевод, если профессор объявится вновь.

– Это как же... Нет, подождите!

– Вы же в курсе всего. Корсун очень продвинут во всём, что касается технологий. Он запросто обработает её материалы.

– Аа.

– Да не зависайте вы так. Я и сам думал, что с нами у неё ничего не проклюнется. Так что, давайте. Успехов.

Агний неспешно прошествовал к выходу, но у дверей обернулся к своему начальнику.

– И. Я вернул Татьяне Борисовна её дисс. И мне кажется, её новая статья по генетике найдёт хороший отклик. Всё-таки она – моя бэквокалистка. А как вы знаете, я – знатный кум. Мы же номер готовим для корпоратива. Виссарионыч, так что внимательнее. Салют!

Хрисанф не только вернул стыренную работу, но вменил девушке авторство своих некоторых новых открытий по генетике растений. Кроме того, узнав от Далилы, что у коллеги долг по ипотеке, закрыл все её кредиты и купил целый этаж в той новой высотке, которую подарил жене, чтобы она научилась распоряжаться недвижимостью, чтобы влаживать в свои книги. Во всё это время Далила спала.

Глава 36

Возвращаясь, Хрисанф решил что-нибудь купить по дороге домой.

Далила, наверное, проголодалась, возьму что-нибудь вкусненькое.

Он остановил машину у одного магазинчика, где продавали разнообразную свежую выпечку и сладости.

Было как раз обеденное время, поэтому пришлось занять место в очереди. Агний думал купить такой хлеб, куда вкручены мясо и сыр, для жены, кусочек пудинга для себя и яблоки, запечённые в тесте, для обоих.

Тут его кто-то довольно сильной рукой толкнул в спину.

– Дядюшка!

Уже не оборачиваясь, ему стало немного неловко, что Аэлита зовёт его так.

Ладно, если бы не Далила, хоть горшком называйте, всё равно, но теперь я с ней, и как не стараюсь, что-то не особенно торчу оттого, что она может услышать, как ко мне обращаются.

– Аа, это ты старушка. Ну как оно.

Аэл засмеялась и вынула из кармана маленький кошелёк.

– Место встречи изменить нельзя! Дядюшка, можете мне занять немного?! У меня самой Аделина одолжила как раз, когда на ночном были, а я зашла сюда, встала в очередь и

забыла, что у меня денег-то нет!

Хрисанф снисходительно хмыкнул: что и следовало ожидать от неё.

– Встань передо мной и бери что хочешь.

– Но я... Люди смотрят (громким шёпотом, поскольку в магазине громко играет праздничная музыка).

– Ну и что. Это наша булочная.

– А? А почему тогда ты стоишь тут?

Агний посмотрел на вереницу впереди с выражением "и в самом деле Почему?"

Он отошел в сторону и поманил ладонью одного парня в ровном чистом фартуке.

– Алгыстаан. Можно мне...

Он перечислил, что ему нужно и ещё раз перебрал в уме, всё ли верно, потом поставил перед продавцом Золотареву, и тот записал в блокноте, что ей нужна бутылка сидро и кровяная колбаса (хаан) (там продавали и другие блюда).

Работник не заставил себя ждать и уже через несколько минут вручил Кирсанову и её спутнице бумажные пакеты со снедью. Вообще-то, они, разумеется, видели, что пришёл хозяин, и были вполне готовы его обслужить, примерно зная его вкусы и запросы соответственно времени суток, но порой Александр приходил, как обыкновенный посетитель,

как будто не считал себя владельцем, и тогда к нему специально также не навязывались: как хочет.

Они стояли на украшенном гирляндами крылечке и слегка задержались, так как у девушки был входящий сначала с одной работы, потом с другой, потом от заждавшегося Арсена, затем от однокурсников, которые не терпели возражений, приглашая её сегодня вечером в караоке-бар.

– Ох, твой телефон сейчас загорится, наверное.

Аэл суматошно пыталась засунуть мобу во внутренний карман пуховика, заодно стараясь не уронить свои покупки и путаясь в лямках рюкзака.

– Наоборот! Он почти разрядился от холода!

Хрисанф, наблюдавший за этими какофоничными движениями, не выдержал, одним хлопком устроил рюкзак на спине, засунул туда пакет с едой, и быстро застегнув молнию куртки до самого подбородка, поправил ей шарф.

– Как жить будешь вообще? Такая копуша!

– Что ты, дядюшка! Я очень расторопная! И очень умелая! Простой сейчас зима и слишком много одежды!

– На, возьми мой телефон, а этот можешь сдать в макулатуру.

Агний вложил свой мобу в карман её пуховика.

– Дядюшка, ты что!

– Бери-бери. И захлопни свой рот, а то видишь, твой голос замерзает в воздухе, и как в том мультике растает к лету и будет звенеть повсюду, пугая всех.

Аэлита вытащила телефон босса Арса.

– Я не могу. Это же ваш!

– Я там всё своё снял, он чистый, можешь спокойно пользоваться. Хорошо держит заряд, хотя бы этим пригодится.

Он вернул смарт девушке.

– Арсен что, вообще не заботится о своей жене?

Аэл улыбнулась и зашагала с ним вниз по лестнице.

– Очень заботится! Дядюшка! Он мне такое колечко подарил недавно!

– Даже.

– Такое! С камушками!

– Ты – Золотарева. По фамилии должна купаться в драгоценностях.

– Я и купаюсь! Арсен – моё настоящее богатство!

– Садись, я подвезу.

В машине немного молчали, но когда дом Иванова был уже близко, девушка не устояла.

– Дядюшка Хрисанфий.

- Ну чё тебе ещё.
- Ты не обижай Лил.
- Сарданку?
- Да.
- Она жаловалась тебе?
- Нет, не в этом дело.

Аэлита внезапно посерьезнела, когда он остановился в их дворе.

- Я звонила тётушке, но она не отвечала.
- У неё часто режим полёта.
- Я знаю. Но когда был включён, Лил не брала трубку.

Она никогда меня не игнорит. Ведь я очень занятая. Мне и некогда названивать кому-либо.

- И ты решила, что она чем-то огорчена.
- Скажите, что это не так.
- Сейчас с ней всё в порядке.
- Слава Богу!

Аэл собралась выходить, но голос Кирсанова её остановил.

- Ты что, угрожаешь мне, старушка?

Он посмотрел в её глаза и не обнаружил ни тени той ребячливой радости, что сверкала в ней до этого разговора.

- Ты о чём, дядюшка, я не понимаю.

– А ну не отворачивайся от меня.

Зелёные глаза внимательно сосредоточились на его взгляде. Они были и задумчивые и непроницаемые.

Так вот ты какая. Маленькая женщина. Этим вы меня и берёте. Такая пигалица и. Далила не такая, поэтому, может, я люблю её. У неё нет этого, что есть вот в этой и во многих других. Она постоянно врёт и это у неё совершенно не получается. Она не может выразить глазами свои чувства. И вообще может выглядеть не так, как про неё можно подумать. Может, я просто не хочу усложнять свою жизнь, и мне не нужны вот такие женские мистификации и козни. Вот эта передо мной: рот говорит одно, глазки намекают и подстрекают совсем другое. Пусть неосознанно. Багира. Кошка. И как мне к этому относиться?

– Если ты такая хорошая, то почему не побежала помогать своей подруге?

Аэлита, всё-таки, была просто девчонкой. Она моментально побледнела и её веснушки стали резко очерченными, а губы заалели, как будто их покрасили.

– Дядюшка, я!..

– Ты-ты. Когда люди по-настоящему обеспокоены состоянием дорогого человека – они не медлят. Они находятся рядом.

– Так ведь я...

– Работала. Молодчина какая. А что если бы Далила свалилась с высоты. С координацией у ней неважно (вспоминает её легендарный спуск в институте). Ты бы потом ей фрукты принесла загипсованной в больничку?

– Дядюшка... Я не знала.

– Зачем приносить. Ты бы там и дежурила, наверное.

– Так что-то случилось что ли?!

Хрисанф продолжал наседать.

– Обязательно должно случиться что-то, чтобы Золотарева явилась народу? Кто-то ведь крестной назвался нашей четверне. И вот Далила не в духе, детки мои малые орут, горничные не справляются, весь дом в кашках и слезах, я бегаю из пункта А в пункт Б и не совсем не успеваю за всем творящимся бедламом.

– Так было разве?!

– Так каждый день, между прочим.

– Дядюшка, говорите напрямую!

Эта не заплачет. Крепко стоит.

У Аэл в голове пронеслось.

Никто в мире не увидит меня слабой кроме Арсена. И он бы не видел, если бы я не становилась сама не своя с ним. Чего добивается дядюшка Хрисанфий? Он сердится на меня? Я ведь просто была обеспокоена тем, что тётушка не вы-

ходила на связь.

– Ладно. Иди домой.

Аэлита вышла из машины, но потом её голова всунулась обратно через водительское место.

– Дядюшка, если ты обидишь Лил – будешь иметь дело со мной!

Её лицо стало по-прежнему озорным и задорным и вроде как она говорила в шутку. Улыбка мелькнула и на устах Агния, однако внутри он немного насторожился.

– Ваше высочество, помните, что мы с вами родственники.

– Помню-помню!

– Не раздумывай отныне. Приходи к нам, когда угодно. Наши двери всегда будут открыты для тебя.

– Даже если никого не будет дома?

– Да.

– Хорошо.

– Мы с Далилой ссорились. Но это вечные перебранки между супругами.

– Ой, это меня не касается, простите!

– Аэлита.

– Дядюшка?

– Ты меняешься. Ты же знаешь об этом.

– Нет. Я такая же! Почему вы расстроились, дядюшка?! Я

что-то не то сказала?

– И очень многое.

– Что же?!

– Мне пора. Жена ждёт давно.

– Дядюшка, стоп! Что случилось?! Я глупость какую-то вытащила из себя?

Хрисанф помониторил, как глаза девушки меняют оттенки зеленого, как в водовороте омута.

– Аэл, прости, но я не могу принимать твои слова за букву закона. Даже если ты отенкай. Мы же друзья. Ты – крёстная моих детей.

– Отенкай-пупенкай! Мне надоело слышать это. Я это я!

– Вот и не забывай об этом. Даже если отенкай. Докажи мне.

Он уехал, внутри себя произнося как молитву.

– Я не могу бояться её. Даже если подвергаю свою жизнь угрозе. Это же Аэлита! Аэлка! Однако, она превращается. Арсен, ты хорошо позаботился о ней.

Глава 37

Хрисанф занёс покупки на кухню и стал заваривать свой любимый кофе – для себя, и просто воду – для жены. Далила была немного спросонья и в ожидании позднего завтрака, или уже обеда, копалась в телефоне.

– О, мне Аэлита звонила оказывается (обнаруживает пропущенные).

– Хочешь какао?

– Капельку можно ага.

Она отставила интернет, поскольку муж уже накрыл на стол и положил рядышком с её интересной ватрушкой и яблоками в тесте драконий фрукт.

– А груши в тесте бывают?

– Конечно, я испеку тебе вечером. Как раз накопил фруктов по дороге.

– Как прошло? Помирился с директором?

– Да, мы теперь с ним товарищи по счастью оказались.

– Почему?

– Просто влюбленные дураки.

Далила заинтересовалась, поэтому Агний в подробностях рассказал об полуартистическом выступлении руководителя.

– Мм.. Я знаю Аполлонида, то есть видела пару раз, она всего на три года старше его.

– Он сказал, что это неважно. В смысле цифровая разница.

– Хмм...

– О чём думаешь?

– Ни о чём. Я не могу думать 24/7/365. Так просто о ме-

лочах, что взбрeдeт.

– Виктория, Ванесса, Вероника уже ели, как я посмотрю.

– Да, они кушали.

– Как там... Тебе удобно?

Она вышла с ним в коридор и устроилась на большом подоконнике, чтобы немного понаблюдать клонящееся к закату скромное зимнее солнце.

– Ну. Они не дают никогда мне повода сердиться на них. Они же делают всё по дому и вместо меня выполняют материнские дела.

– Я бы не сказал. Малыши так любят тебя.

– Нет, тебя. Ты же у нас папа-нянь-наседка.

– Нее, они меня лупят, как только завидят, наверное надоел хуже горькой редьки. В прошлый раз Урсула так запульнула в меня непочатой пюрешкой, что у меня шишка выскочила на макушке.

– Где?

Далила пощупала его голову.

– Уже нет давно.

Взамен он прошёлся по её спине, тазу и бедрам.

– Ничего не болит, крошка?

Он чувствовал себя виноватым, что из-за него она мог-

ла пораниться, убегая на винтовой лестнице. Он бы и сам предотвратил её падение, но Корсун, конечно, сделал это деликатнее.

Проклятый показушник.

– Нет. Я же говорила. Со мной всё в порядке.

Хрисанф немного озаботился своим беспокойством, и стал пальпировать её ткани на предмет малейшей царапинки или внутреннего повреждения.

– А здесь как? Как твои кости? Ты как всегда игнорируешь приём кальция.

– Вот там немножко.

– Где?

– Там.

Он отстранил её от себя и скрестил руки на груди.

– Далила, не отвлекай меня. Человек на полном серьёзе, а ты.

– Потому и.

– Что потому и?

– Ты хочешь меня?

– Задай что-нибудь посложнее. Когда это я не хотел тебя, что за дурацкие вопросы!

– Тогда лучше осмотри там. Ну же! Не куксись! Посмотри на меня!

– Нет, нет и нет!

– Вот видишь, ты не хочешь меня!..

Агний тут же притянул её к себе.

– Ты нарочно это делаешь. Чтобы я не думал о нём.

– Знаешь, если бы я понимала в науках, как ты, может быть, мои книги стали бы интересны для читателя. Но я пишу на избитые ванильные темы.

– Ванилька – это самая лучшая вещь на свете! Печенька моя.

– Я знаю. Но я не могу написать всё, что приходит мне в голову. Остаётся только что остаётся.

Хрисанф сбегал на кухню за второй огромной кружкой крепкого кофе.

– Я вот на днях тоже решил написать книгу!

– Сто рецептов беляшей на бездрожжевом?

– Нет же!

– Отрывной календарь огородника?

– Нет!

– Лечим ревматизм дома просто и эффективно?

– Ну, Далила! Вечно ты меня так! В ежегодном валовом такие книжки, между прочим, дают здоровскую прибыль.

– Ага-ага.

– Ты можешь смеяться, но мы с Калитой всё равно будем выпускать такую продукцию.

– Рыбные пироги.

– Ыррр!

– Природная косметика.

– Ыы!

– Как стать успешным.

– Да!

– Как перестать заморачиваться и начать жить.

– Конечно!

– Секс для чайников.

– Не для чайников, а доступная камасутра. Вот ты ирони-
зируешь, а она сейчас в топе лидеров продаж. Мы собираем-
ся переводить её на 6 иностранных языков.

– Ну, хорошо, что на этот раз?

– Эдакий талмуд: Как любить свою жену.

Она спихнула его с подоконника в возмущении.

– Конечно! Это так трудно! Прогнозирую, эта штука ста-
нет бестселлером у таких же самовлюбленных идиотов как
ты!

Хрисанф смущённо потирал колени.

– Да не злись ты! Я ещё не придумал, что там будет, это
тебе не тысячи способов приготовления пищи.

Он прижал указательным пальцем лоб, как будто весь в
умственных потугах.

– Но я уверен в концовке: там будет вроде: я так и не на-

шёл ответа на этот вопрос.

Далила кинула в него декоративную ценную вазу с изображением журавлей. Супруг ловко подхватил сосуд и бережно установил на тонком высоком треногом столике.

– Дурак! Зачем же тогда выбирать такую тему!

– Ну, потому что это занимательно, интересно и актуально на все времена. Я распишу её в подробностях на мильон страниц и в конце так философски. В общем, мужики поймут и я стану авторитетом для них.

– Да ладно, размечтался.

Агний, подавляя смешок, вновь залез на подоконник, и, остерегаясь очередной "катапульты", осторожно обнял её сзади и опустил свою голову на её плечо.

– Ну ты и засранец.

– Если без шуток, о чём бы я написал в самом деле для души? Только о тебе.

– Не пытайся подкупить?

– А сколько ты стоишь, сердце моё?

– Бесплатно, разумеется.

Он нежно повернул её лицо к себе и поцеловал.

– Далила Птеровна сделает всё, чтобы я души в ней не чаял.

Глава 38

Аэл с грохотом ворвалась в прихожую.

– Арсен!

– Что случилось, где пожар.

– Моя кровяная колбаса!

Она жестами хаотично показывала парню, чтобы тот взглянул в её рюкзак.

– Я тут поскользнулась в подъезде и упала прямо на спину, и там что-то взорвалось!

Арс расстегнул молнию и обнаружил, что это разбилась стеклянная бутылка с сидро, размочив бумажный пакет со снедью.

– Ох, какая жалость! Ведь я так хотела угостить тебя хаан!

Он действительно давно хотел отведать это блюдо, и отчасти оттого, что испытывал сомнения в том, что сможет его приготовить, даже если купит на рынке.

– Не волнуйся, чиполлинка, раздевайся, переодевайся, мойся, а я уберу осколки, кину твой рюкзачок в стирку, а колбасу сполосну под краном.

– Господи! Я думала, что взорвала её!

– Сама-то в порядке?

– Глупости какие! Я никогда ничего себе не повреждаю, на мне всё заживает как на собаке, только в тыщу раз быст-

рее! И просто это молодость!

– Ну, ладно, не кричи мне в ухо, иди в ванную.

Через несколько минут они уже наслаждались стряпней Арсена: картошка с мясом по-домашнему, салат якутский, оладьи, чай с молоком и маленькие рогалики, внутри которых при выпечке кладут карамельки. Хаан положили кольцами на плоское блюдо для суши и роллов.

– Мм, вкусняшка!

– Точно-точно.

– Я опять встретила дядюшку в магазине, и оказалось, что это их булочная на той улице с красными фонариками.

– Да, босс заядлый шопоголик, видимо.

Он уже относительно спокойно относился к взаимоотношениям гребаного Хрисанделя и луковички его сердца.

Что ж. В случае с этим странным конъюгатом в моём случае кажись лучше всего не париться и пустить всё естественному течению. Что касается Аэлиты. Ну, Птерыч – однолюб и Далилолюб конкретный. А она... Ну не её это типаж. Для неё он – что твой портрет Джоконды, искусство, а не человек. К тому же, Хрисанф трясётся над безопасностью своей семьи, так что не будет связываться с отенкаем больше, чем как с женой своего подопечного и крестной своих детей.

– Знаешь, дядюшка говорил мне какие-то непонятные

словейки.

– О чём?

– Я совершенно не поняла. Ты же в курсе, что я тупая в доску.

– Аа, о Далиле, наверное. Он всегда так оды о ней строчит.

– Нет, сначала он рассердился на меня из-за тётушки.

– Рассердился?

– Ну как, не то чтобы рассердился. Расстроился. Я не поняла его слов, но зато видела, что его лицо поменялось и глаза стали грустными.

– Ой. У Пteryча глаза живут своей жизнью. Не очень-то принимай их буквально. Он сам не любит их за это. Бубнит, что вечно они его подводят.

– Вот и подвели.

– Так что сказал-то?

– Ну, помнишь про звонки Лил? Дядюшка Хрисанфий сказал что-то вроде, что я вату катала, а надо было заботиться о своей подруге. И ещё что-то... Много чего. Но у меня в ушах как будто звук отключили. Бу-бу-бу. Я, переспрашивая, орала: что?! Что?! И он уехал. Наверняка решил, что со мной и разговаривать не стоит.

Аа. У тебя, лучок мой, кажется, встроенный защитный фильтр.

Он и раньше не раз был свидетелем того, что Аэл пропускает мимо ушей, что для неё неважно: сплетни, заговоры,

проклятия, нытье – в общем всё негативное. Можно было даже обидеться на неё, ведь она могла натурально не помнить, о чём ей наговорили, и посчитать, в каком-то смысле, бесчувственной.

– Не вижу проблемы. Думаю, не обязательно вслушиваться в каждую молекулу его речи.

У меня не так. Ну что ж, мы с моей золотинкой – разные.

– Считаешь? Я просто злюсь на себя за такое тугодумие! Дядюшка наверное расскажет Сарданке, что не надо ей со мной водиться, потому что я недалёкая.

– Ты у меня Аэлита премудрая и распрекрасная.

– Правда?

– Для меня так.

Аэл от восторга кинулась к парню и вцепилась в него, что твой клещ.

– Арсен, так хорошо!

Позже. Перед сном.

– Вспомнила. Дядюшка пробубнил, что я меняюсь. И я что-то возражала...

– А сама как думаешь?

– Я же расту! Все люди меняются каждую секунду: эво-

люция.

– Тогда придерживайся своей точки зрения и не слушай никого. И меня тоже. То есть можешь и не придерживаться этой точки зрения и менять её каждую секунду. Ведь мысли тоже растут и развиваются.

– Ты говоришь витиевато, как дядя!

– Да, походу заразился его занудству и умничанию.

Утром.

– Чиполлинка, ты здесь? Ты что, проспала?

Аэл лежит ничком и старается глубоко, ровно дышать.

– Что с тобой, крошка?

– Тяжело.

– Ты заболела?!

Переворачивает девушку личиком к себе, чтобы вызвать скорую.

– Аэлита!

– Всё хорошо.

– Я сейчас! На боку! Так легче будет.

– Стой.

Остановился.

– Мне никогда не бывает плохо. В смысле, моему телу. Разве что из-за тебя, когда ты меня не любишь.

– Я всегда люблю тебя, золотце моё.

– Всё такое тяжёлое, как будто я из свинца и неживая. Но это пройдёт скоро. Иначе я не я.

– Я зову врача!

Он бросился на кухню за телефоном, но тут в дверь позвонили. Набрав номер скорой, он открыл дверь.

Тутти собственной персоной стоял перед ним.

– Я к Аэлите Вячеславовне Золотаревой.

Арс застыл с трубкой. Незнакомец прошествовал мимо него.

Почему все лезут в мой дом без спроса, без конца и без начала?

– Таки да. Мне придётся забрать её с собой. Здесь недостаточно условий. Он поднял на руки вялую девушку и также, мимо Иванова, вышел вон.

Глава 39

– Это, наверное, был Тутти.

– Кого?

– Вундеркинд Тутти, гениальный Тутти.

– Что ещё за Тутти?...

– Вот ты как-то проронил о магии, и я всегда отнекиваюсь

от неё, потому что больше по части конъюгации. Этот гребанный упырь – физик. А Тутти... Тутти как раз твой любимый волшебник.

– Он не мой любимый. Кто это вообще?

– Тот, кто унёс твою жену.

Арсен сжал губы и замолчал. Хрисанфу стало жаль своего ученика.

– Ладно, не унёс. Это просто его работа. Он возможно устроился инструктором отенкаев, которых хотят привлечь к службе.

– Я просто хмырь. Я ничего не сделал. Позволил забрать её.

– Почти на 89 процентов уверен, что с ней всё в порядке, так что не беспокойся. В их организации насчёт безопасности всё честь по чести. Прилично. И не вини себя так сильно. Скорее всего, это его воздействие, если ты, как говоришь, как в рот воды набрал и просто следил за происходящим. Арсушка – довольно языкастый брошка ты. Не верю, чтоб не отпустил какую-нибудь очередную смачную штучку. Или это только меня можно оскорблять как попало.

– Ненавижу этого Тутти.

– В жизни каждого мужчины наступает момент, когда он встречает неистребимого соперника. Теперь-то ты хоть на миллимоль понял мои чувства.

– Что за дурацкое имя!

– Я его видел пару раз, когда он ещё был подростком, но уже заявил о себе. Теодор Сантана. Правда, ходят слухи, что он не любит, когда упоминают о его южных корнях. Скорее всего, из-за того что желает установить нужные связи там, где ему нужно. Поэтому все его зовут Тутти, зелёный принц. Он ученик их главаря, современного Мерлина, Стэнли Лавшики. Так что. Нам до них плавать и плавать.

– Они что, все отенкай?

– Отенкай – это не диагноз. Далила вот Кузьку моего причислила в свой список. Якобы отщепенец. Просто, как объяснить. Эта организация занимается концентрацией светлых сил. Такая вот ядерная бомба. Тоже дураки. Как и все в этом мире. Они давно не могут сработаться с отенкаями, так как, сам знаешь, например, твой колобок: сильный и независимый. Поиграет, нажрется чипсов и на боковую. Мало для счастья надо. Спасение мира – не как амбиция. Спасение мира – как не делай другому худа. Трудно их привлечь, заинтересовать.

– Почему моя девочка.

– Потому что твоя девочка имеет все шансы пойти далеко вперёд. Сообщила ли она тебе... Недалече, как вчера, эта дюймовочка наезжала на меня и на мою семью.

– Аэлита? Невозможно.

– Угрожала южному централу в кавычках. И я чуть в штаны не наклал от страха за собственную шкуру. Этот процесс начался не сегодня.

– Чего? Чего ты опять мелешь?

– Обостренное чувство справедливости – палка о двух концах, сахарный мой. Та Аэлита, которую я повстречал до знакомства с тобой, была, как мне показалось, иной. Обычная девчонка. Только отенкай. Но с тобой она изменилась. Не обвиняй Тутти. Смотри в себя. Твоя любовь взрастила эту королеву.

– Брехня!

Арсен пролетел через какой-то канал и оказался в здании с круглой стеной из блестящего булыжника.

– Птерыч, ты здесь?

Ответа нет.

Что ж. Опять этот гребаный Хрисандель отправил меня в качестве шпиона и по-любому поместил то свое животное – Киру. Гадость!

Было неясно. Хоть он находился в относительно, вроде бы, небольшом пространстве, двигался как будто в старой компьютерной игре: налево, ещё налево. Не видел картины целиком.

Стоп. Тише.

В этом секторе стояла простая металлическая кровать с тонким матрасом и лёгким одеялом, под которым лежала

Аэл, подключенная к системе, и, похоже спала.

Поодаль, прислонившись к стене, прямо на полу сидел худой парень среднего роста, с короткой стрижкой. Волосы тёмные, но, возможно, светлее, если отрастут. Аккуратные небольшие уши, светлая кожа то тут то там с родинками и пигментами, но не веснушчатый. Глаза с двойными веками и сверху и снизу, серо-синие. Чуть угловатый телом, но очень уверенный в движениях и во всём остальном. Нос у такого должен был бы быть вздернутым, но с еле заметной горбинкой, видимо фамильные гены.

Блять. Он точь в точь, как эти супергерои из фильмов, только без трико. Я слишком старомодный для моей молодой жены.

Тутти занимался тем что ел яблоко, потом вытаскивал его целехоньким из своего рта, лениво отслеживая поступление веществ через капельницу. На нем были простые удобные джинсы, кеды и полосатая футболка.

Появился какой-то древний старик и пошёл разговор.

– Тутти.

– Да, сэр.

– Надо было как-то предупредить её сожителя.

– Я хотел, но он как будто не возражал.

– Это не дело. Позови его сюда, или там, на квартире про-

информируй.

– Будет сделано.

– Эта отенкай – важная фигура в нашей практике. Даже если всё накроется медным тазом, наконец, имею честь созерцать филантропного экземпляра.

– Все они – филантропы.

– Да. Но это социальный тип.

– Она – милашка.

– Тутти, забудь про это. Работа. К тому же она замужем.

– Чувствую, это недолго. Тот чувак ей не подходит.

– Теоретически ей будет лучше одной, но она сама решит.

– Сэр, я думаю она с удовольствием расстанется с бывлой жизнью и уедет с нами.

При этих словах его голова дернулась назад и ощутимо стукнулась затылком о каменную стену.

– Ай!

– Что с тобой, сынок?

– Простите, сэр. Побочка от моих человеческих генов.

– Ты и есть человек.

– Сэр, человеком я был совсем другим. И она теперь совсем другая.

Тутти посмотрел на спящую, затем поменял раствор.

– Она всё время хочет только спать.

– Нормально. У некоторых так бывает. Кто её муж? О её

родне мы в курсе, но этот парень. Такой серый икс.

– Хмырь какой-то. Меня больше интересует другое, сэр.

– Что?

– Недавно слышал, что в этих местах видели Хрисанфа.

– Неужели? Тот самый конъюгат, который пропал из виду много лет назад?

– Вот бы встретиться!

– Не забывай, что ты – мой ученик.

– Так странно да, в такой глухомани. Её прежнего дружка уже до нас забраковали. Отенкаи что, стали кучковаться? Когда я был ещё ребёнком, мама сказала, что Хрисанфа не заботит обучение преемников или продолжение рода своего. Такой талант пропадает.

– Твоя мама была не менее талантлива, но тем не менее пропала.

Тут Арсена обратно втянуло в его квартиру. Было уже поздно, странного босса не было, поэтому он решил идти спать.

Глава 40

Далила и Хрисанф сегодня завтракали гораздо раньше, так как Агний спешил встретиться с Арсеном, а его жена проснулась от его суеты в поисках затерянного носка. Она попеняла ему, зачем он тупит, если всё равно наденет чистую пару, или может и вовсе без оных. Но утром перфекционизм

супруга пребывал в заоблачных далях. Даже за едой продолжали говорить об этом.

– Далила, я просто не хочу, чтобы ты потом сказала, что откуда-то воняет.

– Я никогда так не говорю о твоих вещах. Уж от твоей чистоплотности хоть беги на Юпитер.

– Вовсе я не такой. Только временами.

– Да. Но когда тебя заносит, это просто конец света.

– Кушай-кушай. Вот твоё яйцо, пока не остыло.

Хрисанф пододвинул к ней подставку и ложку.

– А оно не горячее?

– Нет, уже почти холодное, как ты любишь.

Он помог ей снять скорлупу и сам умял с десятков яиц. Они сидели рядышком. Вообще-то, чета поначалу уговорилась обедать в столовой и сидеть друг против друга. Они так и делали порой, но стол казался им слишком большим, или Далила не дотягивалась, или Агний хотел заниматься несколькими делами одновременно. За что непременно получал взбучку, потому что она терпеть не могла, когда он смотрел телефон, читал книгу, газету, приносил сюда свою работу и заботы, творчество в трапезные часы.

Хотя они были на противоположных концах в дни, когда были недовольны друг другом или ссорились. Тогда уж Далила не выносила его взгляда, сверлящего её на расстоянии,

а Кирсанов чувствовал себя на необитаемом острове так далеко от неё.

Чаще они толкались рядом и ели одной ложкой, одними приборами, хотя расставлено было всё чин чином. Далила усаживалась к нему на колени и непременно брала половину кусочков всего, что он брал: половину куска торта, полложки супа, полглотка чая, пол-куса хлеба. Сначала Хрисанф считал это излишней фамильярностью и вообще излишеством, поскольку большую половину жизни он питался лишь затем чтобы набить свой конъюгатский желудок и жить, и зачастую процесс приёма пищи проходил без присутствия кого-либо. Но постепенно он пристрастился к подобному симбиозу, как утёнок к речке.

– Аа! У тебя желток пашотоватый! У меня нет!

Агний откусил своё яйцо и протянул его ей, как птица червячка птенцу.

– И эту тоже съешь. Я обычное съем.

Он отдал ей оставшуюся дольку.

– Хочешь завтра глазунью?

– Хочу.

– Тогда на обратном пути куплю свежие яйца.

– Хорошо.

– Хочешь молоко?

– Нет, ты же знаешь я не особо по этой части.

Хрисанф выпил кружку и налил себе ещё. Это было на-

стоящее домашнее пастеризованное молоко.

– Зря ты так. Такое вкусное же. И питательное.

– Наверное. Не хочу привыкать.

– Ты так и сахар беднягу обижаешь.

– И так много сладостей жру.

– Мне бы ещё кофеечку!

– А там есть в кофемашине.

– Где?

– Там. Я что-то нажала. Так что там что-то вроде капучино. Ну, не капучино, а три в одном.

– Далила!

Агний радуется, как ягнёнок, когда она делает что-нибудь для него.

– Но не привыкай. А то ты такой наркоман. Вечно что-нибудь да придумаешь.

Хрисанф уже свистел кофе, смачно прихлебывая жидкость, как будто от этого зависела часть его жизни.

– Ну что мне делать с этой красавицей!

– Как обычно: до дна и проваливай к своему любовнику.

– Я не о кофе, а о тебе.

Она запульнула в него трехзубую вилку. Он вытянул указательный и средний пальцы наподобие буквы V и поймал железку. Далила улучила момент, когда муж опустил голову,

забыв о её кровождном плане, чтобы слизать остатки ветчины и острого кимчи, которые она не долюбывала. Ложка полетела на него и стукнулась о его лоб. Хрисанф, не ожидавший такой подлянки, был застигнут врасплох и машинально прикрыл рукой покрасневшее место.

– Ох, милый!

– Не надо. Со мной всё в порядке.

Но Далила уже подбежала к нему на всех парусах и стало виновато накладывать на "ранку" то холодную поварежку, то раскаивающийся поцелуй.

Всё это время Агний сидел с потупленным взором (так как не доверял им, своим ябедам) и тайно наслаждался тем, что из-за него вся эта сцена.

– Далила, правда ни капельки не болит. У тебя совсем нет силы в руках.

– Ох, Агний, я так виновата! Прости меня, пожалуйста! Я думала, что ты как всегда сделаешь блок, или поймаешь.

– Ну и на старика бывает прорух. Не могу же я каждую секунду быть начеку.

– Милый!

Она стала душить его в своих объятиях, то и дело производя ветер своими губами для его драгоценного лобика, а то и целуя, чтобы утешить его "боль".

Тут он не удержался и посмотрел на неё и опять посыпались градом шлепки и укоры.

– Ах ты мерзкий скользкий тип!

Смешинки блестели в его глазах вперемешку с чувством превосходства: дескать, Далила опять опростоволосилась.

– Ненавижу!

– Но я же по-честному сказал, что не стоит беспокоиться. Как можно устраивать такую Бразилию из-за такого пустяка.

Она перестала отталкивать его от себя и ещё раз прикоснулась пальцами его головы.

– Не разыгрывай меня так больше.

– Хорошо, не буду.

– Ты опять об этом забудешь.

– Но это же такие мелочи.

– Для меня нет. Я ненавижу рукоприкладство.

– Но ты же постоянно бьёшь меня.

– Тебе больно?!

Она опять стала ластиться к нему, как будто хотела снять все свои прежние телодвижения.

– Это курам на смех. Я же шучу.

– А я нет. Это обезьянничание. Когда тебя кто-то ударит, ты сам начинаешь бить других, думая что это норма.

– Ты не такая.

– Такая-такая. Как можно было ложкой отстегать этот прекрасный лоб!

– Ну, Далила, хватит епитимьи.

– Любимый!

Чтобы она успокоилась и пришла в себя, он немного полежал с ней на кухонной кушетке, положив себе влажное полотенце на несуществующую шишку.

– Ты простишь меня?

– Конечно. Хотя ничего и не случилось.

– В следующий раз сделай блок, как кунгфуист.

– Окей, сделаю.

Бог создал человека, чтобы его любили. Любили, а не Били. Человек, которого бьют, перестаёт быть человеком и становится зверем. В плохом смысле этого слова. Каждый удар – преступление против любви. Поэтому в позоре люди бежали из рая, обнаружив в себе неидеальность, плохие стороны и слабость. Далила осознает свою "человечность", свою мягкотелость, свою преступность по отношению к такому священному созданию, как её кровные сородичи. Кто-то мне так рассказывал... Не помню кто. Брехня, как говорит Арсен.

– Когда я умру, ты возьмёшь меня с собой?

– Куда?

– Я всегда мечтала о том, что кто-нибудь спасёт меня из ада. Но все говорят, это невозможно.

– Ну, если ты упадёшь в ад, придётся мне отправиться за тобой. Я не могу без тебя.

– А ты куда попадёшь?

– Конечно, в рай с моей перманентностью.

– Как это?

– Ну, я люблю свою семью и своих друзей. И всегда стараюсь жить правильно.

– Я бы не сказала.

– Уж поверь, в отличие от некоторых, я всё-таки, хороший парень, Бог отправит меня в сектор перманентного парадиса.

– А что это?

– Я не знаю. Мы же с Калитой осторожные атеисты. Я не верю ни в Господа, ни в дьявола.

– Я думала, ты – язычник.

– Это ты – политеистка. Но Богу трудно любить меня, полагаю.

– Почему? Уж поверь, Бог любвеобилен, как никто.

– Потому что я слишком эгоистичный, как ты говоришь. Я слишком люблю тебя. Там не любят, когда кто-то слишком любит кого-то.

– Почему?

– Наверное, первозданное плато припоминают. Хотели Землю отенкаев и мир во всём мире, а получилось что есть. Эгоисты вперемешку с преступниками, лжецы убогие, вы-

живенцы и те, у кого "неправильная" недогматская любовь.

– Люди не могут быть отенкаями. Мы всего лишь те, у кого лицо спереди, двигающиеся конечности и живая кровь.

– Потому и у Бога за пазухой.

– Оставайся в раю.

– Нет. Этот рай для перманентных изгоев будет для меня каторгой без тебя. Я знаю Дьявола, как-нибудь уговорю его предоставить нам отдельный котёл, тёплую водичку и относительный покой. Разумеется, там я не смогу баловать тебя, как здесь, излишков не будет. Сатана оскорбился на то, что его обзывают барахольщиком и коробейником и решил постичь азы минимализма. Хотя это нельзя искоренить, если с пелён что-то нравится.

– Там ты не сможешь сосредоточиться на мне, а будешь, как в аду, сосредоточен только на своей боли. Поэтому ты перестанешь меня любить. Бог простит тебя за вольнодумие и ты вознесешься обратно в свой аккуратный чистенький уютный рай.

– Ты и есть и моя радость и моя боль. Нигде во вселенной я не смогу забыть о тебе.

– Аа. Вот почему рай для перманентщиков, поняла, это для таких зацикленных повторяю, как ты.

– Арсушка считает меня дьявольским отродьем. Откуда я знаю. Может, прав этот краснобай. Ему и бухгалтерить не надо и преподавать, и к черту конъюгатство. Просто сиди и навешивай ярлыки. Если он прав, то мой достопочтенный

родственник поможет мне тебя освободить. И мы просто уйдём и построим свой собственный мир. Как и теперь. Чужого ни добра ни зла не надо.

– Правда?

– Ну, я так думаю.

– Хорошо.

Глава 41

– Хочешь провести этот день не со мной?

– Я проведу с тобой, но когда-то я обещала одному человеку, что мы вместе будем праздновать святого Валентинку.

Обсуждают свои жизненные планы. Кирсановы. У Хрисанфа всё расписано, если не на бумаге, то в уме, чуть ли не поминутно. Далиле лень думать так глобально.

– Мне в детстве говорили, что когда умрёшь, надо будет собирать свои рассыпанные волосы. Можешь себе представить, но я относилась к этому весьма педантично. Наверное, подруга стала примером. Я всегда собираю волосы после расчесывания и дальше в сухой мусор. А она, по-моему, даже клала в матерчатый мешочек. Или это кто-то другой был. Но у меня волосы жёстко выпадают, примерно с подросткового возраста. Но раньше они сколько выпадали, столько и росли. И вот я на полном серьёзе не хотела бродить и отыскивать свои волосы. Прикинь, где-нибудь в канализации (после ду-

ша), на свалке и так далее. Но теперь с возрастом думаю: А что, может это и не так плохо. Пошастать по знакомым местам, ещё один билет по любимому родному миру. Может, это и не покажется тогда гадостью. А поскольку волос у меня сорвалось немерено, то и путешествие моё затянется.

– Далила, понятно. Но причём тут чужой мужик.

– Он – не чужой, а свой собственный. Просто я вспомнила, сколько обещаний надавала и сколько не выполнила. А что не упомяну или не в курсе – то вообще наверное. Денежные долги, дать слово кого-то накормить вкусным обедом и оп-ля, подарить свою книгу и хопя, плюс слова, данные самому себе. Ну или хотя бы желанные.

– И что вы будете делать?

– Не бойсь. Ни я его не люблю, ни он меня. По крайней мере сейчас. Он обещал найти мне шоколадные чипсы. А я... Я...

– Ты, как всегда, отплатишь натурой. Только это у тебя и есть.

Она посмотрела на него искоса, как смотрит её мама и мильон женщин на свете, когда морозят такую чушь, что и комментарии отпадают. Мысленно ей казалось, что именно так она и смотрит: чуть сбоку, глаза вытянулись подобно Шахерезаде, взгляд осуждающий, снисходительный, но в то же время милый и наивный, как нравится мужчинам, да и в общем людям. Но в реалии всё было намного прозаичнее: ли-

бо вообще без выражения, либо упаднически жестоко и как будто ты слишком умный.

– Я забыла, что хотела приготовить.

– Может, тоже вкусняшку?

– Наверное.

Далила пыталась вспомнить события давно минувших дней. Честно говоря, тот парень, скорее всего не нуждается в таком флэшбэке, или вовсе (что вероятнее всего) не помнит, кто она такая.

– Может, я хотела признаться ему в том, что он мне очень и очень нравится. В благодарность за его заботу и чувства.

– Ой, всё!

– А ты так никогда не делал?

– Нет! У меня всё по-настоящему!

– Неужели?

Ну вот, опять она меня раскусила. Я об этом и не задумывался. Зачем мусолить такие глупости.

– Ты всегда любишь заморочиться. То есть не любишь, а постоянно в этом потоке.

– Но это же всё равно будет неправда. Я не хочу никого обманывать.

– Но ты обманывал тысячу раз. Никто не ляжет под тебя, пока не услышит то, что ему нужно.

– Ещё как лежали. Добровольно. И сами первыми.

– Но до этого всё равно что-то делал.

– Ничего особенного. Ничего не обещал и ничего не ожидал.

– Прямо так ничего не ожидал?

– Нет.

– Опять враки. Ты ожидал естественного хода событий хотя бы. Пока сыр не упадёт в рот.

Агний молчит, рассчитывая свой ход ферзем. Сидят за специальным шахматным столом, но по сути Хрисанф играет с самим собой, потому что подсказывает жене, как ходить и как сделать так, чтобы победить.

Далиле кажется, что она опять слишком груба и цинична.

– Ну ладно. Тебе ничего не надо было делать. Ты такой красивый. Я бы на их месте тоже не устояла и всё сама бы сделала, даже если бы для этого пришлось взять себя за шкуру и как следует двинуть вперёд.

– Далила, я же в лепёшку расшибаюсь ради тебя. Ты думаешь это просто так, тят ляп и выходит? И до тебя, чтобы что-нибудь получить не ожидал манны небесной.

– Ну вот ты и ответил полной противоположностью своему вышесказанному.

– Но почему бы мне не быть благодарным за то, что кто-то ко мне по-доброму отнёсся?

– И я об этом.

– Я уважаю это и ценю.

– Просто не хочешь обижать меня.

– Плюс я думаю, никто не любил меня, как ты.

– Пфф. Прямо.

– Позволь мне тешиться этим, как мне угодно.

– А как же Секвойя? С твоих рассказов, вот кто был влюблён в тебя, как надо.

Молчит.

– Что будет на обед?

– Мужчины не рассказывают о своих женщинах.

– Пфф. Вот тебе мой типичный фырकोкряк.

– Крякофырк. Вам кажется, что мы только и рождены, чтобы портить этот прекрасный мир.

– Ну да-ну да.

– И что оставляем за собой кучу некому не нужных использованных баб.

– Ну да-ну да.

– Перед тобой плохой пример. Но что скажешь противу колобочка? Что, съела?

– Это один из ста, может даже из тысячи.

– Твои математические познания просто восхищают.

– Ну да-ну да.

– Ты рассердишься, если я скажу, что любил каждую из них. Даже если не помню её лица, имени и знал всего один день или одну ночь. Нет, молчи. Правда в том, что я люблю тебя и только тебя, но как можно сказать, что их никто ни-

когда не любил. Я любил. Это было прекрасно.

– Урод.

– Пфф!

– Красавчик.

– Лучше первое. Так круче. А то мне вбили, чтобы быть красивым это ненормально и плохо. Поэтому я никогда не буду считать себя таковым.

– Ну, Агний.

– Что?

– Не говори так. В этом нет ничего такого, как ты извращаешь в своей непутевой голове.

– Но это же ты утверждаешь, что ко мне всё готовенькое свалилось.

– Я так вообще не говорила!

– Когда ты так катишь на меня бочку, я впрямь начинаю ощущать себя пустышкой и никчемностью.

– Ой, всё.

– Из-за таких, как ты на Земле множатся женоненавистники. Мозгодротка.

– Я не такая.

– Я никогда не скажу, что Аракела была хуже тебя, или что мать Ванессы – дура, или что Секвойя – неудачница с безответной любовью. Не бывать этому!

– Я этого никогда и не требовала!

– Это мои сокровища. Я просто не достоин их.

– Ладно, я не хочу с тобой ссориться, день только начина-

ется. Пойду посмотрю питомник.

Хрисанф схватил её руку, пока она не успела встать или отвернуться.

– Ты ужасно права. Но как твой муж я не могу тебе проигрывать.

– Я ничего такого не имела ввиду, Агний. Просто вспомнила старого друга.

– Все любят всех. И каждый – самый любимый, пока ты с ним. Ты перестаёшь как будто любить, идёшь дальше. Но это как твои волосы в конце. Оказалось, это и всё, что было в этой жизни. Оказалось, это и была жизнь.

– Грустно.

– Грустно.

Глава 42

Арсен, не дождавшись босса, решил поехать магометом в гору.

Ксоо, я там никогда не бывал, кроме того переноса с Корсуном. Аэлитка знает дорогу, я – нет. Будем надеяться на углозуба, в его памяти наверняка есть следы прежней хозяйки.

– Кира. Ты тут?

Ответа нет.

– Я не знаю, как к тебе обращаться. Может, это не твоё имя, а принадлежность. Вот у Искандера, как он сам выра-

зился, есть секиры. Если ты спай, то наверное мы можем говорить об этом в открытую, как коллеги да. Может, ты родственник этой Рекки, или этого Рекки? Хотя это вроде что-то связанное с искусственным интеллектом. А ты, как бы, вообще не видна. Ты же не ИИ?

Ответа нет.

– Мне тоскливо. Я опять стал много говорить с собой. Теперь, когда Аэлиту увезли. Она практически исчезла из моего дома. Я опять стал никем. Гребаный Хрисандель тоже куда-то запропастился. А он, единственный, кто может помочь мне разобраться во всём этом. Но он, Кира, не хочет, походу, связываться с этими ребятами. Что я скажу её родителям? Зачем только ей все эти напасти приберегли боги. ПУ, молодец, ты хочешь направить меня куда-то? Гнездо Кирсановых сокрыто и открывается только для своих.

– Это не тритон, а я.

Арс чуть не слетел в боковую дорожку, падающую прямо в заснеженное озеро. Он старался не гонять, но у углозуба была врождённая скорость.

– Кто это?! Птерыч?

– Нет. Как меня можно спутать с Хрисанфом.

– Кира...

– Да. Меня зовут Кьянецимуль. После инициации – Кира.

Иванов перевёл дух. Он слишком долго общался с конъюгатами и привык к их узкому обществу, что сухой негромкий голос показался ему поначалу незванным татаринном.

– Где ты?

– Возле твоего правого уха. У меня очень тихое звукоизвлечение.

– Тем не менее, ты меня напугала.

– Не было такого желания.

– Кира... Ты девочка?

– Трудно сказать.

– Почему?

– У меня нет пола. Я – зверь Хрисанфа.

– Тогда почему ты разговариваешь со мной?

– Хрисанф не запрещает мне разности.

– А где ты живёшь?

– В лесу. Или в озере.

– У тебя есть видимая форма?

– Не совсем. Я могу, но это будет иллюзия.

– Мне кажется, ты – женщина.

– Это из-за имени.

– У тебя приятный голос.

– Это потому что я вроде птицы.

– Ты умеешь летать?

– Умею.

– И нырять?

– Да.

- Ты была во мне ночью, там в башне?
- Да.
- Это ты стукнула того выскочку о стену?
- Нет. Это был ты.

Арсен чуть не врезался в дерево, будто выросшее из-под земли.

- Что?
- С этим поосторожнее. Спай не может выдавать себя. Будет доложено Хрисанфу.
- Но как?
- Ты знаешь. Я не знаю. Я не конъюгат.
- А кто ты?
- Зверь Хрисанфа.
- И много у него таких?
- Если есть другие – я не знаю.

Кира отвечала монотонно и односложно. И не очень эмоционально.

- Ты знаешь Далилу?
- Знаю.
- Кто она?
- Жена Хрисанфа. Большая госпожа.

Арс прыснул.

- Что?

- Ничего. Я тоже так думаю. А ещё что можешь сказать?
- Ничего.
- Кира.
- Ась?
- А Калитку знаешь?
- Калиту знаю.
- Кто он?
- Большой господин, друг Хрисанфа.
- Аа, вот что ты имела ввиду.

Углозуб сделал круг по пустырю и парень увидел белый туман возле своих ног.

- Скоро будем.
- Кира, а почему ты работаешь со мной?
- Хрисанф велел.
- Ты неуклонно слушаешься его?
- Я – его зверь. Это моё предназначение.
- Но в тот раз, ты так вылетела из него, что мне пришлось похлопать его по спине.
- Хрисанф не пользуется мной часто, поэтому так.
- Но я вот вообще не чувствовал тебя, пока ты сама ко мне не обратилась.
- Ты – широкий поэтому.

Здрате. Оказывается, толстый мудака теперь я.

- Как это широкий?

- Вместительный и удобный.
- Черт побери.
- Материться плохо.
- Да ну!
- Так меня воспитывали.
- Кто?
- Там, на дереве.
- На каком дереве?
- Большом дереве.
- Всё понятно с тобой.
- Мне удобно было, потому что нет волн от потока мыслей. У Хрисанфа всегда много мыслей. Как сеть. Застревает.
- Ну да, я дуболомный чуток.
- Мне нравится дуб.
- Не в прямом смысле.
- Приехали.

Глава 43

Хрисанф и в самом деле подзабыл о своём чудесном друге и увязался с Далилой в питомник.

Она села возле экрана и молча наблюдала за эмбрионами, как за рыбками в аквариуме.

Агний, чувствуя, что сказал лишку жене, старался подкатить к ней.

- Не здесь. Это же тоже детская.

– Но я просто хочу поцеловать тебя.

– Говорят, дети в утробе всё слышат и понимают, так что закрой шторы.

Он выждал удобный момент, и когда она, проверив телефон, подняла голову к монитору, поймал её губы в поцелуе.

– Дорогой (пытается уклониться от следующих его попыток).

– Пускай смотрят. Мама и Папа любят друг друга. Разве это плохо?

Он сел рядом с ней, как будто они были старичок и старушка на завалинке, старенькие, но крепенькие. Далила отвлеклась от недавней партии и положила руки на его плечи.

– Кто твой любимчик здесь? Среди старших – это безусловно Урсула! С ней ты чаще всего возишься.

– Так заставляет же папку своего кряхтеть. И, конечно, мне, как отцу, удобнее с дочками.

– А мне сыночек мой, Айсен! Он – твоя копия, но очень спокойный.

– Значит, в маму.

– Да брось.

– Я его тоже люблю, но не могу этого показать, не могу раскрыться. Сразу перед глазами близнецы мои появляются. У меня возникает чувство: уж лучше вовсе не общаться с сыновьями, чем испортить их, чтобы они меня потом нена-

видели.

– Никто тебя не ненавидит. Просто они, как и ты, не хотят никому проигрывать.

– Скажешь тоже. Я с рабским удовольствием тебе проиграю. Каждую минуту, каждую секунду.

– Ой, кто это говорит!

– А здесь мне ближе всего Майка и Сандарка.

– Ну я так и подумала.

– Трейс ещё попортит мне крови, если доживу до тех времён. А Саввачок, не знаю. Мне кажется, как будто он – не мой.

– Я ни от кого больше не рожала.

– Тогда я наверное охренел. Савва мне чем-то напоминает нашего "общего друга".

– Точно, стукнулся.

– А Рафаил... Он и не будет моим сыном. Этот пойдёт в твоего тайного господина.

– Нет у меня никакого тайного господина кроме тебя.

– А я в этом случае и не ревную, потому как повода нет. Я его назвал так в его честь. Чтобы продолжал заботиться о тебе, а не быть у черта на куличках.

– Не говори так. Это твои дети. Даже не мои. А твои. Я просто стала для них первичной колыбелькой. И не говори так в их присутствии. Им будет грустно.

– Хорошо, солнышко, не буду. Свяжи мне язык и выбрось в окошко.

– Нет, мне кажется, я займу его чем-то другим, более занятным.

И они стали целоваться.

– Всё-таки пойдём в свою комнату.

– Хорошо.

Он пошёл за ней, держа её за руку.

В спальне.

– Прости меня.

– За что, дорогая.

– За всё. За то что я такая.

– Тогда не буду прощать. И никогда не прощу. Всю жизнь хочу быть с вот этой поэтому, такой как есть.

– Дурачишка.

– Далила.

– Когда я веду себя так – никому не нравится. Только тебе.

– Только мне.

– Никого никогда не трогало, когда я хотела быть женственнее, нежнее или слабее. Все хотели от меня, чтобы я была мужественной, оригинальной и умной. С яйцами.

– Детка.

– Поэтому мне начало казаться, что я притворяюсь тем, кем не являюсь.

– Ты и то и другое.

– Этот мир – место только для эволюционеров. Другим –

тупик.

– Это не так. Мир создан для всех. Даже для меня. Даже мне достался кусочек счастья.

– Ты ведь не бросишь меня из-за того, что я не шагаю в ногу со всеми?

– Даже если ты будешь идти позади меня – я буду идти только потому, что ты есть. Иначе я просто свалюсь и подохну.

– Агний, глупенький Агний.

– Глупенькая Далила.

– Дуракам – счастье.

– Вестимо.

Она его ещё долго обнимала и гладила, чтобы он хотя бы на капельку понял, как она его любит.

Глава 44

Арсен обозревал снежную пустыню, думая, подшутила ли над ним Кира, и была ли вообще она, или он чокнулся и сам приехал сюда.

Конечно, сам. Но я же был в черте города как будто. Как я здесь оказался?

– Ты в своём уме.

– Ты говорила, что не конъюгат.

– Хрисанф предупреждал, что ты странный человек и немного узкий.

– То узкий, то широкий, ты хоть определись, утка.

– Я не утка.

– Ну раз я тебя не вижу, для меня ты хоть воробей, хоть собака. К тому же ты сама не можешь объяснить себя.

– А ты можешь? (с удивлением)

– Могу. Я Арсен, вес 94 кг, рост 183, мужчина, брюнет, весы, 35 лет. Саха. Николаевич я и Иванов. Физмат, бухучет, бег, кулинария. Аэлита.

– Это просто буквы.

– Может быть. Кроме Аэлиты. Аэлита. Вот, кто тебе понравится.

– А я.. Хорошо, можешь звать уткой.

– Кира, где мы?

– Видишь тот пенёк. Туда.

Далее, как в той сказке, Арс подошёл к большому темнеющему на белом фоне пню и пнул его. Тут же как будто быстро перевернули двустороннее зеркало. Окружающее моментально изменилось и он оказался у высоких ворот, которые сразу же открылись перед ним.

– Как это вообще?

– Так удобнее просто.

Хрисанф уже бежал по двору к нему с расprostертыми объятиями.

– Чувааак!

– Птерыч, прости за то, что вломился без предупреждения, не мог дозвониться, разговор есть.

– Проходи-проходи, душа моя! Сорян, я хотел к тебе вырваться, но Далила куда-то заныкала мой телефон. И вообще, семейные дела ла-ла-ла! Тра-ла-ла!

Обнимает, проводит внутрь.

– Птерыч, я это, спешу. Некогда мне. Аэлита. И Кира тут со мной. Она скинет тебе информацию.

– Уже скинула. Кира, можешь возвращаться к себе.

Ответа нет.

– Ой, вы посмотрите, Кирс хочет побыть с Арсушкой!
Предатель!

– Я не предатель.

В этот момент в холле появилась Далила, не ожидавшая гостя, и чуть ли не испуганно потуже затянула завязки на своей домашней одежде.

Ох, я как всегда так не прибрана, что обо мне подумают.

– Здравствуйте Арсен.

– Здравствуйте Далила Птеровна.

– Можно и не так формально. Мы же дома. И, честно говоря, мне не очень нравится, когда упоминают вместе с отчеством: сразу чувствую себя старухой или учителем.

– Простите сеньорита.

Агний уже снял с парня зимнюю куртку и впихивал его в кухню.

– Бро! Ты обязан с нами покушать! А то я всегда у тебя обжираться, а сам как натуральная жабочка! Так не пойдёт! Виктория, Ванесса, Вероника, помогите мне накрыть на стол! Ладно, не суетитесь, вам это не обломится, не ваш красавчик! Красавчик уже женат! Вероника, не фыркай! Это ты считаешь, что твой Богдан – краш крашов, но у всех у нас свои вкусы! Виктория, бросай эту бандуру и мой овощи, у тебя это лучше получается! Ну, Ванесса-йяа! Почему ты всегда мешаешься под ногами, в кого ты такая? Откуда у тебя только руки растут. Лучше иди, присмотри за малышами, помоги маме. Иди-иди! За одно принеси из кладовки то красное вино, которое Айнар с Айталом привезли, ну, давай, шевели булками, пентюшка, айуу!

Ванесса под нос огрызнулась.

– В папеньку своего, разумеется, корявого и мелкого недомерка.

Арсен это слышал, а Хрисанф вряд ли, потому что желая успокоить стоячесть, а не сидячесть друга, как его ноги желают идти в обратном направлении, шепнул в ухо.

– Кира ночью уже всё доложила. С Аэлитой всё в порядке, полагаю, сегодня они уже выйдут на связь с тобой, так что

расслабься немного. Не волнуйся. Всё хорошо.

Кричит Ванессе.

– То-то и оно! Вторую такую сардинку я ещё не видал в жизни!

Гость стал свидетелем того, что все ему, включая чету Кирсановых, расписывали про домашних работниц как-то не слишком соответствующе правде. Со слов Аэл, это вообще были какие-то пятизвездные горничные, но на деле Арсу далеко не так показалось. Да, они были прекрасны. Да, может, Агний и Далила в упор не видели внешнее сходство девушек с биологическим отцом, но стороны это было вполне различимо. По крайней мере, тому, кто знает об этой тайне.

Виктория – старшая, самая красивая, и в росте не прогадана, действительно, ходячая модель. И хоть спереди бросай, хоть сзади – вылитый Хрисанф, только в женском обличии. Видимо, командует сёстрами (подругами, коллегами), организует, но сама не может не выдать своей неловкой скромности. Вьющиеся, длинные, не слишком тёмные волосы подвязаны косынкой, но непослушные естественные локоны то и дело выбиваются и падают лёгким водопадом на шею и лицо. Не умеет прямо смотреть в глаза, щеки нередко вспыхивают, но не полным яблочным румянцем, а слегка затмевают золотом и взор опускает в точь точь, как гребаный Хрисандель, разумеется, по-своему, по-женскому и никак невоз-

можно усомниться в искренности всего её существа. Статная, стройная, фигурная, но больше модельно-фигурная, а не аппетитно-соблазнительная. Вообще ни капли грязных мыслей не вызывает. Взгляд думающий, глубокий, но, скорее всего, не слишком образованная и далеко не умная. В общем, взяла от родителей больше положительного, чем отрицательного, за исключением того, что в движениях, когда складывает руки перед собой, перебирает пальцы, поправляет то да сё – неуверенная.

Я вообще не понимаю, откуда это у красивых людей? Кто их держал в подвале и капал, что они – никто.

Вероника – славная. Больше всех мне понравилась. В красоте как будто чуть уступает старшей. И они очевидно похожи друг на дружку, как родные сёстры, а не как дети от разных матерей. Интересно, замечали ли они это? Говорили ли об этом. Походу, нет. Вера – хохотушка и оптимистка. Но иначе, чем моя многострадальная луковичка. Простой человек. Ничего не усложняющий. С блеском в глазах, с блеском в устах. В отличие от Хрисанфа лицо более круглое, с симпатичным ямочками на щеках и зубы мельче, и волосы, если не крашена, светлее. У Вики глаза синие (если не линзы), но хрен это увидишь, потому что у неё убегающий прячущийся взгляд. У средней – золотисто-карие, ласковые, ласкающие, обнимающие, любящие. Видно, она в кого-то влюблена, и из-за этого весь мир для неё чудесен и идеален. Ростом чуть ниже Виктории, очертания тела мягкие, спокойные, без углов,

хотя тоже очень хорошо сложена, как хорошенькая куколка. Несмотря на скудность условий и крошечную семью (дочь матери-одиночки), её ладно воспитали. Виктория – детдомовец, может, вовсе не в Хрисанфа её материализм и неприступность, как будто иногда желает слиться с мебелью, даже сейчас, в уютной тёплой обстановке.

Ванесса. Та ещё кнопка. Та ещё скрепка. Мельче всех. И ростом и возрастом. Шестнадцать, не больше. Неужели, не доучилась, или инфантильно выглядит. Ну, так сказать, не писаная красавица и не писаная торба. Моя чиполлинка миниатюрная, но всё при ней. Эта плосковата, угловата, странноватиста. То хмурая, то нарочито эмоциональная. Чернява. Светлая, но как будто смуглая. Много теней, впадин, выемок на лице. По пути в столовую мельком видел её мать, Камилу. Обычная женщина в возрасте, полная, говорливая, довольно мобильная и крепкая. В молодости, возможно очень даже может быть недурна собой, смешанных европейских и азиатских корней, пашенная, как говорят. С полными яркими губами, большими глазами, большим носом. Фигура уже соответственно погоде, но раньше понятно, почему на неё запал его босс: привлекательная для мужчин.

А это, точняк, ни в мать, ни в отца. Ну да, всё равно черты папки проглядывают в вытянутых глазах, овновых бровях, извечной ухмылке. Но корявая, как говорится. Сама себя портит. Вместо няшки – дюдюка. Одевается также мрачно, нескладно, однако с неуловимым вызовом. Посмотре-

ла на меня, как будто я жалкий червяк какой, а она королева Виктория. Бывает, же такое. Руки тонкие красивые, а она их как-то крючит. Спину крючит, ноги крючит, походку крючит. Нарочно делает. Или самая такая нескладеха. Рот очень даже симпатичный, с чуть чуть выпяченной верхней губой, приоткрывающийся невольно, но она предпочитает маску какого-нить злыдня. Волосы тёмные, прямые, только до плеч, негустые. Глаза тёмные, при одном освещении – с зелёными искорками, при другом – как уголья, без зрачка. Но хрен ими полюбишься, недовольство и сарказм во всём. Как сеньорита такую терпит у себя дома? Но та как будто не замечает, мягко ко всем обращается, как к помощницам, и честно говоря, местами, не как хозяйка, а как просительница, сделать ей великое одолжение, снизойти до неё. И Виктория с Верон с удовольствием бросаются делать всё, что захочется капризной избалованной барыне. Чуть ли не веером её обмахивают, пылинки сдувают. Ванесса тоже вроде с ними, и в то же время как будто ей смешно. Зачем тогда работаешь здесь. Бедняга Птерыч. Не хотел бы я такую дочь. А он ни сном ни духом. Видимо, не видит этой дикой разницы в родной троице.

И ничего они не мастерицы. У Виктории от волнения и излишка старания всё валится из рук: посуда, корзина с бельём для стирки, слава богу, детей она пока ещё не роняла. Вероника – славненькая, но сам наблюдал, как она помешала варенье в чай Далилы мизинчиком. Вылизывает пятнышко

на платье, сметает крошки на пол. Простовата.

Ванесса, без комментариев. Студент на подработке в одну смену. За пивасик и чипсы. Что-то есть в ней раздражающе-хрисандельское, но босс, чеес, гораздо более менее. Малавка. Маленькая чертовка. И на Птерыча бывает прорух, от шедевра не всё шедевры.

Хрисанф шепчет Арсену.

– Ты ещё сыновей моих старших не видел. На днях приезжают. Познакомишься с ровесниками. Как молодёжи не тусоваться.

Арс, вспомнив сплетни об Айнаре.

– Нет, уж, увольте, благодарю покорно.

Босс заливисто смеётся на всю кухню и получает тычок от жены, которая в то время мирно упивалась первым в виде мясного супа на косточке, вторым в виде итальянской пасты и между этим холодцом, салатом и печеночным тортом, сварганенным той самой Ванечкой.

– Кушай-кушай, яхонтовый мой! Не обращай на этих девочек внимания! Мы тут обделены сильно в мужском обществе, так что все ужасно переволновались!

Виктория с укором.

– Александр, как можно...

Вероника.

– Ха-ха-ха! Но он такой толстый и кому за 30 да?! Извиняюсь!

Ванесса.

– Этот чмырь? Кирсанов, вы что, белены объелись. Я пойду. Ей-богу, чаепитие у безумного шляпника. Дураки вы все.

Далила вставляет замечание.

– Вани, не выражайся в присутствии дорогого гостя. И да, ты на сегодня свободна, можешь идти домой.

Но далее присоединяется сатаной к мужу.

– Правда-правда, Арсенушка! Такой замечательный мальчик есть тут, Айнарушка Аичи и его золотой брат Айталушка! Я думаю, вы непременно подружитесь.

Ох! Всего полчаса, а столько возни.

Глава 45

Хрисанф не стал сильно задерживать Арсена, который одной половиной себя присутствовал в гостях, другой – витал в беспокойстве об Аэлите.

Провожая друга, Кирсанов из переднего холла скрылся на минуту в одной из боковых дверей и вернулся с одной из

младших дочерей.

– Это наша Урсик, мишка моя! Поздоровайся с дядей Арсеном!

Девочка была похожа на пупса с золотыми волосами и голубыми глазёнками.

– Пливет!

– Чкрк, моя сладкая! Она пока не очень понимает букву Р.

Арс сел на корточки перед малышкой и протянул ей свою ладонь, чтобы она пожала ему руку.

– Какая молодец! Она уже умеет говорить? И ходить начали так рано?

Хрисанф взял дочку на руки и стал поправлять ей розовые банты.

– Да, им нет года (есть временные несостыковки в повествовании). Я бы и с остальными детьми познакомил, но ты прямо весь на иголках. Понимаю. Я поеду с тобой. Только Далиле скажу. Айсенчик и Хайджи – задроты, как мама, играют в кубики, никак не оторвешь, и интроверты больше, не очень по части тусовок. А Милка, наоборот, вся в крестную, хлебом не корми, дай во всём разобраться, принять участие, сейчас помогает Камиле собрать игрушки, вся в процессе, на меня даже не взглянула, деловая колбаска, королевишна, тоже в мать. Правда, хороший дядя, Урсула?

– Холосий!

Арсен не удержался и засмеялся.

– Какая умница!

– Старшенькая же! Папина, мамина будущая помощница!

Да и сейчас всех на место ставит.

– В отца, наверное.

– Нет, они все в жену мою. Крепенькие и сильные, упертые и такие же красивые.

– Птерыч, по-моему, все твои отпрыски под твою копиру.

Агний даже обиделся.

– Это ты о старших... (понижает голос). Ну, они, конечно, не такие писанные расписные, как твоя дюймовочка. И воспитания у них никакого нет. Но что поделаешь.

– Ты опять не так понял. Моя чиполололо, конечно, вне конкуренции, гений чистой красоты для меня, но другие сказали бы, что ВВВ – просто бомба.

– Думаешь? (недоверчиво)

– Само собой.

Возвращает девчущку в детскую, по пути оповещает супругу о своих планах и они садятся в углозуба. Хрисанф за рулём, потому что Арсен довольно в расхлябанном состоянии.

– Спасибо тебе.

– За что?

– За то, что так хорошо отнёсся к моим внебрачным и брачным детишкам. Я видел, как ты переводил взгляд с одной на другую, потом на Далилу.

– На сеньориту я посматривал лишь из-за этой мелкой...

– Ванесса.

Хрисанф улыбнулся и они оказались в городе.

– Тебе не кажется, что она... Ну...

– Такая оторва?

– Ну... Сеньориту не волнует её поведение?

– Волнует, конечно. Тем более сейчас, когда признался ей.

– А тебя не волнует?

– У меня всё нет времени, чтобы ими заниматься. Я видел, как ты на них смотришь. Да, они, как несовременные. Древние, как бы сказала жена. Необразованные, недалёкие и тёмные. Короче, не сердись на них. Это они в меня тупенькие.

– Ну, не то чтоб совсем так. И ты Птерыч, я тебя никогда не считаю таковым.

Странный босс опять безобидно улыбнулся.

– Не утешай меня. Вероника даже таблицу умножения, как следует, не знает. И ты прав, они точно в гребаного папку, такие же свинюшки, как я, никаких манер, темнота. Я не помню своего детства, но, скорее всего, у меня тоже не было

никакого воспитания. И рос я в простой среде. Мы, не как, её святейшество, Далила великолепная, голубых кровей, а простые крестьяне и рабы.

– Ладно прибудняться. Никто из нас ложку не умел держать и все в штаны ходили до поры до времени.

Но Хрисанф как будто не слышал.

– Порой я тоже нахожу Викторию где-нибудь в уголке, взирающей на холмы, или на картину этим глубокомысленным печальным взглядом. Спрашиваю де, об чём думаешь. А она встрепенется как ото сна, глазками хлопает. Пустота. На то и хватает воображения, чтобы придумать: Вот, Александр, как считаете, может, серебро почистить, или занавески постирать? Иди, говорю, Далиле сказку по ролям почитай, это у тебя лучше получается. Ну, ничего, я собираюсь выставить её из дома, работу нашёл, пускай проветрится, мир посмотрит, итак дура была, а прислугой вовсе отупела.

Арс слышал от Аэлиты об затее босса после тёрки с женой.

– Птерыч, ну посуди здраво. Говорю это как абсолютно незаинтересованное третье лицо (в сторону: ну зачем опять эти гребаные потуги вершить человеческие судьбы, зачем оно мне, на кой?!). Вот ты сказал, что вы с Викторией как бы детдомовские.

– Вика не как бы. Она там выпустилась.

– И ты хочешь поступить с ней, как возможно поступи-

ли с тобой? Прогнать прислугу. Думаешь, там в модельном агентстве её ожидает что-то другое? Пожалуйста, головку налево, направо, а теперь раздвинь ноги. И она будет, Птерыч. Неважно где. Если её родной отец, даже если она об этом не знает, обращался с ней как с домработницей, она всю жизнь будет считать за норму, что должна всем прислуживать и что так ей и надо.

Кирсанов притормозил возле одного маркета.

– Но что ты предлагаешь? Можешь считать меня последней мразью в мире, но Далила для меня – важнее всего. Важнее детей. Я не хочу заставлять её страдать из-за моих прихотей и ошибок молодости.

– Дети – это не ошибка.

– Вот же умник нашёлся. Я их не на улицу выставляю. Слава Богу, Вероника наткнулась на такого же божьего одуванчика и придурка, как сама. Просто, Господь милосерден к ней! Я уж думал, что ни один мужчина не посмотрит в их сторону: такие они жалкие. Ан нет, нашлись дурачки, то есть один дурак дураком прекрасен. Так что вторую тоже сплавлю: уже мужнина проблема будет, а не моя.

– Хрисанф у тебя голова набекрень видимо. Вовсе они не жалкие и ущербные, как ты мелешь. Нормальные. Зачетные даже. Вот только меньшая... Она что, в колледж после 9-го? Почему она уже работает? В её возрасте не предпочтительнее ли учиться.

– Ванесса что ли? Ты что, решил, что она школярка? Ей восемнадцать. Виктории – двадцать, Верон – девятнадцать. Все совершеннолетние давно.

– Ой, кто-то в батьку пошёл.

– Кыш! Ни в коем случае. Просто сама недоразвитая такая. Семимесячная, или последствия родовой травмы.

– Ну... Может, так сказать, извиняюсь, телом. Но бошка у неё, по всему, варит гораздо лучше сестёр, если по твоей схеме рассуждать.

Босс нахмурился и направил ПУ в сторону квартала, где жил Арсен.

– Углозуб – такой же порядочный и послушный. Ты – бережный да. Мама Ванессы как раз-таки не очень умная. Она помогает нам, Камила, ты её видел, когда пришёл. Я, можно сказать, воспользовался её мягкостью в прошлом. И теперь расхлебываю. Но я не знал. Просто подумал, какая красивая девушка.

– Ты всегда так думаешь.

– Да, этой мой тик какой-то. Ирония в том, что она вообще не помнит меня, поэтому мы все как большая странная семейка. У Ванессы были отчимы и сейчас есть, и есть брат с сестрой, школьники ещё. Так что, понятно, что она меня ни во что не ставит. Я для неё просто кошелёк, чтоб подкопить денег.

– Мне слегка показалось, что лучше бы эту сплавить, как

ты говоришь.

Агний обречённо вздохнул.

– Куда? Кому нужны эти дуры и неудачницы. Жалкое зрелище. Сам же видел, какая она недотепа. Прямо, как от Далилы родилась, а не от своей родной матери.

– Сеньорите... Непросто, наверное, с такой.

– Далилушке моей? Ты что, моя Далила – святая женщина.

Арсен не удержался и выдал свой фырkokряк.

– Птеровна-то. Ой-ё.

– Не ё, а воистину. Ведь это из-за неё, все эти козы живут с нами. Именно после того, как мы поженились, на меня вдруг нашёл умный стих, и я, вдруг заделался папкой. И сыновья внезапно навалились и пропавшие дочери, а потом свои малыта пошли. Смейся, фыркай сколько хочешь. Для тебя я как ходячая комедия кажись. Далиле, конечно, всё это поперёк горла и она думает, что я это возвращение будучая делаю нарочно, чтобы позлить её. Себя адекватно не оценишь. На деле, сама же и является источником всей этой кучи-малы. Объясняй, не объясняй. Как и ты. Своё городит. Бывает и такое, что соберёт вещички в махонький пакетик и объявляет, что уходит от меня, что ей не нужно от меня ничего: ни я сам, ни наши дети – ничего. На полном серьёзе. Я, конечно, на стенку лезу и из кожи вон.

– Птерыч, точняк Калитка сказанул, по вам можно стендап снимать.

Хрисанф посмотрел на Иванова, как недавно его супруга старалась на него смотреть: как на что-то, не достойное комментариев.

Глава 46

Они вошли в квартиру Арсена и продолжили разговор в ожидании вестей от Аэлитиных хитников. Хрисанф, пользуясь случаем, отводил душу, а Арсу хотелось хоть как-то отвлечься от тоски по его чиполлинке, слушая странности своего босса.

– Есть что пожрать?

– Только полчасика назад смена трёх блюд была.

Но Кирсанов уже рылся в холодильнике парня и нервно начал стрелять в сковородку одно за другим яйца, поставил в рисоварку рис, чтобы потом пожарить его с овощами и курицей.

– Позор какой-то! Ты меня кормишь лучше чем эти растяпы. Женщины называются.

– Птерыч, не будь древним, как говорит Далила. Нормально и вкусно всё было. Мне понравилось. Я многое чего не умею из того, что у вас было. Аэлитка, например, вообще не

кулинар и что. Я и одёжку её стираю, и глажу, и не вижу в этом никакой трагедии. К тому же, разве сеньорита у тебя по этой части?

Агний буркнул, бухая в кастрюлю наскоро технично нарезанное мясо.

– Нет. Но это же Далила. С неё другой спрос.

– Какой?

– Никакой.

– Хмм... А она вообще что делает по дому?

– Как что? Она – хозяйка дома! Замечательная многодетная матушка. Она со своей мамой читают стишки, потешки, прибаутки, книжки разные, вот и наши ребятки стали чуть пораньше гутарить. Я и впрямь, только на наседку гожусь: кормлю, чищу, спать укладываю, за здоровьем слежу, а Далила – человека воспитывает. И из-за того, что у нас смешанные корни, малыта понимают несколько языков уже по чутью. Она и со старшими занимается. Виктория была издерганная, когда к нам поступила, как робот, как ложка в отсеке для столовых ложек и ни-ни: где поставили там и стоит, и пугливая, что твоя лань. Но рядом с моей женой время оставливается и растекается ленью, в хорошем смысле этого слова. Гораздо спокойнее стала Вики, перестала во сне зубами скрежетать. Веронику, наоборот, чуть приструнила. Та ещё хвастушка, болтушка и растрепана, ну как я, что скрывать. Более менее варежку теперь контролирует, хотя со стороны

может и вовсе не так: мелочь, но для неё гигантский шаг в космос. Ванесса поначалу воровала. Знаю. Ужасно. Но Далила посоветовала мне давать ей что-нибудь из Далила Катс, да и от своего барахла что-нибудь наскребёт. А Несс – та ещё сорока, не гляди что эмо, обычная женстинка. Перестала таскать же. Нам не жалко, просто это же некрасиво. И это тогда, когда она вообще не знала, что они мои кровь от крови. Я тайком плакал. Скажешь кому-нибудь – убью. И так считает меня тряпкой и сморчком. Не в том смысле. Правда, когда ссоримся, начинает пилить и хныкать, что живёт здесь на птичьих правах, что не нужна мне и нафиг не сдалась и опять же начинает собирать крохотный пакетик.

Арс внутри угорает, представляя.

– Тебе вот смешно. Мне – нет. Всю ночь потом не сплю, как помиримся. Всё думаю: что сделал не так, где промахнулся.

– Ты слишком балуешь её.

– Ну, конечно!

Энергично мешает деревянной лопаткой стручки фасоли, гору лука, чеснока и перца в приличной порции масла.

– Далила не разрешает мне увлекаться острым и жареным.

– Ой.

– Ну, как рекомендация.

– Ой.

– А что прикажешь делать! Если б ты знал, что иногда я просыпаюсь весь в холодном поту ночью от кошмара, что мужчины её семьи схватили меня и выкинули вон.

– Ой.

– Я живу в постоянном стрессе из-за того, что не соответствую параметрам её рода. Чтобы не ударить лицом в грязь. Если я не буду заботиться о ней так, как они заботятся, то меня просто сольют в сток.

– Никто тебя не сольет. Опять ты всё намудрил в своей странной голове. Если хочешь знать, люди бывают счастливы, когда спровадят своих детей куда подальше. Акт приёмки-передачи. Мавр сделал своё дело, свобода. Это норма у людей, если ты не в курсе: выталкивать спиногрызов из гнезда. Её родня тебе бесконечно благодарна, наверное, что ты избавил их от этого балласта.

– Вы с Далилой точно соулмейты. Она то же самое толкает. А с чего ты на меня напустился из-за Викушки тогда? Я ведь тоже по законам природы.

– Ну... Не знаю. Поступай как знаешь. Это не моё собачье дело.

– Ах ты хитрожопый гадёныш. Во всяком случае, я прям трясусь оттого, что мне приходится выделяться перед ними, изображая состоятельного учёного-изобретателя, а на деле гроша ломаного не стою.

– Ну, сделай каминг-аут, признайся, что ты придурковатый конъюгат.

Хрисанф чуть не огрел своего любимого ученика скалкой, которой раскатывал тонкое тесто для гедза: он не на шутку завёлся и просто строчил эти пельмешки, как из пулемёта.

– Тебе бы только угорать с меня! Далила не любит такие пельмени, тайком кушаю. Но и потом она жалуется, когда засечёт при поцелуе.

– Кстати, как они это... Нашествие внуков и племянников приняли?

– Как-как. Разумеется, с великой радостью. Чуть на руках меня не носили. Да и носили. Ведь мы все смирились уже с тем, что у нас женой не будет детей. И тут. Старик со старухой на склоне лет стали выпускать крокусы любви.

– Ей-ей!

– То есть они думают, что мы прибегли к суррогатному материнству в комплекте с ЭКО, и скрывали это до поры до времени, чтобы не сглазить. Поэтому у нас четверня и пятерня. И две параллельные суррогаточки.

– Ей-ей. А ваши дети однойяцевые?

– Нет, но поскольку вы все идиоты и поёте в одну дудку, что малыши в меня, то все так и думают.

– Дела!

Они уже трескали яичницу, жаркое, гёдза, салат и даже налили себе по капле красного вина, что притащил с собой Кирсан, в сок.

– Так и живём.

– Птерыч, недурно. Нормально.

– Я чувствую себя, как тот славный малый, что вокруг большого пальца семь раз кружится. Чтобы быть этим самым нормальным семьянином.

– Но ты ведь рождён для этого.

– Не иронизируй! Оф кос! Ни за что не отступлю.

– Ей-ей!

– Вот вам с Далилой смешны мои рвения. Я ходил на тот концерт, где ты своей маме букет принёс.

Аосен покраснел, как свёкла, и ничего не пришло в ответку этому проклятому боссу.

– Что, теперь твоя очередь да. А как твой папка танцует! С тех пор я только так и припрыгиваю перед моей драгоценной.

– Птерыч, прекращай.

– А что? Без шуток. Мне очень понравилось представление. Сам передал букет через одного мальчонку твоему отцу, отныне я его поклонник. Вот каким надо быть мужчиной, чтобы завоевать такую женщину и воспроизвести на свет такого прекрасного сына. Я всегда ищу примеры хороших союзов, чтоб верить в основы и фундамент моих с женой отношений. Типа, есть же в мире любовь.

– Птерыч, не то.

– То, то.

Арс всегда смущался своего происхождения. Хрисанф верно подметил про его отца, артиста балета, и мать, оперную певицу. И тут он, как верно подметила дочь рядом с ним сидящего: толстый за ЗО, или как описала Кира: широкий и просторный. Ну, как из кистей выпал.

Наверное, поэтому мне не понравилась та колючка. Му-танты мы с ней.

– Ну, вот видишь. Всяк достоин уважения. Даже моя маленькая карманная монстрика. Что поделаешь, уродилась.

– Сорян.

– Не за что. Понимаю. Слава богу, дочери – не сыновья. Легче мне с женщинами. Где мужик – там и напряжёнка начинается. Пусть дуры и невежи тёмные, особо на меня не наезжают, поэтому я рад-радехонек, что они не знают правды. Я могу хоть как-то быть ближе с ними. Поздняк, уже что-то наверстывать, да, поезд ушёл, взрослые самостоятельные люди, но благодаря сердцевинке моего сердца, как будто для меня сделали исключение, дали шанс, хоть на миллимоль быть рядом с бисеринками чего-то хорошего от меня. Можешь не встречаться с моими увальнями от первого брака, это я пошутил. В отместку, что ты критиковал моих несовершенных дитяток. Они ни в чём не виноваты. Один я виноват.

– Что ж. Думаю, с тем, который адекватный чувак, можно побеседовать.

Агний с нескрываемым удовольствием хлопает Арсена по плечу.

– Ну что за идеальный мальчик! Вестимо, от таких-то!

– Хрисанф, хватит уже!

– Господи, как вы с Далилой похожи! Оба из хороших семей, голубокровные.

– А почему твои сыновья носят другую фамилию?

– Это фамилия их рода. Они же внуки Арания Аичи. А Кирсановы мы – относительно недавно.

– А если по-другому было б. Они были бы как: Айтал Хрисанф.

– Да, хрисанфийские. Айтал – сын Хрисанфа. Но я согласен, что они – Аичи. Их вырастил и воспитал дед. Это дедушкины внучата. У них есть только биологические родители.

– А почему сеньорита зовёт тебя Агний?

– Не зови меня так. Запрещаю.

– Но это же твоё имя. У тебя двойное имя.

– Да. Но только Далила может меня так звать. Когда остальные – мне неприятно.

– Почему раньше не сменил?

– Как сменишь. Это тебе не Александр Птерович.

– Хмм... Непонятно.

– Ну это как. Я же не зову твою девочку чиполлинка, или луковичка моя, или там зеленоглазочка моя, Аэлита премуд-

рая и распрекрасная.

– Стоп! Понял, гребаный Хрисандель.

– Когда Далила обращается ко мне, я весь просто как подсолнух на солнце становлюсь. Ну ладно, дальше всё, слишком маленький.

Как и я с Аэлиткой. У них есть свой собственный любовный мир для двоих.

Глава 47

Хрисанф возвратился домой довольно поздно: почти была полночь. Далила ещё не ложилась, с озабоченным видом стояла к нему спиной возле небольшого комода.

– Я думала, ты не придёшь сегодня.

– Этот какашкоед не заявился, так что в случае чего, оставил там Киру, всё думал о тебе, не мог же я допустить, чтобы ты ночевала одна.

Он уже по пути к ней сходил в душ и поменял одежду, натянув домашний гарнитур.

– Не так уж и одна. В доме полно людей.

Она поцеловала его и потянула к выдвижному ящичку.

– Вот, не теряй (протягивает те самые затерянные носки). Я их постирала, правда хозяйственным мылом, так что если не нравится запах или структура, можешь перестирать. Хотя

там есть пара катышков, так что ты, наверное, уже не будешь их носить. Я сама хотела, но мне чуть больше в пятках.

Далее она прошла мимо него и стала копаться в своём зеркальном столике, стараясь найти какой-то предмет среди кучи маленьких женских вещичек, которыми она не особо пользовалась.

– Где-то здесь было новое складное зеркальце, симпатичное такое... Весь вечер ищу... Что за какашкоед? Что за странное...

Параллельно пытается вспомнить знакомых копрофагов. Агний, видя, что жена в "бытовой отвлеченности", сбежал в свой кабинет и вернулся с деревянной небольшой коробушечкой.

– Вот.

Далила открыла крышечку, там было красивое зеркало с ручкой, инкрустированное разноцветными камнями и узорами.

– Это из Индии друг привёз. Вместо твоей пропажи сойдёт?

Она ткнула его в его наметившийся живот.

– Ты как Пеппи!

– Ну Далила! Просто запасливый!

– Это эксклюзив же! И дорогое. У меня было пластиковое, на обороте с изображением современной девушки.

– Завтра будешь искать. При дневном освещении. Ночью твоя куриная просто зашкаливает. Иди ко мне.

Обнимает.

– Я не себе. У меня сто зеркал. Валялось, поэтому подумала, что больше подойдёт молодёжи. Компактное, чтоб с собой носить. Например, Ванессе.

– Обойдётся. Хватит копошиться. Дай ей это индийское и всё тут.

– Нет, это мне. Положу сюда пока что.

– Опять заныкаешь и потеряешь.

– Что тебе жалко что ли...

Она опять озаботилась, теперь сканируя поверхности на предмет собственной расчёски.

– На пол что ли упала... Помоги мне сдвинуть столик, она туда закатилась, видимо...

Хрисанф легко убрал стол, но там ничего не было, кроме комков пыли и старинной советской чёрной невидимки. Агний время от времени прибирался в их комнате, так что было не особо ужасающе, но Далила расстроилась.

– Чем же я завтра буду...

Он не выдержал, схватил её в охапку и усадил на подоконник перед собой.

– Хватит уже мельтешить туда-сюда. А то прям как старуха. Не надо ничего делать, смотри на меня.

Она посмотрела на него и немного успокоилась.

– Ну ладно, давай спать, поздно уже.

Но он не отпустил её, одной рукой расплетая её косу, другой придерживая лицо к себе, в свою сторону.

– Я рано встану и поищу. Найду.

– Хорошо. Что за какашкоед?

Хрисанф засмеялся, зарываясь носом в её волосы.

– Тутти! Арсен так его называет. Он проник в здешнюю башню Стэнли, где его ученик дежурил возле Аэлиты, и развлекался от скуки восстановлением яблока.

– С ней всё в порядке?

– Я же уже говорил, что да. Лучше о себе позаботься. А то витаешь где-то...

Он дотронулся её невольно сжавшихся кулаков, большим пальцем внутрь, покоившихся на коленях. Она не возражала, поэтому муж расцепил её руки и устроил у себя на плечах, чтобы они обвили его шею и стали любопытно щупать его волосы.

– Опять ел всякую бяку?

– Ничего не бяку. Чуть покушали просто.

– То-то живот у тебя торчит.

– Ну, Далила. Уже ходил в туалет. Ещё схожу...

– Фу! Ты ещё пил что ли.

– Капельку домашнего красного. Почти детский сок, ноль градусов. Если не веришь, у Арсушки спроси.

– Нормально так вы кутили у твоего любовничка, нашли повод.

– Ну, жрал, да. Всегда же жру. Не могу ПП. Но вино было действительно вот столечко.

Показывает на мизинце точку.

Она освобилась от его объятий и полезла в постель, где из-под подушки вынырнула её расчёска, немерено обрадовав хозяйку.

– Иди сюда.

Агний не заставил себя ждать, сделав в воздухе переворот, как дельфин.

– Опять кровать подо мной сломается, тише.

Далила знала, что он ушёл с Арсеном немного не в том настроении не только в солидарности с состоянием друга, но из-за своих собственных траблов.

– Много сплетничали?

– Ну. Этот парень выводит меня на чистую воду.

– Ко-ко-ко. Наверное, Далила такая-сякая, не умеет готовить, ничего не делает.

– Поэтому ты устроила стирку?

В это время она обнаружила, что у него пробились тёмные волосы на макушке.

– Да, иначе думала, что ты меня бросишь. А сейчас вот буду в роли хорошей жены.

Она сообщила ему о своей находке. Муж обречённо закатил глаза.

– Господи, теперь буду пятнистым, как птенец страуса, смех да и только. Айка, не буду красить, так и буду ходить, как последнее чмо. Ненавижу это тело, оно слишком автономное!

– Что хочет, то и делает?

Далила, смеясь, запустила пальцы к нему в подмышки, чтобы он не расстраивался по таким пустякам.

– Да! Натурально! Дети во сколько спать легли?

– В девять ноль ноль. Ванесса уехала домой, Вероника к своему парню в общагу, Виктория у себя, сказала, что будет сторожить сон малышей.

– Я про наших спрашивал.

– На кухне я поставила травяной очищающий чай, мо-

жешь сходить выпить. Но он из готового пакетика.

– И в самом деле.

Агний выскочил и побежал на нижние этажи. Через несколько минут уже лежал расслабленным возле неё.

– Ну, теперь я не такой грузный.

– Да, я туда добавила ещё фильтр с успокой-сбором, так что спи.

– Ах ты ведьма.

– Отдыхай, любимый. День был слишком длинным.

Через минуту муж уже спал, предусмотрительно обхватив её своими длинными руками и ногами.

Далила, защитная подушка моего сердца. Даже во сне я думаю о тебе. Ты не хочешь, чтобы я до трех перемалывал свои ошибки. Включая свои ходячие, дышащие ошибки. Когда ты так повзрослела, чтобы отвлекать меня от самого себя? Но не расти слишком быстро. Не будь Аэлитой. Оставайся моей наивной медлительной черепашкой.

Глава 48

Утром.

– Сверху должен быть я, женщина.

– Кто возражает.

– Во всех смыслах.

– Я не против.

– Так что выкинь в мусорную корзину эти все новенькие свои замашки и методы.

– А у меня ничего и нету такого.

– И это тоже.

– Я – мужчина, я справлюсь. Лучше Арсушку пожалей.

– Не смей меня, пожалуйста.

– Вот так! Так-то лучше.

Агний помог ей разобраться с её запутавшимися за ночь волосами.

– Кто-то пару минут назад говорил, что он здесь главнокомандующий.

– Но я же твой муж, а не какой-то чужой прохожий. Господи, как говорит Арсен, как так можно исхитриться... Твои ведьминские гены слишком сильные.

– Сама ненавижу. Поэтому лучше спать с косой.

Хрисанф на секунду задумался, чего лишается.

– Но время от времени мне надо бывать и с ведьмой.

– Ну ты и кобелина.

Честно говоря, не подумайте что-то чрезвычайно сверхъестественное. Хоть это и несколько фантастическое повествование. Ничего особенного они не вытворяли. Их цветочно-букетный период давно прошёл, да и тогда они были бо-

лее менее скромны, потому что только только познакомились.

– Кто кобелино! Где? Покажи мне!

– Агний, перестань дурачиться! Наш конфетно-букетный уже прошёл!

– Ах, ей сладкого захотелось! Сладенького захотелось!

– Ты обещал приготовить мне глазунью и лазанью на завтрак!

– Лазанью, говоришь!

– Не играй словами! Айка, слезь с меня, ты тяжёлый!

Это была правда. Он мог быть чрезмерно тяжёлым, но с ней он всегда отбрасывал свои грузы, то есть не желал, чтобы она хоть на миллимоль чувствовала хоть какую-нибудь тяжесть с его стороны.

– Прости, любимая! Больно?

– Нет, я же шучу.

– Осторожнее волосы.

Чуть ли не по одной штуке бережно расставляет её патлы в сторону, чтобы не попали под её спину, или под его корпус и не выпали. Ведь они и так выпадали без чьего-либо воздействия.

– Я же говорю, чтобы ты была сверху, если я давлю.

– Агний! Не зли меня.

– Ты такая хрупкая, что я...

– Заткнись уже.

– Но я уже не могу, Далила. Хорошо упрусь о своё тело, чтобы...

– Я сейчас уйду, если ты ещё будешь возиться.

– Ну, ладно.

Занимаются недолго своими утренними делами.

После лежат в лучах восходящего солнца, заливающих через большое окно.

– У тебя месячные начнутся сегодня.

– Да?... Я думала, на днях.

– Я буду скучать.

– Да ладно тебе. Я же тебе всегда помогаю.

– Но всё равно я буду скучать.

– Ляпни, что ты уже скучаешь рядом со мной.

– Уже скучаю. Но не злись, не в том смысле, как ты сердишься. А в том. Miss you. Я слишком люблю тебя.

– И из-за этого тебе грустно.

– Нет. Просто я слишком жадный. Я хочу чтобы мы были вечностью. "С любимыми не расставайтесь, с любимыми не расставайтесь, с любимыми не расставайтесь. И каждый раз на век прощайтесь, когда прощаетесь на миг". Это стихотворение так мне подходит.

– Раньше я не понимала его. Просто, звучало торжественно как будто.

– Я каждое мгновение так с тобой чувствую. В хорошем

смысле. А когда ты не рядом, начинаю сходить с ума и думать, что тебя у меня никогда не было. Так мне грустно без тебя.

– Ладно, тогда обними меня покрепче. Вот видишь, я вполне материальная, и совсем не дюймовочка, не исчезну. Буду надоедать тебе, сколько твоей душе угодно.

– Об этом я и пытался сказать с утра. Чтобы ты всегда была.

– Я была, есть и буду. Ты от меня не избавишься.

– Моя.

– Ну, начинается...

– Что поделаешь, я тоже простой обыкновенский человек. Давай, ещё успеем, пока у тебя кровавые слезы о несостоявшейся беременности не начались.

– Агний! (шлепает ладонью по его лопатке)

– Молчу-молчу.

Глава 49

Арсену не спалось. И Хрисандель набил до отказа, и всё ждал вестей от Аэлиты.

Понятно, что босс не хочет лишних проблем, и то, в прошлый раз, помог перекинуть туда, где она, вроде как, находится. Но с тем умыл руки, как говорится. Разве что, задумался, когда поведал о странной выходке с этим какашко-едом. Кира утверждала, что это произошло без её вмешательства. Но я, как будто, ничего не делал. Вообще, еле там

сном или духом присутствовал, но тот старикан ведь заметил. Конечно, я его и не так с башни спустил бы, но это же я. Я. У которого жену унесли самым спокойным образом. Блин, как в сказке. Придётся верить заверениям Хрисанфа, что всё с ней хорошо и она ко мне вернётся завтра. А что делать? Только это.

– Ку-ку!

– Господи!

– Это не бог, всего лишь Искандер.

– Что ты, блять, здесь делаешь?! Я чуть на тот свет не запульнулся!

– Похоже, ты не из этих. Вполне живым выглядишь. Но прости!

Корсун сидел на одном из стульев его маленькой кухни в чёрной атласной пижаме с нашивкой из медвежат по верхним карманам. Арс лежал в своей постели, но через дверной проём как раз была видна эта часть комнаты, куда падал свет от слабой ночной лампы, которую Иванов, на всякий случай, оставил включённой. Он сел на кровати, потом встал и, прошедши на кухню, подошёл к гостю, чтобы пожать руки.

– Здорово. Но какими судьбами, всё-таки?

– Ну я это... Забыл.

– Аа... Всё ещё шпионишь.

Арсен хотел ляпнуть, что сейчас это дело приняло круговой характер, но вовремя сдержался.

Определись уже, кто твой шеф.

Корсун, беззаботно улыбаясь, негромко щёлкнул пальцами и загорелся свет.

– Так лучше. Я не очень люблю, когда темно.

– У тебя что, дистанционное управление моим домом?

Искандера это развеселило.

– Нет. Я ещё об этом не думал! Это простой фокус. Электричество очень чуткое само по себе.

Может, ему по приколу, но сегодня я не в настроении восторгаться чем-либо. Хоть вторжение инопланетян. Всё, что нужно мне на данный момент – это моя Аэлита.

Корсун, видимо, кое-что понимал, поэтому несколько минут молчали.

– Есть что-нибудь...

– Поесть? Посмотрю, должны быть остатки.

Ему кушать не хотелось, но он подогрел гостю жаркое с рисом и нарезал немного салата из овощей.

– Есть харта холодная хочешь (деликатес)?

– Конечно! Неси!

Искандер с удовольствием начал именно с этого мясного блюда.

– Мм... Я, наверное, как дурак. Итак каждый день только и делаю, что хожу по всяким ресторанам, где подают традиционное. Сначала, родственникам надоедал, потом – старым знакомым, а теперь вот уже и к тебе.

– Ну, ничего.

Арс хотел добавить, что он может заглядывать к нему обычным человеческим способом, но вспомнил, что кое-кому этот не так уж и нравится.

– Прослушку, всё же, можешь убрать. Неприятно.

– Да-да! Я же говорю, как раз всё время где-то гуляю, домой только спать прихожу в последнее время. Совсем из головы выскочило. Ты же меня плохо знаешь, я очень рассеянный. Постоянно витаю где-то.

У Арсена перед глазами всплыла давишняя картинка, где этот чувак перекатывался на лугу, как счастливый жеребенок.

Что ж, вполне на него похоже.

– Так ты...

– Что?

– Ничего.

– Если ты об этом, я понял, что ты – человек Хрисанфа.

– Да ну.

– И что он тоже следил за мной. Впрочем, меня это не удивило.

– До какой степени ты понял?

– Когда он бывает у тебя, он ставит блоки на тебя и на себя, параллельно расстраивая связь. В принципе, последнее можно было и не делать.

– Так он знал и продолжает, чтобы я был на мушке.

– Скорее, невмешательство. Хрисанф предпочитает во всём держаться особняком.

– Ничего себе. Но что и следовало ожидать от него.

Корсун доел и неспешно принялся за свою газировку.

– Кое-что пришлось собирать по крупицам, когда он уходил отсюда и система восстанавливалась. В общем, мне жаль, что так произошло с твоей девушкой.

Арс ничего не ответил, убрал посуду в мойку и дал гостю бумажные салфетки. Затем он лёг в постель, как будто в самом деле собрался спать, а остальные пускай делают что хотят, раз в его квартире проходной двор и никто не желает считаться с его мнением, и вообще не видит в упор, что ему не сахарно.

Но буквально через пять секунд автоматически встал, машинально сел напротив ночного визитёра, уставился на него

и выдал.

– Слышь, давай слетаем к ней.

Искандер, не ожидавший такого внезапного напора, даже слегка не понял и ответно всмотрелся в хозяина дома.

– О чём ты?

– О твоих способностях. На культурно-эстетическую экскурсию уже ходили. Теперь – практикум.

– Эй-эй, попридержи... Я тебе не ковёр-самолёт.

Иванов сразу приуныл и, не удержавшись, опустил голову.

– Окей. Из того, что я смог соединить из твоих разговоров с самим с собой, помех при общении с Хрисанфом, ты уже был там сам. Где это?

Арсен оживился и попытался вспомнить свои полусомнамбулические проходы.

Ладно. Нет никакого доверия ни гребаному Хрисанделю, ни этому упырю-хипстеру. Но ради моей чиполлинки, это всё, что я могу сделать. Если не ради неё, то ради себя.

– Это такое место... Кирсан знает его. Во всяком случае, мне так показалось. Но мы мало говорили об этом. Он, как обычно, был озабочен своей женой и семейными делами.

– Знаю, продолжай. Ты тут причём только наполовину. Остальное – мне предназначалось. Чтоб напомнить, кто владелец Далилы. Чтоб я ни на минуту не забывал, кого она лю-

бит.

– Это здесь, в Якутии. Но я никогда такого не видел и не слышал. И вообще, переброска была такая... Мутно было всё. Как в туманном сне.

– Но что-то ухватил.

– Да, я был в круглом здании. Стены без углов. Не понял размеры в радиусе. Но запомнилось, что стены вот были из блестящего типа булыжника, или как будто из стекла, или такого камня... Я ощущал себя, как вата, но даже так эта кладка врезалась в память. Ни налёта, ни мха, ни плесени, очень аккуратно и как-то не по-местному. Вообще, у людей я такого не видел.

– Аа.. Я, кажется, знаю, где это.

– Знаешь?!

Это строение может быть припрятанным, как усадьба Кирсановых. Как этот физик может об таком ведать. Ведь в тот раз он, как бы, намекал, что не по части всего нематериального и ненаучного.

– Ну да. Я хорошо знаком с родными местами. Раньше объездил всё вдоль и поперёк. Я вообще люблю природу.

– Причем тут природа. Искандер, там какие-то интересенькие люди. Хрисанф велел ждать и не рыпаться, но я уже не могу. Чувствую себя виноватым и такое не должно было случиться с Аэлитой. Как она сама говорит, с ней никогда не случается ничего плохого. Но в тот день, она спала и к

ней была подключена капельница. Аэл может грохнуться с высотки и на ней и царапинки не будет. Теоретически. А тут её унесли прямо на моих глазах.

– Хмм... Тутти... Никогда не слышал о таком. Но тот старик, которого вы упоминали. Если я не ошибся. Стэнли?

– Да, это какой-то крутой чувак, что ни в сказке сказать ни пером описать. По мне так, вполне себе дедуля.

– Стэнли Фишермен. Это же коллекционер. Я нередко видел его на больших аукционах и однажды на одном блошином рынке. Он купил у меня набор ракушек, которые я собрал в Австралии, а потом не знал куда деть и выставил на продажу в интернете.

– Так вот дедок этот твой, по всей видимости, хочет завербовать мою жену, в общем, как все старики, решил, что молодёжь от жиру бесится.

– А что у тебя за девушка? Что с ней не так, или так?

– Если верить гребаным конъюгатам – отенкай.

– Даже! Я слышал об этом. Но конъюгатам это не так чтобы интересно.

– Неинтересно. Вообще, спасибо обойдусь. Она в качестве сюрпризного бонуса во всю эту компанию затесалась.

– Оппачки. Небезынтересное развитие событий. Но, как, ты, наверняка, понял, я не по этой части. Я здесь из-за своей работы, и в частности, из-за Далилы.

– Где же эта башня?

– В Море Лаптевых.

– Что?

– А ты думал в окрестностях Якутска? Это тебе не конь-югаты, шифрующиеся под местных.

– А кто?

– Хрисанф, наверное, объяснил как магов. Но ни он, ни я в это не верим.

Арсен вспомнил, как Тутти доставал из себя яблоко новеньким и свеженьким.

– Потому что вы другие поэтому, коммивояжеры. В Сибири многие считают подобное за норму.

– Сказал типичный холеный горожанин. Чтобы в это не верить, знать нужно столько, сколько твой любимый учитель.

– Он – не мой любимый учитель.

– А кто? Чем отличаешься от своей девушки?

– Да, кто ты такой, чтобы говорить мне такие вещи, явсья сюда без спроса.

– Извини. Перекрутил. Я же отсюда тоже. Я в сто раз лучше тебя знаю и язык, и культуру, и географию. И, может, даже вернулся б сюда насовсем, если бы не Далила.

– Сеньорита, прогнала тебя что ли.

– Вышла замуж. Сделала свой выбор.

Арс немного угомонил свой откуда не возьмись взявший-ся пыл.

Что со мной? Взрослые мужики. А я наезжаю то на одного,

то на другого.

– Кирсан сказал, что ты из рода Ворона Кукки. Что это означает?

– Что твой босс считает, что я прокачан с рождения. Он в грош не ставит мои открытия в области физики и раздражается из-за моей способности к телепортации. Ты разве не заметил, что он очень суеверный, и в каком-то смысле, набожный человек.

– Скорее, наоборот. Другого-то беспредельщика не сыщется в мире.

– Потом ещё увидишь. С Далилой эта его черта ещё более усугубилась. Для науки, а он – учёный, это не ахти как хорошее явление.

– Плевать.

– Кутх, это не птица в прямом смысле. Это один из перволюдей по одной из версий. Некоторые из них могли быть двигателями цивилизации. Другие считают, что они выполняют конкретные поручения Бога, помогая младшим детям. Есть поверье, что мой пра-пра-пра-и так далее мог оборачиваться в любого животного, в том числе и в ворона. Хрисанф завидует тем, у кого есть такие "замечательные" гены.

– Но разве он сам...

– Вот именно. Он отрицает свою сущность. И покрывает это провалами в памяти. Он такой же прокаченный, как и я. Очень возможно, что мы из параллельных аналогичных родов.

– Да, он упоминал. У Кирсана всё не как у людей. Однако он скептически относится к магии и себя таковым не считает. Он – конъюгат.

– Да. Но у него есть зверь. Который сейчас прячется в тебе.

Арсен почувствовал неловкость.

Этот упырь тоже прикрывается физикой, и сам тоже непростоватый.

– Откуда знаешь?

– Я тебя почти не знаю. Но чуть знаю твоего друга.

– Но у тебя ведь тоже есть секиры, или как там. Похожие слова.

Искандер смеётся, как будто стал свидетелем глупости дошкольника.

– Это совсем другое. Там искусственный интеллект.

– Ну что ж. Как ученик своего учителя я склонен не доверять всему, что мне впаривают.

– Точно!

Корсун выбрасывает вперёд указательный палец.

– Но нам пора в путь-дороженьку! В прошлый раз имел честь иметь удовольствие удивления от тебя. Поэтому я и пришёл сюда вновь.

– А?

– Я как бы имел наглость сказать, что умею брать с собой пассажиров в пространстве-времени.

– И?

– Как физик-теоретик я обязан выдавать блестящие теории.

– А как практик?

– На практике ты тоже оказался хорошим физиком.

– А?

– Не так чтобы много было желающих и я не из тех кто экспериментирует на ком попало. На тебе и царапинки не было. Ты случаем не из того же теста, что твоя крутая девушка?

– Нет, я Арсен.

– Арсен, я хочу с вами работать. Именно таких, как ты, я и искал.

Да ты шутишь. Хрисанделю это... Да плевать на гребаного. Но как я ему это впарю. Аа. Утка-то сольет же. Ну ничего. О чём бы они там у себя не мечтали, я всего лишь я.

– Почту за честь. Только не знаю, как. Я как бы занят. У меня своя работа, семья, и Хрисанф тоже как бы занимается мной. Но мне, как твоему одноинститутнику, разумеется, интересно.

– Тогда, поехали! То, о чём ты говорил, это маяк. Но он находится чуть дальше в море. Возможно, он мигрирующий,

но я бывал там пару раз: в детстве и отрочестве. Знаю координаты.

Корсун встал и разгладил рукава своей пижамы.

– Мне очень нужен смелый (харса суох) человек. Многие такие, но кому не хватает природных скиллов, у кого мотивация разнообразнейшая. Мне нужна именно такая безусловность. И наперёд: эти работы не только вдохновляют меня, я искренне верю, что они в будущем помогут и человечеству. Так что, не сомневайся. Тогда твоя дорога будет чиста и ясна. И на тебе не будет ни царапинки, ни боли.

Кто-то мне уже говорил подобное. Вот как, оказывается, все методики в фундаменте схожи, сложен только сам процесс.

Искандер схватил его за руку, и их как будто обхватило мощным потоком ветра.

Глава 50

Они попали как раз в то время, когда Аэлита обедала вместе с Тутти. На каменном полу была разложена простая еда, девушка была в просторной футболке Арсена, которую использовала в качестве ночнушки, и просто потому что не хотела расставаться с его запахом. Футболка сидела на ней, как широкое спортивное платье. Кругом был камень, но моло-

дым людям было, видимо, не холодно, и, судя по виду, весело.

– Который сейчас час?!

– А не всё ли равно. Какая разница!

– И в самом деле! Как вкусно! Что это?!

– Просто мелкая рыба с моря. Ничего особенного. Наловил с утра.

– Как классно!

– Наверное, ты всю жизнь жила в городе. И ела мясо из морозильников. Такой и бывает свежая рыба.

– Здорово!

– Ты всегда такая на эмоции? Когда я впервые увидел тебя, ты была довольно вялая.

– Ну я почти спала же! Попробуй эту водоросль, суперская!

Аэл взяла деревянные палочки от лапши быстрого приготовления и протянула их с зелёными морскими жителями ко рту сидевшего напротив паренька.

– Ням! Раньше не замечал, но так вкуснее оказывается.

– Как? Это на пару?

– Нет, когда тебя кормит красивая девушка.

Аэлиита вспыхнула на свой аэлитинский манер, но потом громко засмеялась.

– Какой ты смешной, Тутти! Знаешь, мне кажется, ты мог

бы сыграть следующего человека-паука!

– Это сарказм?

– И да! И ещё раз да, потому что ты выглядишь как одни из этих худых голливудских актёров! Ты американец?! Ты так хорошо говоришь по-русски!

– Это несложно. Скоро я научу тебя. И ты будешь знать все языки мира.

– Правда?!?! Ох, никто бы не поверил! Скажи что-нибудь на якутском!

– Махтал таптал (спасибо любовь).

– Ха-ха-ха! У тебя такой милый американский акцент!

Какая смешливая девчонка. Всё ей смешно. Или так инъекции подействовали? Нет, с другими я такого не наблюдал. Такая громкая. И такая бесстыдная.

Аэл сидела по-турецки на полу, скрестив ноги, и это было, как бы, не очень допустимо при её одеянии в присутствии малознакомого мужчины. Но после тех странных событий, ей всё казалось тем более нормальным.

– Тутти!

– Да.

– Тогда я что, поеду с вами?

– Да. Мы очень давно искали такого оттенка, как ты. Это непременно. Ты должна поехать с нами. Но ничего не бойся,

я всегда буду рядом, как твой инструктор, и надеюсь, в дальнейшем, как твой друг. Увидишь белый свет во всей красе. Неплохо же?

– Ха-ха-ха! А ты в меня не влюбишься?! И перестань смотреть на мои ноги!

– Извиняюсь.

Аэлита изменилась.

– Как здесь хорошо! Так тихо и шумно одновременно!

– Что ты думаешь о нашем предложении? Что тебе сказал мистер Лавшики?

– Дедушка Ли?! Это тайна двоих!

Тутти нахмурился и чуть почесал кожу под своей футболкой.

– У нас нет секретов друг от друга в нашей компании.

– Не беспокойся! Дедушка приличных правил дед! Он ничего такого мне не говорил. А если и говорил, то я не поняла!

– Аэлита.

– Я вся во внимании!

– Мы предупредим твою семью, друзей и близких. Будет оформлено так, как будто ты уезжаешь учиться по обмену.

– Ну так и будет ведь!

– То есть всё в порядке? Тебя здесь ничего не держит?

– Нет! Мне хорошо и удобно везде! Мир и есть мой дом!

– Мило. Ты очень милая девушка, знаешь. Ты мне сразу понравилась. С первого взгляда.

– Ты мне тоже! Ты такой симпатичный и умный! Мне нравятся такие!

Тут надо сказать, что Тутти не любил тянуть кота за хвост. Его учителю не очень нравилась эта его черта, но зато другие таланты заставляли прощать мелкие мужские недостатки.

Он протянул руку к ней через их напольный стол и дотронулся уголка её алых губ.

– Куколка.

Девушка невольно склонилась в его сторону. Он весь вытянулся, чтобы, пользуясь случаем, поцеловать, но в самое ответственное мгновение, Золотарева со смешинкой отвернулась в сторону, и он попал в её волосы.

– О, боже, эти волосы!

Но его возбуждение осталось для неё где-то внизу маяка, на дне моря. Она не переставала хихикать и стала кидать в него остатки еды и морских ракушек.

– Ты такой смешной! Прости, я не могу ни на чём сосредоточиться.

Тутти никогда не влюблялся в девушек, с которыми встре-

чался.

Неужели, меня настигнет участь моей мамы. Что, так просто? В эту мелкую моль? Не может этого быть. Это просто наваждение. Эффект отенкая.

Глава 51

Корсун взирал на Арсена, который молча сидел на пуфике, где в прошлый раз обозначился Искандер, и его взгляд застыл на шероховатом рисунке на полу. Гость понял, что лучше оставить парня одного, но тем не менее сказал.

– Прости, что так получилось. Я не мог знать.

– Ты-то тут причём.

– Ну я пойду.

– Как знаешь. Пока.

Корсун исчез и Арс телом почувствовал, как в него проникает депрессия.

Вот как это бывает. Меня расстроил даже не этот какашкоед. И не то, что они чуть не поцеловались. Но потом ещё прошло немало времени и минут. Искандер потащил нас в прошлое. Это было днём. С тех пор молодая кровь могла успеть всё, что угодно. Кто угодно мог ей понравиться, кто угодно мог её совратить. Это мог быть и Хрисанф. Для него это было бы всего лишь любопытным развлечением. Врёт он про неприкасаемость отенкаев: похоти хватило бы сесть на любой цветок. И она могла бы вернуться к своему колобку.

Неважно, с кем она. Я ведь знал, что не достоин её. Даже, если б она была обычная девчонка, я – просто жалок.

Меня расстроило то, что это больше не та моя маленькая наивная чистая чиполлинка. Это другая женщина. Она даже меня стеснялась. Всегда ей надо было набраться храбрости, собраться духом, чтобы сделать что-нибудь такое, что сейчас посчитает пустяком. Я считал, что мы в чём-то похожи и всё у нас впервые в нашей первой неловкой стеснительный любви. Можно было доверять друг другу эту свою слабость, своё незнание, доверять с доверием друг другу себя. Как первопроходцы на иноземной орбите. И такое это было откровение, такая чистота порывов, открытость душ и сердец.

Наверное, мне всё это приснилось. Со мной никогда ничего такого не бывает. Я просто проснулся и увидел вещи в их истинном облики.

Я слишком запоетизировался. Наверное, заразился от гребаного Хрисанделя его песенками о любви. Но я ведь встретил её раньше. Именно конъюгация помогла мне заметить её, раскрыться, отдаться. И что взамен?

Всё так и должно было закончиться. Я просто не достоин чего-то хорошего. Тем более, её.

Что с тобой сделали, девочка моя? Что случилось? Почему я не могу спасти тебя? Арсушка-супермен. Как насмешка да. Теперь ты нашла истинного спайдермена, героя. Но и он для тебя будет мелкой рыбой. Что с тобой случилось?

Как же мне быть. Ты стала, как чужая, а я продолжаю тебя

любить.

Глава 52

С тяжёлым сердцем к четырём утра Арсен, наконец, забылся сном. Но в шесть заявился Хрисанф и потребовал Киру.

– Бери и проваливай.

– Чего?

– Проваливайте все. Может, по буквам расшифровать. Убирайтесь из моей жизни. Вы мне надоели хуже горькой редьки.

– О, как.

Агний прослушал Киру и, подумав, пошёл к дверям. Арс, как лежал, на боку, накрывшись по самые уши одеялом, так и оставался большой чуркой, выдававшей признаки жизни только редким дыханием.

Кирсанов вздохнул и, вернувшись на кухню, посмотрел на стол с выражением: ну почему я должен это опять расхлебывать.

Затем он вышел в магазин и минут через десять вернулся в квартиру с полным пакетом продуктов.

Приготовлю что-нибудь лёгкое. Вегетарианское. Брокколи, шпинат, фасоль, зелёный лук, брюссельская капуста. Не густо. Но это тебе не солнечная Италия или богатый Китай. Просто отварить. Промыть. Остудить. При слезах ком

в горле. Ничего не лезет. Мне ли не знать. Самому знатному обжоре на свете. Чтоб всё проще. Воду вскипятим, охладим. Чуть капельку сахара, чтоб не горчило. Овощи без соли. Итак полно в организме при грусти.

Может, всё-таки, куриный бульон? Далила любит супы. Ещё эту отборную клубнику положу вместе с кусочками бананов и прохладными сливками. Или это напоминает о любви и ещё больше раздражает? Нет, отложим. Тогда киви. Господи, это напомнит эти треклятые глаза. Как всё сложно.

– Эй, ты сопля в километр, хватит валяться, вставай, форма полная!

Ответа нет.

– Мне что, вытурить тебя оттуда, или выкурить.

– Заткнись и проваливай.

– Вообще-то мы не в конъюгации и, как бы, я старше тебя и, не забудь, что я твой работодатель, так что хватит тут браниться.

Ответа нет.

Агний опять вздохнул, подошёл к постели и без особых церемоний сорвал одеяло страдальца вон.

– Натуральная Далила. Ну что мне делать с тобой? Уж поцеловать что ли.

Хрисанф в самом деле изящно наклонился к уху своего

подопечного, и хоть тот пребывал в весьма мрачном непри-
сутствующим-в-этом-мире настроении, дыхание и близость
губ привели его в чувство чуть ли не моментом море.

– Ты это чего?!.. Совсем рехнулся!

Арс подскочил на кровати и дальше тотчас успел спрыг-
нуть на пол подальше к окну, хотя и не отличался особой
проворностью.

– Ну, довёл же. Крайний маневр. Пришлось. Клин клином
вышибают.

– Птерыч, ты вообще... Неправильный чувак, я тебе ска-
жу. Тебя надо запретить. У тебя никакой морали, никакого
уважения...

– Ладно, вижу, язык и тело у тебя вполне ожили, так что
хорошо что я сварил курицу, а то у меня только отварные
овощи были.

Поели. Чуток набрались сил. Заморили червячка.

– Прости за это, бро. Ничего ведь не было. Ты же знаешь,
что я облигатный, узкопрофильный Далилосексуал. Но ты-
то меня знаешь. Воот. Зато подействовало. Не люблю тянуть
кота за хвост. Ну как ты? Я тебе вот ещё заварю чаю с шипов-
ником. Аскорбиновая кислота – та ещё алхимия, друг мой.
Надо только правильно всё приготовить.

Арсен молчал, а Хрисанф по обыкновению разглаголь-

ствовал.

– Не мне ли не знать сердечные потуги. Каждый день в этой каше варюсь. И это, если не хочешь общаться со мной – замётано. У меня есть Калитка, Кузька мой любимый. И жена, и дети, и ещё дети и так далее. Как-нибудь переживу. Можно вполне полноценно жить и без друзей. Просто не мог оставить тебя сегодня в таком состоянии. Просто не могу, извиняй.

Арс мелкими глотками пьёт горячий чай.

– Вот что случается, когда связываешься с этим упырём. Одни неприятности. Он хороший плохой парень. Весь такой опрятненький соблазнительный. И видишь, до чего он тебя довёл? Ты весь серый и пахнешь порохом. Нехорошо.

– Корсун тут ни при чём.

– Ай-яй-яй. Мой любовничек, как говорит Далила, изменил мне и стал свидетелем другой измены.

Арсену на минуту захотелось засунуть голову босса в унитаз, но через секунду силы опять покинули его.

– Кстати, сегодня они наверное проведает тебя. Раз Аэли-та всё решила. Так что приберись тут, а я пойду. У меня всё-таки семья, работа, собственная жизнь.

Ответа нет.

Возле дверей.

– Ты рано опускаешь руки, чувак. За любовь надо бороться. Может, это ни к чему не приведёт. Но лежать тут, как барышня, и проклинать весь мир – тоже смешно. Ты же – мужчина.

Глава 53

Хрисанф озабоченно въехал в ворота их дома, думая, как же быть теперь с группой "Патлы" и вообще. То, что Аэлита решила уехать на стажировку, ему даже, честно говоря, понравилось.

Мне страстей убавится, да, и если она определилась, лучше ей быть с теми, кто ей всё объяснит и поможет, чтоб не была ёжиком в тумане. Но парня жалко, конечно. И как их угораздило встретиться друг с другом. Также, как и столкнулись Далила и Искандер. Что поделаешь. Он наверное обзывает меня фаталистом. Где он, там и неприятности.

Далила уехала по своим книжным делам, поэтому он сходу решил разрулить дела со старшими дочерьми. Далила помешает нашему разговору, лучше сейчас, когда её нет.

Виктория робко постучала и вошла в комнату, которая находилась недалеко от детской и кухни, и где хозяин мог давать горничным конкретные указания, и где хранилась часть домашних припасов.

Агний в очках сидел за просто сбитым столом и вышивал на боку найденных и постиранных Далилой носков белые снежинки. Очки он надел исключительно для деловитости и создания определённой атмосферы для работы: зрение у него очень даже отличное.

– Проходи, садись там. То, что Далила против рождественских носков и новогоднего камина – ещё ничего не значит.

– Да, Александр, я как раз собиралась развесить их чуть повыше, чтобы дети не дотянулись.

– Молодец. Выбери и из тех, что сшил Калита.

– Хорошо.

– Далила сказала, что хватит и настоящего камина и настоящих носков в своих местах. Но то, что она стала взрослая и важная, опять-таки не означает, что это применительно ко всем. У малышей должен быть праздник.

– Думаю, сеньорита просто пошутила.

– Вечно ты её выгораживаешь. Вот твоё портфолио (указывает на папку на столе). Я его ещё раз подправил, кое-где изменил. Так что, в понедельник ты уже можешь вылетать. На первый раз я тебе чуть перечислю средств, а потом и сама справишься.

– Александр...

– В чём дело? Что-то не так? Чего-то не хватает?

– Я...

Несмотря на то, что разница в возрасте между господином Кирсановым и домработницами была внешне не такой уж приличной, девушки как-то ощущали что ли. Особенно, Виктория. Она никогда не видела в нём занятого молодого человека, а напротив серьёзного благодетеля, во всех смыслах порядочного и великодушного.

Но тут её нервы не выдержали. Слишком беспокойная утесненная жизнь. Перевод из одного детского дома в другой. Ранняя потеря родителей. Выживаемость при её спокойной созерцательной неспешной натуре. Потом, когда она выросла, попытки со стороны посторонних выручать деньги из её внешности. И как ею были недовольны, что она совершенно к этому неспособна. А жить и есть хотелось. Молодая же.

Она разрыдалась прямо перед ним. Буквально за считанные секунды.

Агний, ожидавший любой реакции, но только не такой, отбросил свои очки и шитье.

– Вика, что с тобой? Ты заболела?

Слёзы.

– Ну, хватит. Ты устала да? Потом поговорим.

Конечно, как и любой мужчина, он не мог выносить женских слёз, и терялся, как и все.

Старшая пыталась взять себя в руки, стараясь пальцами остановить водяной поток со своих ставших непослушными

синих глаз.

– Ну, не плачь. А то морщины появятся. Хочешь, я, приготовлю тебе кофе. Ты же любишь кофе.

Виктория кое-как унялась и уже просто всхлипывала.

Как я могу сказать ему, о чём думаю. Он подумает, что я дура. Как это вообще кому-то можно сказать. Я ничего не скажу. Просто уеду. Как я могла расплакаться вот так. Слабачка!

Но когда она поправляла назад свои непослушные чудесные локоны, когда он наконец увидел как невольно, как у ребёнка, опустились уголки её губ, похожих на лепестки розовых роз, как она тёрла уголки глаз, оттого что слезы были слишком солёные – Агний наконец обнаружил в ней не эту всегда дипломатичную сдержанную строгую девушку, а маленькую девочку, детство которой он пропустил. И вот она, перед ним. Не может скрыть стыда и позора, но в то же время, разве могла эта гордая скрытная натура так открыться перед чужаком. Неужели она чувствует...

– Ну ладно. Подумай ещё раз. Неделю. Малыши не поймут, если тебя не будет вместе с нами на новый год. И... Поговори с Далилой. Она всё-таки психолог.

– Простите, Александр, это всё нервы. Я исправлюсь.

– Всем иногда надо поплакать. Пойдём на кухню, у меня в кофемашине есть замечательный крепкий чёрный кофе без

сахара.

Она поблагодарила его и он проводил её в столовую. Ах, если он мог бы видеть себя и её со стороны! Они были похожи, как брат и сестра.

Глава 54

Хрисанф вернулся в "комнату допроса", решив, что с самого утра растёт и зачинается совершенно странный, особенный день. Виктория чисто выбила его из колеи своей выходкой, но он был твёрдо намерен разобраться с квартирным вопросом горничных далее по порядку: Далила терпит, потерпят и они.

Вот так номер, стежок пропустил. Он завершил снежинку на левом носке и принялся за правый, когда вошла Вероника.

Ну эта. С ней надо поостроже.

– Вероника, вы когда с Богданом собираетесь пожениться?

Вера только что прибыла (с опозданием, разумеется) в усадьбу, так что не знала о происшествии с Викторией.

– А что, шафером хотите устроиться?

– Особым желанием не горю. Но вполне себе могу, лишь бы поскорей.

– Поскорей невозможно, Сасконай. Это вам не пирожки на скорую руку. Время нада, деньги нада.

– Не надо меня так называть. У тебя очень неважные манеры. Даже Арсен это заметил.

Девушка усмехнулась, обнажив ряд весёлых ровных зубов, а на щеках обозначились приветливые ямочки.

Ну как можно на такую сердиться.

– Этот толстяк?! Фуу! На себя пусть посмотрит.

Наглая и беспардонная, не могу. Ещё и хитрая.

– Но, Сурук, сами смотрите, мы же – студенты.

– Я тебе ещё раз повторяю. Мы знакомы без году неделя. Я тебе не Сасконай, не Саска, не Сурук и не КирСаш. Хватит уже это терпеть.

– Ой, простите-с (это она курсы этикета у Калиты проходила, да, видимо, чтоб комиков играть).

– И перестань лыбиться. Девушка должна быть загадочной и неприступной, а ты вся как на ладони.

– Но, господин! Богдан в колледже академ взял.

– Ой, только этого мне ещё не хватало.

– Ничего, не бойсь! Охранником устроился два на два. А у меня индивидуальный график на моём поварском.

– Что-то ты темнишь. Никогда не слышал об индивидуальном графике на поварском.

Вероника заливается ну очень заразительным колокольчатый смехом.

– А вот и есть! Я могу! Ради вас, между прочим. Чтоб тут у вас помогать.

Ай, лиса. Помогает она ага. Далилин суп на горячень пальчиком в рот. Далилин! Мою тарелку хоть в унитазе мой, неважно. Всё время бегают к своему парню в общагу, здесь вообще половину отработывает нет.

– Ну, хорошо. А что, если я помогу со свадьбой? Свалишь отсюда?

Тут только прямым текстом пройдёт.

– Как можно, Александр!

– Не копируй Викторию, тебе не идёт.

– Но я не могу такое-с с вас-с просить.

– Ты уже натурально издеваешься да.

Знает, что у неё любой номер пройдёт.

– У меня встречное предложение.

– Это какое же, балаболка.

– Вот вы нам нормально труд оплачиваете, так.

– Так.

– А вот у Бонданчика не так. Когда нормуль, когда кукиш.

Если вещь там пропадёт, вообще штраф.

– Я бы за такую халяву выгнал его куда подальше. И тебя хочу выкинуть, дай только повод!

– Александр (елейно), в чём же я провинилась? Правильно, ни в чём. Мы с девочками – настоящая честная бригада. И мой жених такой же. В общем, предлагаю его устроить тут садовником, а то у вас сад, знаете ли приличный, но запустился.

– Сейчас зима.

– Но внутри много же растений требуют уход!

– Это да. Нарастил на свою голову.

– Вот и ответ. Богдану много не нужно. Как мне, и авось через год будете мёд-пиво пить!

Хрисанф от неудовольствия сжал губы.

– Сдаётся мне, ты всё за меня решила уже давно.

– Для вас стараюсь, батюшка!

– Не зови меня так!

– Дядюшка! (слышала, как зовёт его Аэлита).

Агний даже покраснел от смущения.

– Ах ты несносная невоспитанная борзая девчонка! Раз так! И у тебя так много времени с твоим поварским, иди секретарём на полставки, пока Маринка в декретном, к Самуилу Виссарионовичу! Вот, споетесь, ей-богу! Но если хоть волос упадёт с твоей головы по его вине, я его напополам

разрублю!

– На полставки не могу! Попросите полную оплату. Мне ведь здесь ещё сёстрам помогать!

– Убирайся, айка, ты меня достала, с тобой просто невозможно разговаривать, манипуляторша!

– Ухожу-ухожу, исчезаю, Сачик!

– Береника!!! (кричит, как папа Эмиля вслед за проворно убегающей хохочущей горничной).

Глава 55

Слава богу, Далила вернулась к обеду и очную ставку с Ванессой Хрисанфу пришлось отложить.

Муж сердито завязывал к своим вышитым носкам зелёные и красные шнурочки, чтоб, всё-таки, можно было открывать-закрывать.

– Солнышко, ты вернулась! Знаешь, я тебя прошу, прогони отсюда Веронику! Она у меня вот уже где!

Агний чуть ли не с гневом насадил на шнурки блестящие синие бусины.

– Просто мочи нет, как бесит! Чуть вот рукоделие не испортил!

Далила жила здесь, так что видела, что супруг прикипел к девушкам за очень короткий срок. Поначалу ей это не очень нравилось, особенно особенности контактирования с Верон

и Вани, но когда она узнала об их происхождении, поняла, что Хрисанф сам не понимал, что делал, когда брал их в дом. А теперь не осозновал, что вконец погрузился в дочери-отцы.

– Ах ты бедняжка!

Подходит к нему, склоняется к истыканным иголкой пальцам и целует его ладонь.

– Ты хорошо устроился да.

– О чём ты, титях (птичка)?

– Это и есть твой идеальный план: окружить себя гаремом и быть избалованным хозяином. Неплохо-неплохо.

– Пфф! Далила, я же только тебя люблю! Но (увидев, что она не сердится) ты в чём-то права, жить в цветнике – башка-то у меня варит! Я ещё хочу сделать тебе детей!

Агний отложил свою поделку и весь потянулся за поцелуем.

– Держи карман шире! Вообще обнаглел?!

Она надулась и отошла к окну.

– Как там Арсен?

Хрисанф рассказал ей всё по порядку, и судя по его беззаботному виду, Далила поняла, что ему происходящее на руку. Она останется без подруги, а он – без лишней мороки.

– Титях.

– Да, любовь моя.

– Тебе что, всё равно, что творится с этими молодыми?

– Ну, Аэлите твоей точно будет лучше. Посмотри сама, непонятные внутренние метания. Мне было жаль девочку. Ведь она это не показывала. Войдёт в естественную среду. Что касается Арсушки... Ну, что поделаешь. Не в первый раз нашего брата динамят: постоянно так у мужиков.

– Агний! Не люблю!

Хрисанф засуетился вокруг жены, бегают, прыгает, старается копирнуть папу Иванова.

– За что?! Что не так сегодня со всеми! Все не с той ноги встали что ли... Один я в духе новогоднем и рождественском...

Он теперь выглядит рассеянным, опять в режиме "мировоззрение поменялось". Далиле жаль его, когда он так мило, но зависает.

– Ну ладно. Покажи свою работу. Не маловаты? Что в них можно класть? Такие смешные! (муж отвлекается).

– Ну, Далила-йяа! Не паравоз же! То в коробку положим. А сюда эти... Шоколадные яйца можно, украшения для тебя могу заныкать, или там перья для твоих писаний.

– Ути, какой предусмотрительный! Всё равно развесили эти флаеры да! Может, ты всё-таки, из Запада ребёнок? Мы тут к такой теме только въезжающе.

Агний вновь задумывается.

И вправду...

– А может я насмотрелся в малолетстве видосиков и просто мечтал о таком?

– Может быть.

– Скорее всего, так. Я отсюда хочу быть. Откуда и ты.

– Прямо силком?

– Ну, видишь, какой я нордический (показывает бицепс).

А лохушек этих видела? Даже Арсен заметил, что они – тотальные лошарики.

– Ты что, хочешь сказать, что я тупая!

– Ты итак тупая, в этом нет ни капельки сомнения!

– Ах так! Получай тогда!

Пуляет в него его расшитый носок. Хрисанф ловит его на лету, затем ловит Далилу и прижимает к себе.

– Я хочу тупить вместе с тобой потому что. Дышать воздухом, которым ты дышишь, ходить по Земле, по которой ты ходишь – быть вместе, только и всего.

– Дурачишка ты.

– Натуральный дурачишка. Откуда взяться этим мелким лохнесскам, только от влюблённого дурака!

Арсен немного прибрался и решил немного поспать: тело давало знать о регулярной этой потребности.

К шести негромко тренькнул его телефон, лежавший рядом с кроватью на тумбе. Это было сообщение от Аэл. Она писала, что срочно улетает, и чтобы он приехал проводить её в аэропорт.

Так быстро. И суток не прошло. Всё решили?

Арс неспешно поднялся с постели, натянул одежду, сполоснул лицо холодной водой и набросив на себя не очень тёплую куртку с капюшоном, вышел на улицу. К углозубу. Быстрей! Всего лишь час!

В машине поступил звонок от Хрисанфа.

– Бро, я еду. Мы все едем. То есть мы с Далилой будем.

– Хорошо.

Там было очень много народу. Все куда-то собирались перед праздниками: в Москву, Петербург, на море, за рубеж.

Арсен издали увидел, что Аэлита стоит в тесном кругу, облепленная разными людьми. Чуть поодаль с небольшим дорожным кейсом посматривал в её сторону Тутти, также по-летнему одетый в джинсы и футболку. Стэнли разговаривал с кем-то в форме, видимо, работником аэропорта.

Все хотели пожелать доброго пути Золотаревой. Кому-то она успела скинуть смс-ку, но большинство её знакомых прибежали, услышав быстро распространившийся слух.

Аэлита уезжает в Америку учиться по обмену в рамках ежегодной студенческой программы. Странно, она ведь чуть не бросила институт, не успевая по работе. А теперь всё очень срочно. Или сегодня, или никогда. Она улетит со своим научным руководителем и его сотрудником. Говорят, что её специальность будет связана с менеджментом и управлением персоналом в международных отношениях. Она-то? Вроде и подходит и не подходит. Ведь она никогда не входила в число блестящих студентов. Связи? Из обычной семьи, бывают и покруче. Наверное, тайно давно собирала материалы и искала соответствующую информацию. Но эта маленькая делегация прибыла в их маленький городок, чтобы лично забрать её с собой.

Родители девушки были и несказанно рады, ведь они уже стали привыкать к мысли, что их единственная дочь постепенно прекратит обучение и посвятит себя работе и семье. С другой стороны, для них это было так внезапно, что они оба немножко плакали и смеялись от волнения, засосывая в её маленькую дорожную сумку кое-какие личные вещи, завтрак и блокнот с контактами, чтобы она не теряла связь со всеми: она такая растеряша. Аэл при прибытии с моря Лаптевых остановилась в доме родных.

Также на неё чуть ли не налегали её подруги с двух джобов, однокурсники, одноклассники, коллеги и вообще все, кому не лень было припереться сюда этим вечером.

Колобочек, разумеется, тоже присутствовал. Арсен видел, как она обнимала его, как плюшевого мишку и целовала в обе щёчки, а он выглядел немного испуганным и растерянным и не знал, что сказать.

Чиполлинка, какая же ты луковичка. Вон какая куча людей тебя любит. Ни проехать ни пройти.

Однако, Далила пробилась.

– Аэлита.

– Тётушка!

Аэл кинулась к Лил, успокоив её своим привычным поведением.

– Аэлита. Это ты?

– Это я.

– Так быстро. Когда ты приедешь обратно?

– Не знаю. Но думаю через три месяца меня уже ничто не сможет остановить, и я обязательно приеду обратно.

– Так коротко не учатся.

– Мне положены каникулы. Ведь я давно не была студентом. С меня другой спрос.

– Крошка. Я буду скучать.

– Я тоже, тётушка!

Хрисанф немного отодвинул очередь, чтобы подружки могли чуток поворковать без лишних глаз и ушей. Он не слышал, о чём они говорили, поскольку минут через пять, Аэл толкнула его в спину.

– Дядюшка Хрисанфий.

Выглядит вполне безобидно, разве что от смущения держится не слишком громко.

– Ну что, старушка, встаём на крыло.

– Так точно.

Аэл приставила пальцы к козырьку.

– Вольно. Ну, удачи тебе, крёстная.

– Дядя.

– Да, принцесса.

– Простите, что обидела.

– Кажется, я хотел бы чтобы мы оставались на ты.

Девушка засмеялась также, как и раньше, когда разговаривала с ним.

– Но в следующий раз наверное мне придётся отдавать честь.

– Только в рамках приличия. Не сердись на меня, Хрисанф. Я только поняла, что если хочу посмотреть в зеркало, мне просто стоит посмотреть на тебя (с неуловимой горечью

и тотально-ответственной обреченностью в голосе).

– Не утрируй, дюймовочка моя.

Агний слегка прикоснулся её плеч и прошептал в ухо.

– Всё будет хорошо.

Он отвёл супругу в сторону подальше от оравы желающих, хотя бы дотронуться кусочка драгоценного пуховика. Пассажиры уже поднимались по трапу, Тутти устроился возле иллюминатора, нацепив наушники и забив место для своей спутницы. Стэн, не обращая внимания ни на кого, восторженно говорил по телефону.

Волна зевак схлынула и Арсен оказался перед Аэлитой. Она робко, но прямо подняла свои глаза и посмотрела на него. Всё было в этих глазах, как сказал бы дядюшка Тургенев.

Не надо было ни слов, ничего. Всё исчезло, остались только они вдвоём.

Была ли это конъюгация, или это была любовь, он чувствовал каждой клеткой тот мощный поток тепла, которое она ему посылала.

Вот моё письмо, потом прочитаешь. А вот моё кольцо с камушками. Наше обручальное я спрятала в доме родителей. Я больше ни о чём не думаю сейчас, только о твоём обеща-

нии дарить мне колечки каждый год, сто лет подряд и больше! Я живу этой мыслью: иметь сто колец от тебя и больше!

Прости, что не подарила тебе ребёночка. Я очень старалась. С самого того дня, как стала твоей. Я знала, что ты был там, на маяке и видел, какой я стала.

Я уезжаю не из-за них. И не из-за мира во всём мире. Я уезжаю из-за тебя. Потому что не достойна тебя никогда и нигде. Ты – самое лучшее, что было в моей жизни. Ты думаешь, что женщины не доберутся до дна своей лжи, потому что сами не знают, где она начинается и где продолжается.

Я люблю тебя, чиполлинка. Моя самая-самая. И всегда буду твоим. Помнишь наш секрет?

Арсен, мой любимый. Мой. Даже если у тебя появится новая жена и дети, я буду любить тебя и благословлять тот день, когда дедушка Амур прикрепил моё сердце к тебе. Ни один мужчина, никто на свете не заменит мне тебя. И если можно будет родиться тысячу раз, во всех этих жизнях я буду только твоей.

Золотинка моя ненаглядная, я буду ждать тебя.

Если ты помнишь нашу тайну, то часть меня всегда будет рядом с тобой, потому что не в силах расстаться с тем, кого люблю больше всех на свете. Не верь тени той, которой буду

я казаться оным, лишь ты знаешь меня настоящую, другим я незнакома. Я стану сильнее, Арсен. Чтобы быть с тобою. Это самое трудное задание, которое выпало на мою долю.

Аэлита, тебя сливают, потому что ты – самый лучший человек в этой гребаной истории. Ты просто не измазана грехами с головы до пят, как прочие, поэтому я понимаю, что ты улетаешь. Но этого ничего не меняет, мои чувства остались прежними.

Если так, то я вернусь. Если ты хоть капельку любишь меня, я выполню всё, что от меня требуется, вырасту, чтобы ты мог не стыдиться меня и ничто не остановит меня на пути к моей мечте. Потому что единственная моя мечта – это ты.

***

В её письме было то же самое. Арсен думал, чтобы будет реветь, как маленькая девчонка, когда самолёт серебряной звёздочкой растворился в тёмном небе.

Но до этого Аэлита обняла его всем своим существом, как будто желая влить в него часть своей души. Все это видели. Тутти отвернулся от окна. Так и бывает. Когда добры люди становятся свидетелями чьей-то любви, они улыбаются, как столетние старики и щурят глаза, как от яркого солнца. А другие хмурятся и просто завидуют, потому что с ними ничего такого никогда не происходит.

Поэтому он не заплакал.

Аэл сдержалась. И я постараюсь. Ради себя, ради неё.